

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 7 (106)

июль, 2025

СЛОВО РЕДАКТОРА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен июльский номер литературно-исторического журнала «Александръ», который откроет для вас много новых имён. Так получилось, что в редакторском портфеле накопилось большое количество произведений авторов, ранее не публиковавшихся в «Александре», и в редакции возникла идея выпустить в некотором роде «дебютный», знакомящий вас с современными авторами журнал.

Подборка произведений июльского «Александра» отличается разнообразием жанров, стилей и тематик. Авторы затронули актуальные социальные вопросы, проблемы человеческого бытия, волнующие человеческие сердца. Идеи свежи и оригинальны, дают читателям возможность по-новому взглянуть на современный мир.

Мы живём в эпоху великого перелома, и сейчас существует большой запрос на нечто, чего ещё не было, на нового героя-патриота. И есть уверенность, что такого героя кто-то обязательно создаст. И будут рождаться новые великие произведения.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

СБЕРЕГАЯ РУССКИЙ ЯЗЫК...

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Рад приветствовать вас со страниц литературно-исторического журнала «Александръ»!

Русский язык – это язык великого русского народа, выдвинувшего из своей среды больших мастеров художественного слова, выдающихся писателей с мировым именем: Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, Булгакова, Бунина, Паустовского; из современников – Прилепина, Алексея Иванова, Варламова...

Проводя в последние годы многие спортивные и литературные мероприятия, я отмечал: у современных детей, подростков, юношей не сформированы каноны русского литературного языка – богатого художественными образами, где есть и сюжетная линия, и логика изложения, и последовательность мысли, вкус и стиль. В наше время, увы, преобладает упрощенно-просторечный, «сырой» язык, наполненный сленговыми словечками, диалектизмами, англицизмами – как же все это далеко от норм русского, пушкинско-лермонтовского, литературного языка!

Это происходит в том числе из-за бесконечных реформ в нашем образовании, которые так и не выработали устойчивых школьных и вузовских программ по русской литературе, русской истории. Между тем чуть ли не каждый день через Интернет вбрасываются все новые термины, модные словечки...

Поэтому, к сожалению, после прочитанных рассказов и повестей некоторых молодых писателей из-за эмоциональной скудости, а зачастую и неграмотности авторов ничего не остается в памяти, кроме «сутолоки серых людей» (Паустовский).

Этот недостаток – не просто неумение, свидетельствующее о недостатке культуры. Если проблема лишь в этом – дело поправимое. Нужно научиться воспринимать свет, краски, видеть жизнь, которая тебя окружает... «Хороший глаз – дело наживное», как говорил Константин Паустовский, классик художественной литературы. Надо работать, не лениться, работать над писательским зрением, внимательнее рассматривать окружающую действительность, людей, природу, – чтобы сама жизнь ворвалась в ваши рассказы и повести, будь то военная тема, спортивная, лирическая, другие направления творчества. Тогда, с этой прекрасной «пестротой света, красок и шумов», ваши тексты расширят мир читателя, что-то у него останется в памяти от прочитанного, а может, даже изменит его жизнь к лучшему.

Мое убеждение – для того, чтобы научиться хорошо писать, нужно свои чувства, мечты, сокровенные желания довести до полного голоса, сказать самому себе со всей силой, что вот это – «я». Желаю молодым писателям успехов в творчестве – при этом не коверкать, а совершенствовать русский язык, русскую культуру... Так ведь и рождается настоящая литература, интересная нашему читателю.

Олег ИВАНОВ,
член Союза писателей РФ,
заслуженный тренер России

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,
секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), ответственный секретарь Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

И. И. ВОЛКОВ (Мичуринск), председатель правления Мичуринского отделения Российского союза ветеранов Афганистана;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), член Правления Союза писателей России, председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 7 (106), июль 2025 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.07.2025 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

На обложке: Виктор Курьянов. Повсюду тишина. 2024.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии «СТРОКИ», г. Воронеж

Тел. 8 (980) 542-01-78, <https://stroki.ru/>

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 6 Олег Иванов.
Борис Майоров: «Пишем
коньками песни атак...»

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 13 Татьяна Анитова
16 Вадим Никитин
19 Сима Бакриева

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

- 21 Александр Седалищев.
Джанго

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 29 Андрей Обьедков.
Игорь Новиков: «Художник
должен преломить среду»

ЛИРИКА

- 33 Татьяна Дульнева.
Образ прекрасной дамы
36 Наталия Панова

ЖИТЕЙСКОЕ

- 38 Марина Архипова.
Вдовы

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 47 Вера Панченко
51 Ольга Старченко
52 Инна Игнаткова
56 Татьяна Акинина
60 Александр Гудков

ДЕБЮТ

- 61 Елена Кейн.
Митрич

ДЕТЕКТИВ

- 70 Дмитрий Игнатов.
Последний экстренный

ПРОЗА

- 77 Ольга Александрова.
Загадка улитки
82 Владимир Урецкий.
«Красный граф» в Казани

ДЕТСКОЕ

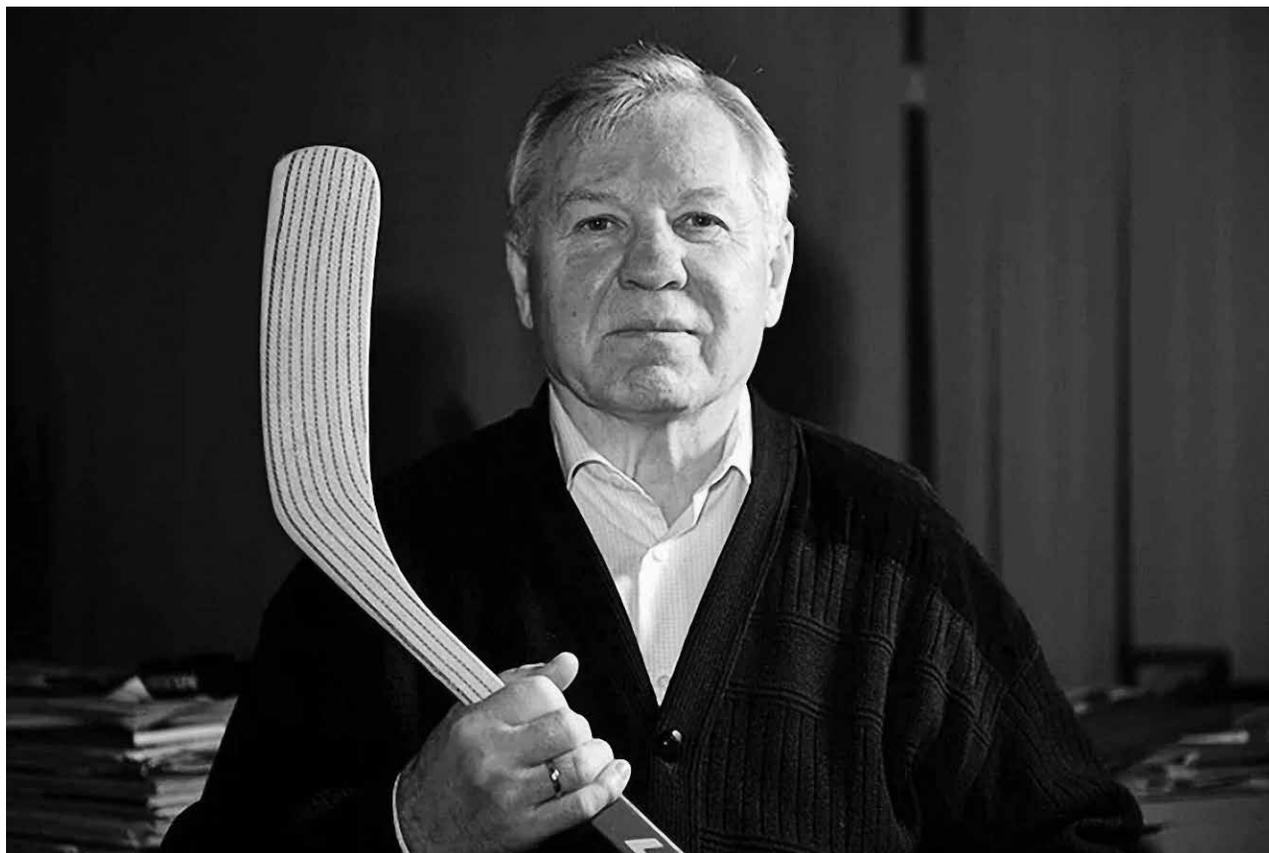
- 89 Ислам Исакжанов.
Три рассказа детства
90 Волшебный планетоход
92 Ергашка

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 95 Александр Сергеев.
«Русские просторы»

Вкладка – художник Игорь Новиков

БОРИС МАЙОРОВ: *пишем коньками песни атак...*

Эта фраза – «Мы пишем коньками песни атак» – из песни на стихи Александра Добронравова в исполнении артиста и певца Олега Анофриева из кинофильма «Хоккеисты», вышедшего на экраны в 1964 году, была в то время крылатой. Нынешнее поколение, наверное, уже и не знает её, но в мои юношеские годы она олицетворяла целую хоккейную эпоху нашей страны, когда сборная СССР подряд выигрывала чемпионаты мира и Олимпийские игры, побеждая хвалёных канадцев и американцев, а заодно и европейцев – чехов, шведов, словом, всех, кто становился у неё на пути.

Олег ИВАНОВ

Олег Николаевич Иванов – мастер спорта, заслуженный тренер России, кандидат педагогических наук. Воспитанник футбольной школы «Юный динамовец» (Москва). В дальнейшем – вратарь команды мастеров московского «Динамо», на протяжении нескольких лет являлся дублёром Л. И. Яшина. В 1966 году в составе сборной команды СССР стал чемпионом Европы среди юношей. С 1999 по 2003 год – тренер сборной России по мини-футболу. В настоящее время – доцент кафедры футбола и хоккея МГАФК. Имеет высшее юридическое и литературное образование.

В те годы многие уже обзавелись телевизорами, и когда транслировали хоккейные матчи с арен Европы и Америки – несмотря на разницу во времени, – улицы городов словно вымирали – такая стояла тишина. Все, прильнув к экранам, наслаждались прекрасными мгновениями любившейся игры под названием «хоккей» в исполнении дружины под руководством великих тренеров Чернышова и Тарасова и взрывались громкими «ура!», когда наши забивали очередную шайбу.

Трудно тогда было особо выделить в нашей команде какую-то тройку, все играли здорово, но хочется отметить надёжность вратаря, волжанина Коноваленко, и линии обороны: Рогулина, Иванова, Давыдова, Кузькина, других защитников. В нападении же выделялась академичностью своей игры армейская тройка: Локтев – Альметов – Александров. И безусловно, подкупала, не оставляя никого равнодушным, вихревая, техничная, напористая игра молодой спартаковской тройки – братьев Майоровых и Старшинова.

Время неумолимо, многих хоккеистов из той великолепной команды, сборной страны, уже нет в живых, не стало и Евгения Майорова, тяжело болеет Старшинов...

А как же поживает капитан той сборной – двукратный олимпийский чемпион, многократный чемпион мира и Европы Борис Майоров? Наверное, вам будет интересно знать, дорогой читатель.

Борис Александрович с мая по октябрь уже на протяжении многих лет живёт на даче

в посёлке Сосновый Бор, что под Мытищами в Подмосковье, здесь хвойный лес, берёзы, чистый воздух, да и рыбалка, которой увлекается ветеран хоккея, – всё под рукой.

В феврале этого года Борис Александрович отметил 87 лет. Но не сдаётся годам!

Он всё такой же поджарый, уже порядком седовласый, но с моложавым лицом и уж точно не выглядит на свой солидный возраст.

Остался всё тот же цепкий взгляд, который пронизывает насквозь, изучая соперника, как в хоккейной юности, когда его кредо в игре было не «перебегать-перетолкать», а «передумать» соперника, как-то обхитрить его, это своего рода соровничество с соперником.

Остались острота ума, верное восприятие реальности, жизнеутверждающая энергия. Таков по своей натуре Борис Майоров!

Откуда же у него такой характер, сила духа, убеждённость в своей правоте, которая не всем по нраву до сих пор? Истоки надо искать, наверное, в самом начале жизни. Вот что сам Борис Майоров вспоминает из своего детства:

«Родители у меня из Костромской области – Нерехтинский район, деревня Подорванка. Отца забрали на фронт. Мама, сестра младшая и мы с братом. У нас три сестры в семье. Старшая на трудовом фронте была, под Москвой противотанковые рвы копала. Я совсем малыш был. По маминой линии в роду все долгожители, а по отцовской – не очень. Отец умер в 65 лет, а мама очень долго прожила – 92 года. Брат, увы, ушёл из жизни, не дожив до 60 лет. А я в мамину родню, в Которевских. Она деревенская женщина, церковно-приходская школа – всё образование у неё. В труде, семейных заботах всегда была, потому что забот-то хватало. Жили в Сокольниках, дом без удобств, только печка. Дрова нужны. Мы с Женькой повзрослели – нас отец заставлял летом пилить дрова. Колоть – нет, а пилить – это наша обязанность была. Иногда и попадало нам – подзатыльник от отца, вот, но в принципе добрая такая, устойчивая семья, основа».

Что ж, у многих ребят послевоенной поры было такое детство. Не было ни телевизоров, ни тем более компьютеров, и вот на дворовых,

часто сооружённых своими руками площадках набиралось здоровья и сил то поколение, которое во многом затем – в 50-х, 60-х да и 70-х годах нашей страны – определило жизненный настрой, бьющую через край энергию, стремление к свершениям, преодолению любых преград.

Юным братьям Майоровым с товарищами по двору повезло: в 150 метрах от дома – стадион «Связист», чуть дальше – знаменитая Ширяевка. Как вспоминает Борис Александрович: «Я коньки надеваю дома и пошёл туда по снегу... всю жизнь на улице, вот сколько себя помню. Что такое Сокольники, двор? Пойти некуда, во дворе вся жизнь проходила. Во что мы только не играли! Все виды спорта освоены. Хочешь – на лыжах, хочешь – на коньках, хочешь – в баскетбол поиграть, хочешь – в волейбол, хочешь в городки – будем играть в городки, настольный теннис...»

Кроме спорта, любили братья, как многие в то время, гонять голубей:

«Во дворе было три голубятни. Мы все были специалисты по голубям. Ловили чужих, приручали их и так далее. Вот поймали хорошего, почтовой породы, обрезали крылья. Живёт он месяц-полтора – крылья выросли. Помню, один классный красавец сидел-сидел-сидел на крыше, на козырьке сидел-сидел, вот уже вроде освоился здесь – всё, вдруг, значит, сорвался, раз – и больше мы его не видели. Улетел домой...»

В те послевоенные годы у многих детей и подростков не вернулись с войны родители, детство проходило на улице, а там всякое случалось.

«Конечно, мы лет до пятнадцати, наверное, могли и подраться, и нахулиганить. Но это общая такая тенденция дворовая, подростковая. Бурлил я энергией. Но потом уже всё осознанно как-то пошло. Наверное, школа, предметы влияли, домашняя обстановка. В школе-то воспитание какое было патриотическое! Дисциплина какая была! У нас директор был – прошёл войну, жил там же, при школе. Он по утрам с прутом стоял при входе. Если ты опоздал, он тебя отхлещет этим прутиком, ёлки-палки. И никто не обижался: директор школы, учитель – святой человек!»

После военного лихолетья наша страна восстанавливалась. А в 50–60-е годы наступило время великих свершений: строились новые города, распаивалась целина, колосилась пшеница, первые шаги в освоении космоса... В этих условиях и формировалось новое поколение – волевое, со своим характером, видением жизни, целеустремлённостью, верой в себя и свои силы. Сама жизнь требовала от них проявления лучших моральных и физических качеств. Эти черты, разумеется, свойственны и одним из самых ярких представителей этого поколения – братьям Борису и Евгению Майоровым.

В школе Борис учился на «хорошо» и «отлично», окончил её с серебряной медалью, хотя уже активно занимался спортом – играл и в футбол, и в хоккей. Поступил в МАТИ – Московский авиационно-технологический институт. Зов времени! Бурное развитие авиации, ракетостроения, космонавтики. Первый спутник, первый космонавт Юрий Гагарин... Неудивительно, что многие молодые люди в то время живо интересовались техникой, авиацией, грезил космосом. Как сказал сам Борис Александрович, «молодёжь жжёт время».

Непросто было совмещать учёбу в вузе и игру в хоккей, тем более уже в профессиональной команде «Спартак», в которую из юношеского хоккея перешли братья Майоровы. Проявился характер: никогда не отступить, не бросать начатое, всё доводить до завершения – и убеждённость в своей правоте.

«Я вообще в этом плане был обязательным человеком всю жизнь. В школе я не представлял себе, как не выучить урок. Ну как не выучить: учитель даёт задание – выучить то-то, то-то, то-то. Значит, чтобы я не выучил – такого быть не могло... Однажды нужно было уехать с командой на игры – дней на 12, а у меня зачётная сессия. Я тренеру Анатолию Сеглину говорю, что не поеду: если я не сдам сессию, меня не допустят к экзаменам. Сеглин строго сказал: «Я тебе не заплачу за эти две недели». Я немного растерялся, но ответил: «Ради бога, пожалуйста». И он действительно мне не заплатил. То есть проявилось моё упрямство, что я сессию обязательно сдам и даже хоккей ради этого немножко на второй план перенесу. Вот такое внутреннее чувство: во что бы то ни стало, несмотря на какие-то там трудности, но институт я должен окончить. Цель поставлена!»

Итак, вуз Борис Майоров окончил и даже поступил в аспирантуру. Будучи аспирантом, выучил английский язык, а позже, перед Олимпиадой-80 в Москве, ещё и окончил двухгодичные курсы при Институте иностранных языков имени Мориса Тореза. Так что свободно мог общаться со своими коллегами из других стран.

Главный же свой жизненный путь Борис Майоров связал со спортом, с хоккеем, со «Спар-

таком», за который начал играть с 1956 года. Тогда и начала складываться будущая великолетная тройка, одна из сильнейших в советском и мировом хоккее в 60-е годы: появился Вячеслав Старшинов, затем в состав пробился Евгений Майоров.

«Наша тройка давала результат и в клубе, и в сборной благодаря сыгранности и пониманию игры, – писал в своей книге «Хоккейные перекрёстки» Борис Майоров. – Женька был тонким игроком, который мог вовремя сделать точную передачу. У него была хорошая скорость, а Старшинов выделялся своей нацеленностью на ворота».

Сам же Борис, обладая большой скоростью и отличной техникой владения клюшкой, обыгрывал соперников, отдавал точные передачи на «пятак» Старшинову, сам постоянно был нацелен на ворота и результативен по заброшенным шайбам. Именно Борис Майоров заслуженно считался мозговым центром первой тройки «Спартака». В чемпионатах СССР он провёл 400 матчей, забросив 255 шайб, и стал трёхкратным чемпионом в составе команды. В общей сложности на счету легендарного форварда – два чемпионства на Олимпийских играх и шесть – на мировых первенствах и чемпионатах Европы.

Такая результативность Бориса Майорова как бы несколько оттеняла игру его брата Евгения. «Брат даже обижался на меня, – вспоминал Борис Майоров, – мол, играете вдвоём со Старшиновым, а меня не замечаете».

Майоров-старший, не обладая особо мощным физическим телосложением, никогда не избегал силового хоккея – шёл на любого, даже самого «ломового» соперника. Тренеры требовали, чтобы в непростые моменты на площадке каждый игрок отработывал и в нападении, и в обороне, и у него это получалось успешно.

«Раньше какое было правило? Силовую борьбу можно было вести только на своей половине поля. Что это давало? Вот я взял шайбу, разогнался – ну уж тогда меня остановить очень сложно. Очень сложно. Меня тронуть нельзя на моей половине поля, а когда я на скорости, то сложно шайбу отобрать у меня, да. Сейчас борь-

ба по всему полю, к тому же заузили площадку, скорости здорово выросли, то есть более контактной стала игра. Не хочу хаять современный хоккей ни в коем случае, но просто абсолютно другие игровые обстоятельства».

Не все помнят, что Борис Александрович успел поиграть и в большой футбол. В 1961 году провёл два матча за основной состав футбольного «Спартака» – с «Пахтакором» и «Кайратом». Появление на поле хоккеиста Майорова болельщики встретили скандированием: «Боря, шайбу!» С лёгкой руки легендарного комментатора Центрального телевидения и радио Николая Озерова это превратилось в знаменитый клич «Шайбу! Шайбу!». Не менее легендарный Николай Старостин, руководивший в те годы футбольным «Спартаком», даже уговаривал

Бориса перейти в футбол, но любовь к хоккею пересилила.

В том же 1961 году Майоров принял участие в своём первом чемпионате мира по хоккею: в Швейцарии сборная СССР завоевала бронзу. Но это было лишь начало славного пути нашей сборной. В 1964 году с Олимпиады в Инсбруке выдающийся форвард привёз первую олимпийскую золотую медаль – и не остановился на достигнутом: 1968 год, Гренобль – второе олимпийское золото!

Сборная страны своими победами так влюбила в себя и в хоккей советских граждан, что в СССР начался настоящий хоккейный бум, который продолжался и в 70–80-е годы, когда на площадках блистало уже новое поколение наших хоккеистов. Имена выдающихся игроков,

как знаменитых наших артистов, знала вся страна. Зарождалось же всё это именно в 60-е, когда мы безраздельно господствовали в этом виде спорта, регулярно обыгрывая родоначальников этой игры на всех турнирах и у нас в стране, и за рубежом. В хоккее, несмотря на морозы, детишки стали играть во дворах. Заливались катки, строились хоккейные площадки. Тысячи родителей мечтали, чтобы дети шли в хоккейные школы и становились похожими на их кумиров – Фирсова, Майоровых, Старшинова, Давыдова, Викулова, Альметова, Александрова, Локтева, Рагулина и других. А в более поздние годы – Мальцева, Харламова, Петрова, Михайлова, Третьяка, Фетисова, Ларионова, Крутова, Макарова. А в сегодняшние дни – Ковальчука, Овечкина, Малкина. И так, из поколения в поколение, этот бум, надеюсь, будет и будет продолжаться...

Что сегодня прославленному ветерану позволяет на-

ходить в тонусе, быть в хорошей для своего возраста форме? Борис Александрович неизменно с искринкой в глазах отвечает: «Любовь к хоккею».

Во времена хоккейной молодости он всегда был готов играть как можно больше, хоть вообще не покидать площадку, благо и здоровье позволяло. «Я любил и играть, и тренироваться – вот для меня что игра, что тренировка – это в радость всегда было... Приходил на тренировку – с удовольствием тренировался. Выходил на игру – с удовольствием играл».

После завершения спортивной карьеры в 1969 году Майоров стал играющим старшим тренером «Спартака», а затем – просто тренером. Под его руководством спартаковцы дважды выигрывали Кубок СССР. Поработал он и за рубежом, в Финляндии: с 1974 по 1976 год был главным тренером известного клуба «Йокерит». В 1991 году снова вернулся на тренерскую работу в Хельсинки и в следующем году выиграл (с легендой финского хоккея Теэму Селянне в составе команды) чемпионат Финляндии.

С 1979 по 1983 год – начальник Управления хоккея Госкомспорта СССР; в 1995–1998 годах – генеральный менеджер сборной России по хоккею.

В январе 1998 года судьба сделала новый виток: Борис Александрович стал спортивным комментатором на каналах НТВ и НТВ+, комментируя матчи как по хоккею, так и по футболу. Его комментарии в обоих видах спорта заслужили самую лестную оценку как специалистов, так и миллионов телезрителей.

Однако искренность и бескомпромиссность суждений Майорова нравились не всем в руководстве нашего хоккея. В 2015 году, при создании «Матч-ТВ», с рядом «возрастных» комментаторов не обновили контракты. Так

завершилась карьера Майорова на телевидении.

...Сейчас Борис Александрович Майоров на общественных началах является председателем совета ветеранов «Спартака», председателем Тренерского совета Федерации хоккея России и занимает пост вице-президента этой организации.

Нередко, гуляя по посёлку Сосновый Бор, встречаюсь с Борисом Александровичем около его дачи и всегда удивляюсь энергии этого человека. Всё-таки за плечами уже 87 лет непростой жизни, в которой были и взлёты, и падения, а Борис Майоров по-прежнему полон оптимизма, может поддержать любую беседу на тему спорта, особенно это касается футбола и, разумеется, хоккея. И здесь он, конечно, признанный авторитет, знаток, который по-прежнему в курсе всех хоккейных событий не только в нашей стране, но и за рубежом.

«Я веду довольно активный образ жизни. На хоккей регулярно езжу, спартаковские игры практически не пропускаю. Прихожу на стадион, у нас своя ложа ветеранов, общаюсь, но тех-то, с кем я играл, осталось всего ничего. Вот двое таких активных – Володя Мигунько и Александр Кузнецов. Есть ещё Кузьмин, ин-

валид первой группы, он не ходит. Старшинов тоже совсем больной. Леша Макаров умер в ноябре. Практически ровесники мы все...

Кроме этого, я ещё занят в Федерации хоккея – председатель тренерского совета. Какие-то совещания приходится проводить, чем-то интересоваться, с кем-то встречаться, созваниваться. В начале мая уезжаю на дачу – надо же после зимы привести в порядок и саму дачу, и участок, что-то сделать, вычистить, помыть и так далее. Супругу стараюсь не беспокоить – как правило, дочь помогает здорово, врач по профессии, доктор наук, следит за моим здоровьем...

Ещё у меня хобби – рыбалка. Я спиннингист, на месте не сижу. Лодка с электрическим мотором, есть напарник постоянный, мы с ним созваниваемся и договариваемся. Спиннинг – это не сидишь на берегу, закинул удочку и дремлешь. Нет, это работа! В том водоёме, где я ловлю, есть любая пресноводная рыба, но в основном это щука, окунь, судак. В прошлом году поймали с напарником сома на 11 килограммов. Вот! А так – жерех, плотва, лещ, налим. Сейчас появилась краснопёрка... Рыбалка, во-первых, тебя отвлекает от обыденной жизни, от забот и так далее. А потом действительно очень серьёзная нагрузка: попробуй 5–6 часов побросать, то сидя, то стоя в лодке. Вот рыбалка... Потом – заботы хозяйственные: езжу в магазин, на рынок. Последние лет десять так живу.

Хуже зимой, когда сидишь в квартире, в основном без дела. Все говорят: надо выйти на улицу, прогуляться там, пять километров пройти, десять... Нет, я не могу, я зимой дома сижу. Но, естественно, куда-то выезжаю: приходится раз в неделю ездить на дачу: проверять, что да как, снежок ведь, надо чистить дорожки. У меня цветы зимой стоят – надо их поливать. То, что сам могу сделать, я делаю. Бассейн – в жаркие дни пару раз окунаюсь.

Я в принципе не могу сказать, даже не помню, когда вот просто лёг на диван, и всё. Могу лечь только вечером, посмотреть телевизор и так далее. А днём чтобы я лежал на диване... Никогда не лежу! Это некоторые го-

ворят: после обеда тихий час должен быть. У меня тихого часа не бывает. Даже перед игрой я мог лежать в кровати, но никогда не спал. Просто лежал с книжкой, как правило, потому что просто так лежать не могу. И всегда была хорошая энергетика, заряженность на игру, на борьбу, на хоккей...»

Всякий раз, когда встречаюсь с Борисом Александровичем Майоровым, я как-то сам невольно получаю заряд оптимизма и жизненной энергии от этого замечательного человека. И сразу в памяти всплывают фрагменты из моей юности: та зажигательная игра сборной страны по хоккею 60-х годов, весёлые лица молодых крепких ребят в хоккейных майках с буквами «СССР», и звучат в голове строки знакомой песни:

*В жарких схватках раскалённый лёд...
Парни в шлемах, словно пять ракет,
Летят вперёд, чтоб у чужих ворот
Зажечь победы свет!
Вьётся над нами
Ветер, как флаг!
Мы пишем коньками
Песни атак!*

Татьяна АНИТОВА

РАДОНИЦА

От скрипа ступеней волнуется память,
Из старого запаха вырвется луч.
И веткам жасмина так хочется плакать
Над книгой с закладкой по имени грусть.

Звук шишек о землю, как с неба рогаткой
Шутник запустил, чтоб прервать тишину.
Всклопоченным утром, кофейным и сладким,
На несколько вдохов я время верну.

И может, над клумбой настурции рыжей
Качели верёвкой блеснут золотой.
Смеясь, херувимы взлетают над крышей,
А ты от калитки мне машешь рукой.

Я брошусь навстречу, глазами коснуться,
Дышать и молчать, утопая в саду,
Ведь точно я знаю, ты можешь вернуться,
Хотя бы сегодня, один раз в году.

У МАМЫ

Я помню рай, я знаю место,
Куда так тянет нас с тобой...
Оно у маминого сердца,
Оно под маминой рукой.

Ты будто ждёшь меня у двери,
Ныряю в детство налегке.
И свет от люстры еле-еле
Меня погладит по щеке.

Ты расспросить о чём-то хочешь.
Да всё нормально, всё о'кей!
Ты так заливисто хохочешь
Над глупой шуткою моей.

Картошки запах над плитой.
«Садись, остынет всё совсем!»
И, подперев щеку рукою,
С улыбкой смотришь, как я ем!

Ты стала маленькою, мама!
Глаза всё чаще к небесам.
Все Богу тайны рассказала?
Он не оставит, правда, мам?

И от серебряной макушки
Всё так же пахнет васильком.
Лишь отцвели твои веснушки,
Ты раздарила их тайком.

Мне на тебя не наглядеться.
Прохладно, шаль свою накинь!
Пусть в унисон стучат два сердца!
Во веки вечные! Аминь!

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Любовь – многоточье до бездны, до края.
Как в маленьком сердце вмещается столько?!
Я ей объяснялся, на дудке играя
И кожу берёзы целую легонько.

В чудесном раю из болот и молчанья,
Я, небом придавленный или распятый,
Ответного жду от России признанья,
Что любит меня, как любила когда-то.

Прощает глупца: столько дурней простила!
Обиду свою за улыбкою спрячет.
В глазах распускаются правда и сила!
Так, может, любовь моя многое значит?!

ВОЗВРАЩАТЬСЯ

Возвращаться. Придумать сценарий,
Как войдёшь и обнимешь свой дом.
Ты ворвёшься, внезапный и ранний,
В город детства, окутанный сном.

И в минутах, растянутых жвачкой,
Потеряв равнодушие и спесь.
Морячком, подуставшим от качки,
Крестишь небо: «А я снова здесь...»

Возвращаться. Запутаться в мыслях,
Не узнать стук своих каблучков.
Город детства, как сказочный призрак,
Не пускает домой чужаков.

Возвращаться. Со шлейфом из весен,
Пусть не вовремя, пусть кое-как...
Развозя по лицу злые слёзы...
И смеясь, словно старый дурак.

Я И МОРЕ

Зажав в кулаке море,
Глазами щупая горы,
Окутана дымкой безволя,
Запутавшись в разговорах,
Я синим пририта насмерть,
Качаюсь под ветром пальмой,
В кружении ярких пятен
Я стала ГОРИЗОНТальной.
А солнце в меня садится
И гаснет в моих ладонях...
Закатом дышит на лица
Ручное ночное море.
На память швырнёшь небрежно
Свой камешек с нежной кожей...
Я буду ласкать его вечно,
Чтоб стать на тебя похожей!

ПЕРВОЦВЕТЫ

Вот они появляются, звонкие, нежные,
И на небо таращатся в первозданной красе.
По-весеннему лёгкие и такие подснежные,
Жёлто-белые звёздочки на седой бирюзе!

И свирель расстарается – милая, дальняя.
В талом воздухе свет не согрелся ещё.
Первоцветы весной словно чудо сакральное,
Шепчут тихо и сладостно, что ты снова прощён.

ВЕСНА В ГОРОДЕ

Сквозь зелёное новолуние
Пыль, как пудра, легла на город.
Заиграла труба латунная,
Выдувая из лёгких холод.

От тепла затанцуют парочки
И цветов, и котов задумчивых.
Город прячет всю сырость в арочки
Под мотив музыкантов уличных.

Свежий дождь на ветвях качается,
Ноги в лужах совсем промокшие.
Сердце с ритмом никак не справится,
От весенних цветов оглохшее.

ВЕСЕННИЙ РАЗЛИВ

С кровати снежный полог сдёрнуть,
Взбивать перины просто лень,
Когда весна развесит сохнуть
Свой свежевывстиранный день.

Опять берёзовой блондинке
Закружит голову слегка...
Перемешав, как сахар, льдинки,
Запустит в небо облака.

Не уследишь и за домами:
Ныряют в воду аж до крыш...
Ведь от весеннего цунами,
Как от судьбы, не убежишь.

* * *

Коряга плавает нелепо,
Стволом толкая тишину.
Вверх, из разлива – ветки в небо,
А в отражении – ко дну.

Как сотни тысяч оборванцев
Толпа кустов из талых вод...
И дед Мазай целует зайцев
На старом месте каждый год.

ПОЧТИ РОМАНС

Начнём молчать – и потеряем слово.
Горбушку дней до слёз опять делить...
Уехать прочь... Ах, это так знакомо!
Не надо вслух об этом говорить...

И, может, жест важнее, чем казалось...
Объятий сон теплее, чем платок.
И пустота – вот то, что нам осталось...
И неподвижность слова «одинок».

Забудь слова, от них всё зло на свете!
Услышь глаза и запах от волос,
Движение ног на стареньком паркете,
Руки касанье, словно бы всерьёз...

Разлитый чай, волнение и дыханье...
Прелестный бант метнулся сквозь цветы...
Слова, слова, они как наказание!
В беззвучье мыслей, в эхе пустоты.

ВЫСТАВКА «МОСКВИЧКА. ЖЕНЩИНЫ СОВЕТСКОЙ СТОЛИЦЫ 1920–1930 ГГ.» В МУЗЕЕ МОСКВЫ

Ах, платок!
Ярко-красный на лоб, как стяг,
И в глазах –
Гордость первых... и снова страх.
Всех уьём,
Кто не с нами в строю идёт!
Мы равны,
Наш прекрасный стальной народ!
Ком-му-низм...
Далеко, не видать пока...
Ночь в окне,
Грудь разбухла от молока.
Спущен план –
Перевыполнен, он не ждёт.
Ситец-лён,
Да когда же она сошьёт
Платье то,
Что воланами по ногам?
А сосед
Наливает себе сто грамм.

Горло жжёт,
И слезой наплывает дождь.
Время есть.
Ещё жив ваш великий вождь!
Ночь страны,
Жизни топот совсем затих.
Жен-щи-ны...
Я ищу свою бабушку в них.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ. ПИТЕР

Сквозь каналы и сквозь откровения
Прохожу твоих улиц квесты.
Изнываю от нетерпения
И ревную тебя, мой маэстро!

Я ревную к толпе многоликой,
Что дворцами твоими любитесь.
Нет сомнения, Питер Великий
Для меня создавал эти улицы!

И в походке слегка королевской
Я запоем вдыхаю картины,
Выпивая с утра стакан невской,
Как царица Екатерина.

Растворяясь в дождливом потоке,
Я каналами чёрпаю силу!
Так ревную тебя, мой жестокий,
Что в решётке узором застыну!

В мостовых утопают столетия,
Марципановый луч еле виден.
У восторга – одни междометия.
Обними меня, царственный Питер!

Вадим НИКИТИН,
Камышин

ПУТЬ ДОМОЙ

Вроде я в России златоглавой,
ситцевой, берёзовой, седой.
Только нет, отнюдь. Такой неправый,
я далече от земли святой.
Не по крови, не по документам
чад своих определяет Русь,
а по выси каждого момента.
Так что в сыновья ей не гожусь.
Но пытаюсь дотянуться всё же
до любви, до истины её.
Не могу без колокольной дрожи
сарафанно-песенных краёв.
Там сердца и храмы нарасташку
и ветра в раздумья вплетены.
Рвусь туда, несущи души ромашку,
чтобы возратить корням родным.
Жажду в образах, в очах и травах,
в неоглядных далях утонуть.
И веду, и правлю я, неправый,
путь домой, где Небом дышит грудь.
Там и я бы, как могучий витязь,
подпирал плечом вершину дня.
Будете в России – поклонитесь,
поклонитесь Богу от меня.

ДОКУМЕНТ

На бумаге, как мозоль, шершавой
пишет Бог чернилами времён
имя «Русь» и отчество «Держава».
Пишет как незыблемый закон.
В самом внутреннем кармане, то есть
в сердце, носим этот документ.
Пишет Спас и будит нашу совесть,
пишет вновь и вновь, без перемен.
И, слащавый глянец презирая,
Русь святая держит на плечах
целый мир, от края и до края,
чтобы он не обратился в прах.
Держит, ибо Русь – держава. Богом
документ ей пишется на то.
И чернил до главного итога¹
хватит у времён. Печать крестом
ставит Царь Небесный на бумаге,
на сердцах, направленных к Нему.
Русь есть мы. Мы держим наши стяги,
веру, неподвластную уму.
Держим. И кровавые мозоли
выдаёт нам время вновь и вновь
ради документа вольной боли,
для чернил. Они ведь – наша кровь,
кровь единой группы со Христовой –
по-другому мир не удержать.
И, считаем, нет на свете слова
выше, чем Господняя печать.
Вот она, во внутреннем кармане
у тебя, меня, у многих нас.
Документ шершавится и ранит.
Пишет Бог его и в этот час.
Пишет и вручает нам, солдатам,
коих сосчитать я не берусь.
Мы идём по временам и датам.
Каждый, кто с печатью, – это Русь.

¹ До Второго Пришествия Христа.

ЗВЕНИ!

Медленно, молитвенно, былинно
 зазвучал торжественный глагол.
 Гуслиаров ковыльные седины
 заструил по ветру отчий дол,
 точно я в дозоре богатырском
 вышел край любимый охранять,
 чтоб поганый во поле не рыскал
 и не лютовал хожалый тать.
 Слышу вновь раскатистый и веский,
 будто гром небесный, вещий зов:
 голос трав, селений, перелесков,
 сарафанов, глаз и образов.
 Лишь настрою душу, и польётся
 речь дорог, погостов и берёз,
 и заговорят со мной колодцы,
 из которых пью свеченье слёз.
 Не объять великой шири этой,
 но струна её дрожит в груди.
 Оставайся ж вечно недопетой,
 древняя сторонюшка, гряди!
 Языком булатным, колокольным,
 коему всегда я поклонюсь,
 нотою холстинной и престольной
 ты звени во мне, святая Русь!

ОТКРЫТА ДАЛЬ

Открыта даль. Святые горизонты
 раскинули парящие крыла.
 Полётом детских снов почти спасён ты,
 мой крестный край, где свечи-купола,
 как витязи былин стоят на страже
 очей и дум, берёз и ковылей.
 Я чувствую, почти что знаю даже,
 чем дышат ветры дорогих полей.
 Дыханье их – от вздохов из глубинок,
 из русских вековых людских глубин.
 И вновь голубизною голубиной
 в глаза младенцам сходит Божий сын.
 Мечтают тропы об идущих людях,
 а странники – о солнечных путях.
 Иных уж нет. Но, сердце, не забудь их,
 взметнувших к Небесам подножный прах.
 Звенит чуть слышно в запредельной гамме
 дорог и душ молитвенная связь.
 Земля любви летит под облаками,
 почти что неземною становясь.

ГОРНИЙ КРАЙ

Разглядеть в России Русь святую
 можно только с высоты креста.
 Восхожу на эту высоту я.
 Но взойду ли, нет? Тропа крута.
 А добраться непременно надо,
 архинадо сей проделать путь,
 чтобы любящим сыновним взглядом
 к вечному Отечеству прильнуть.
 Как иначе я душой слепою,
 мир покинув, свой узнаю дом,
 как его найти мне за чертою,
 если в жизни не был с ним знаком?

КАЖДЫЙ КАМЕНЬ

Рождена минувшими веками
 каждая песчинка там и тут.
 Прошлого исполнен каждый камень.
 Из былого все пути идут.
 Пращуры вокруг стоят незримо
 и глядят на нынешних на нас.
 Это для меня неоспоримо,
 это чувствую во всякий час.
 Вижу кадры хроник неотснятых,
 как богатыри на подвиг шли.
 Вот они, дубами в три обхвата
 встали, стражи дедовской земли.
 Памятью ковыльную воспитан,
 красотой былинною пленён,
 я – служитель веры неубитой,
 веры, в коей пращуров закон.
 Отчими тропинками ступаю,
 вещи молитвы их пою.
 Ну а если нет, то обличает
 каждый камень
 в кривде жизнь мою.
 И благодарю я за науку,
 говорящую мне, что неправ.
 И целую жилистую руку
 богатырской хроники дубрав.

ТУДА, ГДЕ...

Хотелось бы мне жить в глухом краю,
поближе к простоте, природе, Богу.
Там тишина лилась бы в суть мою
молитвенно, торжественно и строго.
Такое приближение всегда
ценю превыше всякого комфорта.
И делится со мной в ночи звезда
секретами особенного сорта.
А с ней и я ночной порой делюсь
всем тем, чем сердце несказанно дышит.
Хочу я жить лишь только там, где Русь
ветвями в синеве былины пишет,
лишь только там, где лики и кресты,
где ветры в буйных травах заплутали.
И навожу через себя мосты
туда, в заветные, святые дали.
Таёжный или горный бедный скит
зовёт меня, в моё стучится сердце.
А я, мирской обыденностью бит,
томлюсь в плену заезженных инерций.
И вырваться на волю не могу,
как будто бы оковы не пускают.
Но тонкая свеча горит в кругу,
в кругу сказаний дедовского края.
И говорит со мной звезда небес,
и мысленно лечу в родные дали,
туда, где бедный скит, дремучий лес,
где ветры в буйных травах заплутали.

КУЛИКИ

Всяк кулик своё болото хвалит

И мы поём и славим свой предел.
Быть куликами вовсе не зазорно.
Почётно это – звоном слов и дел
в родную землю сеять Неба зёрна,
служить и ничего не ждать взамен,
и есть ли эхо, никогда не слушать.
Ось бытия возьмёт опасный крен,
исчезнет если куликовость в душах.
Но день за днём всем бедам вопреки
сердца взывают песней вновь и снова.
Мы воспеваем Русь. Мы кулики.
И поле жизни нашей – Куликово.

ЧИТАЮ РОССИЮ

Читаю Рубцова – и вижу Россию,
великую грустную матушку-Русь,
с душой полустанков, с дождями косыми,
с крестами имён, коих счесть не берусь,
с клубком непростых философских вопросов,
с протяжностью песен, молитв и дорог,
с морщинами древних, былинных утёсов
и тайнами диких медвежьих берлог.
Читаю Есенина – и на страницах
несказочной книги раздумий моих
опять предстают мне погосты, криницы,
селенья, распутицы, лики святых.
Здесь вновь-таки – очи небесного цвета,
и волны судьбы на ковыльном ветру,
и клик журавлей, и надежды рассветов,
и колокол истины в шумном миру.
Читаю я подлинно русские строки –
и точно по тропкам глубинок иду,
где корни свои нахожу, и истоки,
и вечно искомую мной высоту.
И пусть у кого-то иные основы
и отчей стезей им дышать недосуг –
внимаю родному негромкому слову.
Читаю Россию. В себе и вокруг.

А ЧТО ЕЩЁ-ТО?

К земле припасть, отдать поклон высотам,
и глубины отведать из колодца,
и вздрогнуть от любви. А что ещё-то?
Лишь только это жизнью и зовётся.

Сима БАКРИЕВА

ВИШНЯ

Вишня, милая, родная,
Как красиво расцвела.
До чего ж ты, золотая,
Людам радость принесла!

Ты, богатая плодами,
Угощаешь всех подряд,
Одарила нас дарами,
Все тут выстроились в ряд!

До чего ж на вкус приятна,
Ароматна и нежна.
Как тебе мы благодарны,
Витаминка так важна!

И не зря ты цвета крови,
То о многом говорит.
Чтобы жили мы без боли,
Чтоб могли мы жить, творить!

Как же милостив Всевышний,
Он заботится о нас,
Ни один из нас не лишней,
Дарит чудо всякий раз!

ВРЕМЯ ЛЕТИТ

Не успела оглянуться...
Я?! И бабушка уже!
И со мною моя внучка,
Внук танцует и кружит.

Как летишь ты, время, быстро,
Дай ещё чуток пожить.
Не погасла в сердце искра,
Я с семьёй хочу побыть!

Что поделать? Всё сложилось,
Как Всевышний захотел.
Жаль, что всё так получилось,
План мой личный полетел...

Но на всё Аллаха воля,
Значит, лучшее Он даст!
Хоть и ныла я от боли,
Жизнь легла в обратный пласт...

Удивительная штука –
Рождены, чтоб умереть...
Жизнь – не сказка. Только – мука.
И летит навстречу смерть...

ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ, МАМА!

Меня не ищите, земляне,
Теперь в небесах мне летать!
Я крепко прильну к своей маме
И буду её обнимать!

Я столько в миру настрадаюсь
Без маминой нежной любви...
Счастливою быть я пыталась,
Но рушились в корне мечты.

Несладко пришлось мне по жизни
В горячих слезах прошагать.
Держи меня, мама, ты сильно,
Не надо меня отпускать!

Там плохо! Там брошена всеми.
Я там никому не нужна!

Жестоко они все смотрели,
И всем почему-то должна!

Мне нечего там больше делать,
На этой несчастной земле!
Лишь злые летят в меня стрелы,
И вот прибежала к тебе!

ДОРОГОЙ УЧИТЕЛЬ

Я так давно не видел Вас, учитель.
Как много лет прошло с тех самых пор!
Для нас всегда великий Вы мыслитель,
Любой Вы наш решить умели спор.

Вы многому тогда нас научили,
Не только математике, письму.
Любить страну и край родной учили,
Помочь во всём и другу своему!

Быть верными и честными учили,
Ответственности научили нас.
И потому всегда мы к Вам спешили,
И очень мы тогда любили Вас!

Вы в нас вселили гордость за Отчизну,
За Родину бороться до конца!
И зародилась в нас любовь к туризму,
Закон мы чтити трепетно отца!

Мы очень благодарны Вам, учитель,
Для нас всегда Вы – светоч на земле!
Желаний детских были исполнителем,
И память эту мы несём в душе!

КАК УТЕШИТЬ ТЕБЯ?!

С таким трудом детей ты воспитала,
С таким трудом сынишек подняла...
Ну как же так?! Несчастливая такая,
Так много горя в сердце пронесла...

Казалось, позади беда любая,
Уже женились дети, внуки есть!
Но вот поторопилась весть дурная,
В судьбе твоей всех бед уже не счастье...

Прекрасный сын, воспитанный и умный...
Ведь вся надежда пала на него!
У мамы был он старший и любимый,
Но вдруг не стало милого – его...

Когда же ты, судьба, меня оставишь?
Испытываешь так за что меня?!
Когда же ласковей ко мне ты станешь?
Всевышний, пощади бы Ты меня!!!

Детей-сирот одна я воспитала,
Всю молодость потратила на них!
И кто бы знал, ну как же я устала!
Теперь придётся поднимать других...

Дай силушек! Дай милости, Всевышний,
Должна нести теперь я эту боль!
Немного счастья было бы нелишним.
Откуда горя привалило столь?!

ОСЕНЬ

Эх, осень, осень, забери ты слёзы
И унеси ты горе и беду.
С твоей красой в мечтах всплывают грёзы,
И от души о счастье я прошу!

Я так устала от проблем насущных,
Искать ответы, вечно их решать...
Освободи меня от боль несущих,
Тяжёлых мыслей, что мешают спать!

С моей дороги уберечь ненастье,
Плохих людей и злые языки.
Ты подари мне наконец-то счастье,
Чтоб были впечатленья велики!

Джанго

Александр СЕДАЛИЩЕВ

Наверное, многие видели и помнят главного героя из одноимённого фильма «Джанго». Сила его духа просто поражает, даже если понимаешь, что это выдуманная история и в реальность показанного тяжело поверить. Именно имя этого героя фильма выбрал себе мой новый знакомый Артём.

Когда в первый раз услышал позывной Артёма, я просто удивился, и первой моей реакцией было, что негоже бы иметь в качестве позывного имя героя американского фильма. Но это была сиюминутная реакция. Чем дольше я общался с Артёмом и чем глубже проникался его перипетиями, тем больше понимал, что позывной свой он выбрал не случайно.

А ещё меня не оставляло впечатление, что подвиг повторяется. Я про лётчика Алексея Маресьева, пробиравшегося из вражеского

тыла с тяжёлыми ранениями обеих ног. Дух, присущий нашему народу, никуда не делся. Из поколения в поколение он передаётся, а воспитание, основанное на примере наших героев, всё-таки находит благодатную почву.

В этом кратком очерке я расскажу ещё про одного героя – выходца из Якутии, проявившего невероятную выдержку, любовь к жизни и силу духа, на примере которого надо учить других молодых людей.

Когда в первый раз мне рассказали про то, какое испытание прошёл Джанго, я вначале не поверил. Как же мог простой паренёк, с виду совсем даже не герой и не атлет, выдержать это тяжелейшее двухнедельное испытание, сопряжённое с ежесекундным риском для жизни и смертью наиболее близких ему друзей?!

На фото, переданном мне по сотовой связи, сидит худощавый, совсем небольшого роста и комплекции парень. А когда с ним встретился

в госпитале в городе Краснодаре, я был просто поражён. Передо мной на кресле-каталке сидел исхудавший до состояния истощённости человек. Но он улыбался, адекватно реагировал на шутки, и по разговору с ним можно было сделать вывод, что передо мной человек, духом не упавший и не сломленный, желающий сражаться и бороться дальше, желающий мстить за смерть своих друзей, значит, желающий и дальше сражаться за свою Родину.

Джанго – человек не в возрасте. Ему всего-то на момент нашего общения было 28 лет. Мобилизован был из Якутии, где работал экскаваторщиком в золотодобывающей организации. К тому времени он уже женился, и у него родился второй ребёнок, который тогда ещё не начал ходить. Увлекался охотой и рыбалкой. Были у них с родственниками свои охотничьи угодья на берегу красивейшей реки Амги, куда он часто выезжал. Впоследствии это его увлечение очень даже помогло на войне. Ведь там он научился многому. Не только стрелять, как многим кажется. Охота – это в первую очередь умение терпеть, работать руками, обустривать быт, обращаться с техникой. Это также связано с большими физическими нагрузками, умением переносить лишения, и, наверное, в последнюю очередь – обращаться с оружием.

Вначале его назначили наводчиком автоматического гранатомёта, а в апреле 2024 года он был направлен на переобучение, после которого стал пулемётчиком ПКМ. За все эти полтора года участия в СВО у него ранений не было. Как-то удавалось избегать этого. Возможно, что везение и его небольшой рост помогли ему в этом. Ведь человек небольшого роста – это маленькая мишень, поэтому меньше внимания врага привлекает и труднее в него попасть. К тому же Джанго крещёный, но при этом соблюдает все обычаи и традиции своего народа. К таким выводам приходит сам Джанго, рассказывая про себя.

С самого начала службы на СВО наиболее близко подружился с бойцами с позывными Никитос – из Якутии, Кот – из Астрахани и Скрудж – из Питера. Всегда держались вместе

и стали пулемётчиками вместе. Во время учёбы на выпуске он показал второй результат из 22 выпускников. После переобучения его назначили в группу по борьбе с дронами. Считает, что в этом сыграло роль его умение обращаться с оружием и выработанное во время охоты умение стрелять по летающей мишени. По дрону «Баба-яга» обязательно должен работать пулемёт, так как дрон впоследствии «одели» в броню и автомат уже не мог пробить её. На счету Джанго три «Бабы-яги». С этими дронами у него свой отдельный счёт. В одну из ночей такой дрон разгромил три блиндажа, в которых находились его друзья-однополчане. Все они погибли.

Был конец июля 2024 года. Стояли самые жаркие дни, даже в ночные часы жара свыше 30 градусов. 28 июля он с друзьями получил боевое задание выдвинуться на поддержку штурмовиков. В это время их воинская часть дислоцировалась на торецком направлении. Шла интенсивная работа штурмовиков, и по заданию командира роты они пулемётным огнём должны были их поддержать. Старшим группы был назначен Джанго. У каждого был пулемёт с полным боекомплектом, запасные патроны за спиной в рюкзаке, вода в большом количестве, которую нигде в этих местах не найдёшь. Единственный колодец, воду из которого можно было бы потреблять, бандеровцы закидали телами расстрелянных ими местных гражданских. Об этом им рассказали дед и его внук 14 лет, которых они спасли из замурованного и обложенного ловушками подвала. Эти дед и внук были спасены и отправлены в Горловку.

Выдвинулись из освобождённого ими недавно пятиэтажного дома, в котором проживали, глубокой ночью, около 12 часов. По дороге оставляли воду и небольшое количество боекомплекта и это место помечали на карте в телефоне. Продвижение группы наблюдалось и направлялось командиром роты с коптера, а задания давались по рации, но с учётом того, что каждый разговор по рации прослушивался бандеровцами, так же как и их переговоры нашими.

Продвигались осторожно, гуськом, стараясь соблюдать безопасную дистанцию, но в полной темноте это не всегда удавалось. Джанго шёл впереди, за ним Никитос, Скруджд и Кот. Наверху постоянно жужжала «птичка» – дрон. На вопрос Джанго направляющий их командир сообщил, что это его коптер, которым он их ведёт. Группа пулемётчиков вообще, как и расчёты АГС, являются для врага желанной целью, так как во время боя наибольший урон врагу причиняют именно они. Но тем не менее ответ командира роты успокоил их, и они последовали дальше.

Внезапно позади Джанго раздался взрыв, и он почувствовал удар в правую руку, а с головы выбило каску. Обернувшись, Джанго увидел упавшего друга Никитоса, с которого тоже от взрыва слетела каска, и увидел Скруджда, падающего в другую сторону. Он бросился к Никитосу, сорвал с него броник и рюкзак, прощупал всё его тело, а крови не было, но друг был без сознания и стал хрипеть. В это время Кот подтянул к Никитосу стонущего от боли Скруджда, которому осколками ранило ноги, и тот ходить уже не мог. Сразу двое друзей выбыли из строя, и им обоим оказали первую помощь. Вкололи обезболивающее, Скруджда перевязали, а Никитосу нечего было перевязывать. Джанго до сих пор не понимает, куда и как ранило друга. Полагает, что ударной волной ему сломало позвоночник. В это время ожила рация, и командир стал требовать выполнения порученного боевого задания. Ведь двое ещё могли держать оружие. Он всё это видел, наблюдая за группой с коптера. Собственное ранение оказалось царапиной, и даже никакой помощи не требовалось. Уложив и успокоив Скруджда, они выдвинулись дальше. Никитос так и остался лежать без сознания. Дальше прошли ещё около 50 метров, и в это время снова раздался взрыв сзади. И на этот раз вновь был сброс с коптера, которым ранило Кота. Ему осколками разбило колени и поранило ногу в нескольких местах. Джанго вновь повезло, и он остался цел и невредим. Он потащил раненого друга в стоящий рядом частный дом, оказал необходимую первую помощь и тут же направился дальше. Пусть он остался один, но

приказ надлежало выполнить. Перед уходом по рации связался со Скруджем и сказал, чтобы тот вместе с Никитосом подтягивался к дому, где он оставил Кота и куда потом, после выполнения задания, подтянется он сам.

Пройдя около ста метров, услышал голоса. Сразу же прилёг на землю, включил тепловизионный прицел и стал осматриваться. После дневной жары всё вокруг источало тепло, поэтому отличить что-либо живое и тёплое от другого в тепловизоре было невозможно. Попытавшись осмотреться, связался с командиром и попросил посмотреть сверху. Вскоре от командира последовал ответ, что он ничего не обнаружил и никого впереди не видит. Как только последовал ответ командира, тут же раздалось вначале автоматные выстрелы справа, а затем и слева. Стреляли совсем с близкого расстояния. До стреляющих максимум было около 50 метров. Его спасло то, что он обнаружил врагов раньше и, услышав голоса, прилёг на землю. Как только он начал в ответ стрелять по вспышкам выстрелов, сразу всё замолкло. Воспользовавшись моментом, Джанго решил перебежать под дерево. Какое-никакое, а прикрытие сверху. Вскочил на ноги и побежал. И тут же случился очередной сброс с коптера. Взрывом его отбросило. Пулемёт улетел в сторону, каска и рация тоже выпали и куда-то отлетели. Правую ногу пронзила дикая боль – стопа была вывернута в другую сторону, и из открытой раны хлестала кровь. Понимая, что сейчас последует второй удар, Джанго как можно быстрее пополз под дерево, чтобы укрыться там от дрона. Всё время при этом думал, что вот сейчас закружится голова, наступит слабость и он умрёт от потери крови. Ведь при повреждении артерии кровь из человека уходит в считанные минуты, и он погибает. Когда дополз до дерева, он уже понял, что артерия не задета, крови было не столь много, чтобы полагать, что задета артерия, но тем не менее перетянул ногу жгутом, перевязался как мог, поставил себе обезболивающий укол, затем с трудом поправил стопу и как мог наложил шину. Стопа и часть голени держались только на коже.

Вскоре наступит утро, а он был на виду. Надо было окапываться. Вытащив нож, стал копать себе подобие окопа. Получилась ямка глубиной около 30 сантиметров, где он мог бы спрятаться от выстрелов, а сверху от дронов его прятала крона дерева. Всё это время рядом кружился коптер и делал сбросы по местам, где он, вероятно, мог бы спрятаться. Жара не спадала даже ночью, а вода быстро кончилась. Из всего оружия у него остались только три гранаты. Одну осколочную гранату он приготовил – отогнул усики и положил рядом с собой. Сдаваться никакого желания не было, так как знал отношение бандеровцев к азиатам, особенно к якутам. Выжить в плену шансов практически не было.

Начало сереть. Вокруг всё было спокойно. Осторожно выглядывая из своего окопа, увидел лежащий неподалёку свой пулемёт. Каска и рация также находились рядом с пулемётом. Но лезть за ними днём – это значит обречь себя на верную смерть. Надо было идти за ними сейчас. Укропы, возможно, его посчитали убитым и уже никаких попыток найти не предпринимали. В это время дроны у врагов меняются или происходит что-то другое, но их во время предрассветных и вечерних сумерек не бывает. Пользуясь моментом, решил забрать пулемёт, рацию и каску. Для этого подобрал упавшую толстую ветку, обломал часть веток и, оставив рогатину, чтобы опираться, приспособил её как костыль. Опираясь на импровизированный костыль, попытался встать на ногу и, используя её, дойти до своих вещей. Но как только опёрся на левую ногу, пронзила невыносимая боль, и он вновь упал. Осмотрев ногу, заметил разорванный ботинок, сняв который увидел, что осколком срезало часть выступающей кости с наружной части стопы. Пришлось избавиться и от этого ботинка. Носок пришлось выбросить, так как он был весь пропитан кровью, но вместо носка приспособил найденный тут же кусок выброшенного байкового одеяла. Таким образом с трудом перевязав рану, Джанго ползком добрался до пулемёта и остальных вещей. Пулемёт был цел, с небольшими царапинами и вмятинами от осколков. Вернувшись в окоп,

сразу связался по рации с командиром роты и доложил всё, что произошло с группой. Ротный выслушал его и сразу сказал, что обманывать его не будет, эвакуация сейчас невозможна и ему пока что придётся выползть самому. Поняв, что помощи не будет, Джанго решил дождаться следующей серости, потому что уже полностью рассвело. Днём всё было спокойно, только время от времени показывались дроны-камикадзе, пролетающие мимо. Больше ничего Джанго не беспокоило, кроме боли, жары, жажды и ненасытных мух.

Вечером, как только стало темнеть, двинулся в путь. Направился в сторону дома, где он оставил Кота. Полз долго, время от времени приходилось замирать и притворяться мёртвым, так как было много дронов и его могли заметить. А различить, чей это дрон – наш или вражеский, – никакой возможности не было. К частному дому, где оставил Кота, он приполз ночью. Перекинувшись с друзьями паролями и узнав их по голосам, он заполз внутрь дома. В доме оказались Кот и Скрудж, а Никитоса не было. Скрудж, глотая слёзы, сообщил, что он умер. Никитос долго был без сознания, затем проснулся, немного поговорил и снова впал в беспамятство. Много бредил, говорил много непонятного на своём языке, а потом скончался. Что может быть печальней, чем смерть близкого друга, с которым делил последнее, тем более на войне?.. Понуро помолчали, попечалились, затем вернулись к реальности. Сражение ведь не закончилось, а испытания продолжались.

У всех кончилась вода. Это начинало становиться главной проблемой. Отсутствие воды и жара донимали хуже всего. Чтобы как-то утолить жажду, обыскали весь дом. Конечно же, ползая. Дом был обгоревший, и никакой жидкости в доме не нашлось. Скрудж нашёл разбитую банку из-под вишнёвого компота с остатками высохших вишенок, каждую из которых, по очереди засовывая руку в банку, обсасывали, чтобы утолить хоть немного жажду. Нашли во дворе гроздь упавшего и неспелого винограда, которые тоже были сразу же съедены.

Ближе к рассвету стали готовиться к откату. Опять пользуясь так называемой серостью, надо было направляться к своим. В это время к дому подошла группа штурмовиков, состоящая из четырёх человек. Перекинувшись паролями, друзья пропустили их в дом. Как он понял, да они и не скрывали, группа состояла из бывших заключённых. Джанго их предупредил, что впереди может быть опасно, так как там укропы устроили засаду, на которую он напоролся. Эти ребята им оставили бутылку воды и прошли дальше. Не прошло и пяти минут после их ухода, как в той стороне, куда эта группа ушла, раздались выстрелы и звуки миномётного прилёта.

Вскоре в дом через окошко вломился один из четырёх штурмовиков с ранением в руку. У него был открытый перелом руки от пулевого ранения. Друзья руку быстро перевязали и наложили шину. Штурмовик представился Саней 38 лет и рассказал, что их стали обстреливать, а вырвался оттуда он один. Вскоре два дрона-камикадзе влетели в крышу дома. Стало понятно, что укропы заметили, что Саня зашёл в дом, и начали интенсивную охоту. Совершили сбросы с коптеров, от которых загорелся дом. Настал момент, после которого вряд ли кто бы остался жив. Скрудж стал просить у каждого прощения, затем вытащил из аптечки четыре салфетки для инъекций и передал каждому, чтобы положили под язык. Так он выразил желание в последний раз с друзьями попрощаться. Не вытерпев, Джанго высказал Скруджу, что не стоит прощаться и готовиться подыхать, нужно подождать, пока дом начнёт сильно гореть и образуется густой дым. Ведь под прикрытием густого дыма можно было попробовать выбраться из дома и добраться до деревьев. Все согласились, но ходячий раненый Саня напрочь отказался идти первым и сказал, что очень боится. Вызвался тогда Скрудж. Он мог передвигаться на коленях и был быстрее остальных своих друзей, которые могли только ползать.

Выбрав момент, Скрудж на коленях выполз из дома и как мог быстро стал двигаться в сторону деревьев, а когда за ним устремился

дрон, все остальные поползли в другую сторону. Джанго видел, что сброс из дрона произошёл совсем рядом со Скруджем и его отбросило в сторону. После они потеряли друга из виду. Кое-как добравшись до кустов, затаились и стали выжидать время. Скрудж на вызовы по радиации не отвечал. А вражеский коптер-сбросник постоянно крутился над ними, пытаясь выискать, и время от времени сбрасывал свои заряды по разным предполагаемым местам. Один из зарядов упал совсем близко. Джанго лежал спиной к месту взрыва, а Кот лежал чуть выше к нему лицом. После взрыва Джанго почувствовал боль в спине от попадания мелких осколков, а Коту, как потом выяснилось, осколки достались в живот. На вопрос Джанго Кот ответил, что всё нормально. Так как перевязывать было больше нечем, на этом все успокоились. Немного погодя Джанго укололся обезболивающим и то ли уснул, то ли потерял сознание. Проснулся он уже совсем поздно. Начинало темнеть. Подняв глаза, увидел Кота, который был уже мёртв и лежал с открытыми глазами. Над его лицом кружился целый рой мух. Пытаясь успокоиться, закурил сигарету, а другую зажжённую сигарету вложил в губы своего мёртвого друга. В знак прощания выкурив с ним по последней сигарете, затем, сняв с Кота куртку, прикрыл ей лицо. Всё это время наверху летала вражеская «птичка», громко транслируя гимн Украины. При этом укропы постоянно агитировали их сдать, что, мол, им будет оказана необходимая помощь и будут выплачены какие-то деньги. Эти моменты до сих пор Джанго вспоминает, как сцены из фильмов времён Великой Отечественной войны.

Когда совсем стемнело, на связь неожиданно вышел Скрудж, которого Джанго уже считал убитым. Радости не было предела. Но была она недолгой. Скрудж по радиации сообщил, что его контузило взрывом и он, очнувшись, оказывается, пополз совсем в другую сторону. В сторону вражеских позиций. По пути подобрал автомат убитого солдата, а затем наткнулся на троих укропов, которых застрелил. Джанго ему сообщил, что Кот уже мёртв. Помолчав, на вопросы Джанго Скрудж

ответил, что не ориентируется и не знает, где находится, а телефон с картой потерял где-то. На просьбы и требования Джанго, чтобы тот двигался в сторону своих, ведь он мог бы сориентироваться и не мог уйти далеко, Скрудж отвечал однозначно, что после контузии уже никак не ориентируется и вряд ли уже выберется, а в конце разговора с ним он попрощался и пожелал, чтобы он выжил в этом аду, вышел к своим и жил за них за всех, то есть за всех друзей. На этом связь прервалась. Джанго понял, что потерял последнего из своих друзей. Вновь навалились тяжкие мысли. А слова Скруджа, чтобы он выбрался из этого ада и жил за всех погибших друзей, Джанго постоянно потом повторял, пока выбирался, и постоянно себе повторяет сейчас и мысленно обещает, обращаясь к ним, что он будет жить, и будет жить достойно. Ни один день впустую не будет жить.

Оглянувшись, Джанго увидел Саню, который сидел с ним рядом и слушал. Его осколками от сброса не зацепило, но, видать, было совсем худо. Его трясло, и он всё время стонал. В один из моментов он даже попросил пристрелить его. Выстрелить просил прямо в висок. Рассердившись на эту просьбу, Джанго предложил ему выбираться отсюда вместе. Он предложил Сане, что проползёт метров тридцать и крикнет ему, чтобы он следовал за ним. Тот вроде согласился. А когда Джанго по договорённости прополз некоторое расстояние и крикнул, тот ему не стал отвечать. Звал его Джанго долго. В конце концов Саня ответил, что он не пойдёт за ним и останется на месте. Джанго и сейчас надеется, что тот боец остался жив, так как на следующий день он видел несколько групп наших штурмовиков, следовавших в том направлении. Возможно, они помогли ему. А он дальше пополз один.

На следующий день на его шум и шорох в лесополосе кто-то среагировал и стал требовать, чтобы он подошёл к нему. В ответ Джанго ответил, чтобы тот сам подошёл, потому что он неходячий. В ответ раздались выстрелы. Но были они нецельные. Он же, подобрав оружие мёртвого солдата, тоже произвёл

выстрелы, и от него отстали. Из этого Джанго сделал вывод, что надо остерегаться и не доверять каждому, даже тем, у кого будут белые повязки. И когда невдалеке пробежали группы бойцов, он прятался. Весь этот день он полз, так как сверху его укрывали деревья, поэтому для дронов он был невидим. Все лесополосы представляли опасность для движения ночью, так как были напичканы минами-«лепесток» и «колокольчиками» – неразорвавшимися зарядами кассетного боеприпаса.

Всё время двигаться ползком на животе, подтягиваясь руками, было тяжело. Ведь ноги двигать было очень больно. Поднимать ноги высоко тоже не мог. Поэтому иногда передвигался или боком, переставляя сперва тело, затем передвигая ноги, или спиной вперёд, волоча ноги по земле. На третий день, когда от невыносимой боли раскрыл повязку, увидел, что раны на обеих ногах обложены червями-опарышами, и от ран исходил гнилостный запах. С этого времени Джанго стал время от времени вскрывать повязку и вычищать рану, насколько это было возможно. По его подсчётам, удавалось в день преодолевать 50 или 100 метров, но иногда удавалось продвинуться немного дальше.

В один из дней, передвигаясь спиной вперёд, руками наткнулся на пластиковую бутылку с водой. Правда, она была пробита осколком, но вода оставалась. Грязноватая, мутная, но вода. Казалось, что от радости он ожил, как будто второе дыхание открылось. Стараясь не пролить ни капли, очень бережно, через дырку от осколка выпил всю эту не совсем чистую воду. Но как она была вкусна! То наслаждение, которое испытал Джанго, выпив эту грязную воду, невозможно описать. Никакие коктейли мира, никакие соки, морсы не могли бы сравниться с этой залежалой затхлой жидкостью.

В другой раз, возле многоквартирных домов, он вдруг наткнулся на упаковку воды в пластиковых бутылках. Целая упаковка несравненного наслаждения. Даже не задумываясь, что эту воду могли подложить враги, предварительно отравив, Джанго полтора

литра выпил, не отрываясь от горлышка, затем выпил вторую бутылку уже не спеша. Позже сам удивлялся – как столько много воды могло в нём уместиться. Жалея, что нет рюкзака с собой, но понимая, что рюкзак он бы не осилил, две бутылки засунул внутрь куртки и пополз дальше. Долго не мог оторвать взгляда от двух оставшихся стоять бутылок. Они были видны даже на следующий день, и он был вынужден преодолеть огромное желание вернуться к ним, когда осталась только одна из засунутых за пазуху бутылок.

Вообще эти дни Джанго запомнил как одно большое желание утолить жажду. Губы рассохлись, язык стал совсем сухой, шершавый и во рту вмещался с трудом. Горло пересохло и болело, и доставало почти полное отсутствие сил. Каждое движение давалось с большим трудом, с преодолением желания лечь и больше не вставать. Когда удавалось хоть что-то попить, появлялась надежда, вроде сил больше становилось. Один раз, когда от чувства жажды стало совсем уже невмоготу, вспомнив ранее увиденный фильм, где герой, попав в безвыходную ситуацию, пил собственную мочу, решил попробовать. Для чего пластиковую бутылку разрезал, помочился чем смог вовнутрь и поставил отстояться. Проснувшись, преодолевая отвращение, выпил. Стало чуть полегче. Повторить это потом он уже не смог. Нечем было мочиться.

В следующий раз он смог открыть канализационный люк. Совсем близко была вода. Можно было достать рукой. Почерпнув эту воду найденным тут же остатком разбитого пластмассового ведра, выпил, не обращая внимания на вкус и запах. Джанго при этом сейчас удивляется тому, что ничем не заболел.

Очень часто встречались трупы убитых. И наших, и вражеских. Джанго, видя весь процесс разложения трупов, со всеми присущими им запахами, червивыми ртами и глазницами, думал только об одном – чтобы не лежать рядом с ними и не разлагаться так после смерти. Была бы хоть земля родная.

Но при этом Джанго вынужденно приходилось копать в вещах покойных

в поисках воды, какой-нибудь провизии, перевязочных средств, да и всего, что бы могло ему в этой ситуации пригодиться и помочь. Но такого было совсем мало, а воды не было совсем. Один раз нашёл печенье, другой раз банку тушёнки, но съесть их не смог, так как не было аппетита. При и так медленном движении много времени приходилось тратить на поиски воды, которой нигде не было.

На восьмой или девятый день в лесополосе ему стало совсем плохо. Этот день Джанго вспоминает с трудом. Долго или бредил, или спал, но в один момент он вдруг увидел своих друзей Скруджа и Кота, которые в полной экипировке, здоровые и весёлые пробежали мимо него. На его возглас и просьбу о помощи Скрудж ответил, что они не могут ему помочь, так как им дано боевое задание идти на другую войну, куда они и торопятся. С этим они и убежали. А он опять остался один.

Хотя такая спутанность сознания иногда у него бывала, но ориентировался в пространстве Джанго хорошо и на тринадцатый день, как ему кажется, он вышел к пятиэтажному дому, откуда они с друзьями двинулись на задание. Надо было преодолеть около двухсот метров открытого пространства. Дождавшись серости, пополз к дому. Когда уже был в середине открытого места, над ним зажужжала «птичка». До спасительного дома оставалось совсем немного, а тут никак не увернуться и нигде не спрятаться от дрона-камикадзе, который заметил его и стал разворачиваться. Из всех сил Джанго пополз в сторону дома, но понял, что никак не успевает. Дальнейшее он объяснить сам никак не может, а может, ему всё дальнейшее привиделось. Но случилось так, что, когда уже совсем некуда стало деваться и вот-вот должен был ударить дрон, вдруг налетел резкий порыв ветра с дождём, и направившийся на него коптер упал совсем в другом месте и даже не взорвался. Внезапный дождь не прекратился, весь промокший Джанго дополз до дома. Чтобы попасть в дом, ему надо было преодолеть перила балкона – перевалить своё тело через перила и заползти в квартиру. Но сил совсем не осталось, подтянуться на

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

перила балкона – около одного метра, – сколько ни пытался, Джанго не смог. Пересиливая дождь и ветер, стал кричать и звать на помощь. Кричал долго, да так, что начал думать, что никого нет. Спустя примерно полчаса он услышал щелчок затвора автомата и окрик, спрашивавший его. Джанго стал говорить, что он свой, называть старый пароль, который уже, возможно, изменился, и почему-то назвал свой позывной. Как выяснилось впоследствии, его позывной и сыграл решающую роль. Подошедший на крики боец, оказывается, нашёл зарядный аккумулятор для телефона, который раньше принадлежал Джанго и на котором был нацарапан его позывной. Этот аккумулятор Джанго оставил в доме перед заданием, а боец нашёл и пользовался. При этом боец ему сообщил, что хотел пристрелить его, так как укропы лезут в сумерках и вчера на подходе к дому им были уничтожены три вражеских солдата.

В этом доме Джанго пробыл ещё три дня, пока не прибыла эвакуационная команда и не вывезла его в госпиталь. Рассказывая и обсуждая некоторые моменты, он полагает, что ему очень повезло и эти моменты везения и помогли ему вытерпеть и выжить.

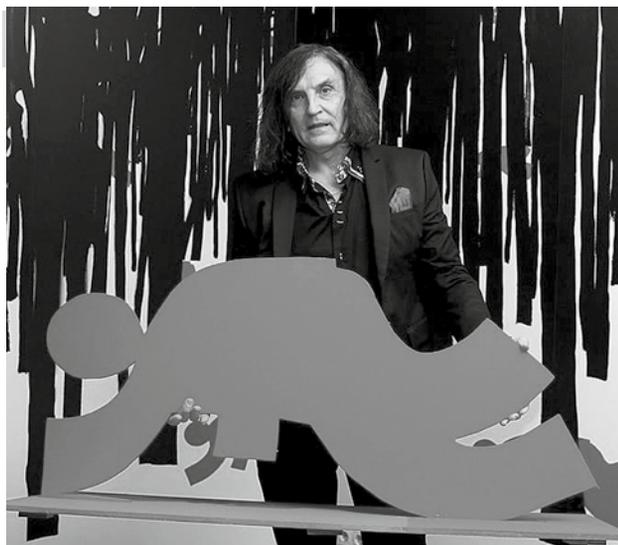
Но ведь объяснить простым везением всё, что случилось с Джанго, совершенно невозможно. Жизнь его висела на волоске в течение двух недель непрерывно. Ежеминутно или даже ежесекундно. Место, где он находился, было под постоянным обстрелом, в открытую рану за эти очень жаркие дни в условиях антисанитарии могла попасть любая зараза, в конце концов, он сам мог не выдержать и

отказаться от дальнейшей борьбы и залечь под кустом, где бы потихоньку и помер. В общем, всё было против Джанго. Но он выжил в этом аду, как того ему пожелал его друг Скрудж, и сам добрался до своих. В тяжёлые моменты человек всегда обращается к высшим силам, чего, в общем-то, Джанго не обошёл и тоже обращался к Богу, как крещёный, и ко всем духам, которым поклоняется его народ. Это ли ему помогло или он справился благодаря силе духа, желанию жить и своей подготовке? Но я полагаю, что Джанго выбрался оттуда благодаря всему вышенаписанному. Не зря он наткнулся на упаковку воды, не зря налетел ветер с дождём, который сбил дрон, не зря он выкрикнул в последний момент свой позывной постовому. Таких моментов у Джанго было много. Ведь то, что мы в жизни называем везением, происходит с людьми, которые что-то делают, которые к чему-то стремятся и прилагают порой невероятные усилия для достижения цели. Высшие силы не оставят без помощи страждущего. К тому же мне всё время вспоминаются его слова, что он теперь должен прожить эту второй раз дарованную ему жизнь и за своих погибших друзей тоже.

Перед публикацией этого очерка я связался с Джанго. Ему сделали последнюю операцию. Был он бодр и весел. А самое главное, он поделился радостной новостью. Скрудж, оказывается, выжил. На следующий день после последнего разговора с ним его подобрали наши штурмовики, и он с ними пробыл на позиции две недели. Там у него даже рана затянулась. Вот такие счастливые моменты, оказывается, бывают на войне.

Илья Пожаров. Без описания.
Рисунок из телеграм-канала
художника @Ohhhh it's my...

Игорь НОВИКОВ:

ХУДОЖНИК ДОЛЖЕН ПРЕЛОМИТЬ СРЕДУ

Игорь Новиков родился 2 января 1961 года. Окончил Московский государственный академический художественный институт имени Сурикова. Основатель творческого объединения «Фурманский переулок», существовавшего с 1987 по 1990 год. С 1990 по 2014 год жил в Швейцарии. С 2017 года – член-корреспондент Российской академии художеств, с 2020 года – академик.

Известный московский художник Игорь Новиков готовит новую выставку, состоящую из своих работ и работ своего отца – академика живописи Алексея Новикова. И первый вопрос о преемственности поколений.

❓ Игорь Алексеевич, сейчас идёт год 80-летия Победы, а ваш отец был участником Великой Отечественной войны, расскажите о нём и как его творчество повлияло на вас.

– Так как отец был художником, то я с детства более-менее знал о течениях, направлениях живописи. И это хорошо, что мы рисуем не одинаково, по-своему. И папа с раннего детства подкладывал мне работы Кандинского, Малевича, Шагала, учил цвету, формам. У него были работы полуабстрактные – он был стопроцентный нонконформист. У него была не столь весёлая жизнь, и он не особо хотел, чтобы я стал художником. Но мне повезло с отцом и что он был художником! Мне было у кого учиться.

❓ У вашего отца была сложная жизнь...

– Да, он родился в Орловской области, всю его деревню, когда пришли немецкие танковые дивизии, уничтожили, стали угонять в Германию местное население, но отец бежал в Мурманск, где служил моряком мой дед. Как добрался отец с Орловщины в Мурманск – неизвестно. Дед служил на катерах и один раз не вернулся с охранного похода, и мой отец был сыном полка. А после войны поступил в Кронштадте в мореходку и потом учился в Ленинградском училище и служил на дизельных подводных лодках. Но при этом у него мало картин о море, и все его друзья удивлялись: «Как же так, ты служил, а у тебя мало работ о море. Почему?» Но отец вспоминал детство, и у него были в основном сюжеты провинциальные, в картинах изображал людей глубинки, восторгался красотой русской деревни.

А когда понял, что военным не может больше быть, то поехал в Молдавию к брату и окончил Кишинёвское художественное училище, потом – Рижскую художественную академию. Несмотря на трудное детство и юность, был улыбочивым и всегда говорил: «Главное в жизни – здоровье, надо радоваться!» И все его работы, несмотря на тёмные тона, несут теплоту русской глубинки.

Он был во втором или третьем поколении художником, а предки были литейщиками, работали с Демидовыми.

❓ А как складывалась ваша судьба?

– Я окончил художественное училище и Суриковский институт, тогда началась перестройка. Из-за того что я всегда экспериментировал, были проблемы в институте: я не писал, как Репин и Суриков. Рисовал, конечно, я по «школе», а вот в композиции всегда экспериментировал. Ленинградская школа более холодная, репинская. А у нас московская школа – более тёплая. Но я даже не вписывался в московскую школу. И когда попал работать на комбинат, сделал по заказу два пейзажа в неприемлемом для нашей московской школы стиле. Назревал скандал, но повезло, что комбинат закрыли, и я поплыл по своему течению: создал свою группу «Фурманый переулоч» – авангардное объединение в Москве, которое быстро обрело популярность. Мы творили с 1987 по 1990 год – это было самое прекрасное время, когда иностранцы открывали Россию с другой стороны.

❓ Благодаря объединению вы даже попали за границу?

– Да, в 1990-м я поехал в Варшаву открывать выставку нашего «Фурманого переулочка», в каталоге было более 30 человек. И представитель ЮНЕСКО потом организовал мою выставку «Большая Швейцария», и мне дали там стипендию ЮНЕСКО и предложили мастерские. Так в 1990 году попал в Швейцарию и «притормозил» там до 2014 года. Именно с этого времени из-за политических событий русских стали недолюбливать, и я вернулся в Россию, но не жалею об этом. Здесь моя Родина, и я хорошо чувствую себя, выставляюсь. Особенно много в провинциальных музеях: Рязанском, Владимирском, Тульском, Ярославском и многих других. Так как у музеев нет денег, то дарю везде по две-три-четыре свои картины. При этом с музеями мне больше нравится работать, чем с галеристами: у них одна спекуляция на уме, в одном глазу – доллар, в другом – евро. И если на выставке не продаются картины, то не приглашают больше, даже если и художник хороший. А в музеях всё демократично, прозрачно, идёт общение со зрителем, туда приводят группы. И ныне я весь в работе, наслаждаюсь работой.

❓ Какова ваша заслуга в искусстве?

– Меня все знают, что я придумал свой ход – пиктограмму, с помощью которой стал узнаваем. С помощью неё я ставлю вопрос: как человек живёт в пейзаже, к чему он пришёл. У меня работы хоть и абстрактные, но на первое место я ставлю всё равно изображение, стараюсь изобразить время на своих холстах.

❓ Как пришли к пиктограмме?

– Первую пиктограмму я увидел на теле своего отца: он был в наколках. Я удивился, когда в первый раз увидел его на море раздетым, не знаю, когда это он сделал, наверное, когда служил в Мурманске, на теле были карты, женщины... И с помощью этих пиктограмм я пытаюсь донести, что надо сохранить свою самобытность, не превратиться в чипы.

❓ Ваша фишка – пиктограмма, но я знаю, что у вас есть и пророческие работы...

– Действительно, кое-что, что я изображал на холсте, сбывалось лет через 10–15 после того.

Например, когда Евросоюз появился, сделал работу «Евросоюз в рваных ботинках». Или по-другому она называется «Похищение Европы» и затрагивает западно-русскую тему. На картине фигурка человека в рваных ботинках стоит с флагом Евросоюза на заплёванной и засыпанной окурками земле.

❓ Многие ваши работы выполнены в стиле карикатуры. Насколько эффективен этот жанр?

– Я работаю в этом жанре, например, у меня есть карикатура, где на фоне красоты сидят мужики и пьют, – творчеством пытаюсь донести, чтобы нация не спивалась и не вымирала. Карикатура очень эффективна. И многие мои работы публиковались в газетах – тот же «Евросоюз в рваных ботинках»...

– Ваши основные принципы в жизни?

– Я считаю, что необходимо быть в курсе всех событий: и это отражается в работах. Считаю, что главное – преломить среду на холсте. Копировать божественность – это хорошо. Но это делали многие. А настоящий художник должен привнести в творчество что-то своё.

Беседу вёл член Союза журналистов России Андрей Объедков

Игорь Новиков. Первый шаг. 120 x 100 см. Х., м. 2006

Игорь Новиков. Давид

Игорь Новиков. Владимирская дорога. 95 x 130 см., х., м. 2016

Игорь Новиков. Швейцарские гуси-лебеди. 100 x 140 см. Х., м. 2011

Кремлёвский парадиз. 130 x 100 см. Х., м. 1994.

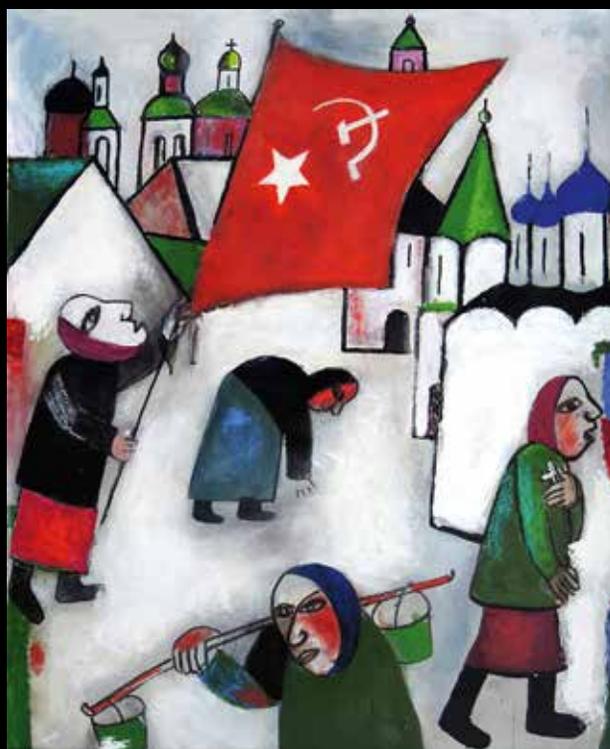
Игорь Новиков. Сияние. 150 x 100 см. Х. м. 1987

Игорь Новиков. Вечерний звон. 95 x 130 см. Х. м. 2016

Игорь Новиков. Город грехов. Командировка.
80 x 100 см, х., м. 2016

Игорь Новиков

Образ прекрасной дамы

Татьяна ДУЛЬНЕВА

ЖЕНЩИНА С РАСПУЩЕННЫМИ ВОЛОСАМИ

Овеяна легендою и тайной,
Лицо твоё загадочно, печально.
Любви печать неведомой секрет?
Огни молчат, заката солнца след.

В задумчивости голову склонила.
Спираль волн вьёт золото волос.
Полуулыбка, полугрусть незримо
Таит признание словно и вопрос.

Прелестный образ мироздания
Льёт дымка полыхающих небес,
Души очарование дарит всплеск,
Не меркнет с розой пыл свиданья.

Сиянье не напрасно среди дня,
Милее свет прощального огня.

МАДОННА В КРЕСЛЕ

Платком зелёной вязи принакрыта.
Покой, тепло земных забот разлито.
Любви небесной красоту затмив,
Пленительно прекрасна в этот миг.

Особый, неземной струится свет.
Объятий материнских безмятежность,
Светла Пречистой, трогательна нежность.
Собой укрыть Спасителя от бед.

Спасения печаль на радость мира!
Вселяешь милосердия благодать,
Сердец смягчая страсти пыл ранимых,
Несёшь свой крест, Небесной нивы Мать!

Склонились над Младенцем небеса,
Иван Креститель с благостью в глазах.

МОНА ЛИЗА

Сияет воздух, словно дымка,
Границы света с тенью нет.
Явилась в гости незнакомка –
За гранью времени сюжет.

Портал открылся на мгновенье
Иных миров творца рукой.
Пропал румянец у виденья,
В улыбке нежность и покой.

Визит расцвечен не случайно
В оттенках, тающих, как дым,
Сквозит Вселенная и тайна
Вдали от пошлости, вражды.

Черты меняются и дышат
С тобой дыханием одним.
Вуали тонкой трепет вижу,
Блистают глаз твоих огни.

Росою соткано дыханье,
Познания солнечного свет,
Красы земной благоуханье –
Посланье мастера, завет.

ПЁТР II И ЦЕСАРЕВНА ЕЛИЗАВЕТА

Трубит, разгулялась, как вихрь,
Охотников с гончими стая.
На миг разметалась средь изб
И облаком пёстрым растает.

Летят, несутся во весь дух
Под топот коней белогривых,
Парят со свитой царских слуг
Хвостом кавалькады игривой.

Наездница – бесстрашная царица,
Круша обыденность в словах,
В искусстве обхожденья – львица,
Душою – нимфа в кружевах.

В мундире иноземного покроя –
Почти богиня, с крепкою уздой,
Увлечена придворною игрою,
Забав потех и верховой ездой.

Измайлово селенье проезжая,
Наш император, ах, совсем юнец,
Елизавете смело подражая,
Влюблён он и готов уж под венец.

Взметнулись, взвились птицы,
Над колокольнею кружась.
Склонился, весь кренится
Под небом простенький пейзаж.

ВСАДНИЦА

Летающий ангел на коне
С нив голубых явился.
Струится зарево в окне.
Конь на копыта взвился.

Резвится ярый Ратибор,
Вздымает, бьёт копытом.
Зелёный барышни убор
Взмывает ленты дыбом.

От скучных дел отречена,
Земного мало в лике.
Прогулкой столь увлечена,
Покорен конь ей дикий.

Коня хватая под уздцы,
Надменно величава,
Нарядов модных образцы
Победно реют, право.

Аристократии пример
Вобратъ спешит девица,
Гарцует смело на манер
Богатой светской львицы.

Ажурны буфы-рукава,
Прелестна амазонка –
Сползает облаком с седла
Помпезно тканью тонкой.

Всё дышит в этот жизни миг:
Стволы деревьев, ветер.
И слышен неба тихий крик,
Грозы предвестник встретив.

НЕИЗВЕСТНАЯ

Непостижимо тайны бремя.
Смущая, будоражит свет,
Обворожителен сквозь время
Сюжетный модницы портрет.

Одна, в прогулочной коляске,
На Невском прямою сидит.
Надменно-гордая, по-царски
Из-под ресниц на мир глядит.

Печальны думы незнакомки.
Туманный Аничков дворец.
Охвачен тайною негромкий
Парадной жизни образец.

Туман мехов благоухания,
Запястья тонкого каприз.
Обман лучистого мерцания
И страсти пыл из-под ресниц.

Прекрасна дама, молчалива.
Изящен модный шик манто.
Напрасен пламенно-игривый
Случайный трепет и восторг.

Свободно место в экипаже.
Темнеет милой дамы взор.
Подобно лёгкости плюмажа,
Сквозит здесь вызов и укор.

ДАМА В ГОЛУБОМ

Подлунной синевы мерцанье,
Узоры листьев кружевных,
Небес серебряных дыханье,
Лазури всплески и струны.

Загадка, тайны утонченность,
О счастье ускользнувшем грусть,
Усталость, эта предрешённость
Сквозит в молчанье дамских уст.

Колье жемчужин обнимает,
Ложится, словно первый снег.
Невольню сердце вспоминает
Клавир и вальс в далёком сне.

Глаза и грудь полузакрты,
Как мрамор снежности, черты.
Грозою, ливнями омыты
Иллюзий сладкие мечты.

Ветрами синими оваян,
Прохладой неба платье тон.
Шелков сияньем пламенея,
Луною бледной напоён.

Спадают локоны на плечи,
Волною плещут рукава.
Теньями прошлого расцвечен
Селены образ, кружева.

В ТЕАТРЕ. ЛОЖА

Скучают занавес, кулисы,
Блажит взыскательный партер.
Оркестр внимает и актрисы.
Фетиш богатства, блеск манер.

Банально платье незнакомки,
Жемчужно-чёрный ритм полос.
Овал лица изящно тонкий,
Каскады бус, фонтан волос.

Скучают мелодрамы розы,
Бинокль грустит в её руке.
Витают мысли дамы, грёзы
Вдали блуждают, в тупике.

Огней театра дремлют ложи.
Покоя, женских чар полна,
Оттенок перламутра кожи
И кружев трепетных волна.

Восторжен взором незнакомки,
Входящий всякий изумлён.
В пафосский мрамор амазонки,
В горячку статную влюблён.

В тени её в вальяжной позе,
Слегка откинувшись назад,
Бинокль наводит, как в гипнозе,
К толпе прикован мужа взгляд.

Наталья ПАНОВА

НА СЕМИ ХОЛМАХ

Берега укрылись под ивами,
Облака в реке умываются,
Колокольный звон с переливами
Где-то в небесах отзывается.
Сколько здесь церквей, так и не сочли,
И вопрос досель всё решается,
Над Москвой-рекой город сказочный
На семи холмах возвышается.

Сквозь огонь, беду и пожарища
Шёл в победный бой не за славою,
Был в бою бойцом и товарищем,
Отстоял своё дело правое,
Дал не раз отпор грозным врагам,
Не ходили чтоб по святой Руси!
Лишь салют пылает над городом,
Милый город мой, как же ты красив!

Старых улиц оттенки неброские
С красотой твоей уживаются,
И горящие звёзды кремлёвские
Прямо в синее небо взвиваются.
О тебе, Москва, песни сложены,
Красотой твоей заворожены.
Ты – хозяйшечка хлебосольная,
Ты – столица первопрестольная.

ВИРАЖИ

Как наша жизнь стремительно течёт!
Когда-нибудь придёт и мой черёд!
Осталось, может быть, совсем немного
До отправления в дальнюю дорогу!

Но я пока туда не тороплюсь!
По-прежнему я слишком бесшабашна!
Надеюсь, что не раз ещё влюблюсь,
И, может быть, не раз снесёт мне «башню»!

И я не верю, что исчезнет свет!
И я не верю, что погаснут звёзды,
Что скоро затеряется мой след
И зарастут непройденные вёрсты!

Я каждое мгновение ценю,
И каждый день я проживаю рьяно!
Назавтра заполняю меню
И строю наперёд лихие планы!

На каждом вираже кричу: «Держись!» –
Какая ни была б неразбериха.
Да будет наша жизнь! Да будет жизнь!
И нас не сломит никакое лихо!

СВЕТ ДУШИ

Заплакала свеча
И, видно, сгоряча
Слезамии мои пальцы обжигает.
Слёз этих не унять,
Но вряд ли нам понять,
Что мучает её и что сжигает.

В руках её держу
И пристально гляжу,
Как пламя слёзы чистые торопит.
Как хочется подчас,
Чтоб свет свечи не гас,
Но час её уже последний пробит.

Среди ночной тиши
Нам дарят свет души,
И оттого теплей на сердце станет.
Судьбы не поменять,
Ей слёзы не унять,
Пока душа гореть не перестанет.

Пусть яркой будет жизнь!
Гореть не откажись!
И от огня светлей пусть станет людям!
И ничего взамен,
Ни выгодный обмен
Мы никогда с тобой просить не будем!

АХ, АПРЕЛЬ!

Ах, апрель! Какое чудо!
Просто не хватает слов!
Раздаётся отовсюду
Нежный звон колоколов!
Можешь и не верить в Бога,
Всё равно ты Им храним!
И у всех одна дорога
Без Него иль вместе с Ним!

Ах, апрель! Какой ты светлый!
Всю одежду снял с себя!
И уносит ветер с веток
Самолётики семян.
Как ты ласково и нежно
Держишь за руку звезду!
Вырос маленький подснежник
На проталинке в лесу!

Ах, апрель! Какая прелесть!
Скоро лист проснётся первый!
Холодов прошедших ересь
Согревает ветка вербы!
Света и тепла предвестник,
Как ждала тебя земля!
Озорные птичьи песни
В чистом воздухе звенят!

Ах, апрель! Тебя так ждали,
Как волшебный лёгкий сон!
И плывёт над русской далью
Колокольный перезвон!
Растворились вдруг печали,
И не так тяжёл стал крест!
Пахнет сладко куличами...
Видно, впрямь Христос воскрес!

КАК В СОРОК ПЯТОМ

Сижу себе, пишу стихи,
А где-то гибнут наши дети
В сожжённой взрывами степи,
Где мин-ловушек подлых сети.

Моей беспомощности след...
Я разве жизни вашей стою?
Да пусть в глазах не гаснет свет,
Где чернота везде порою,

Где за обстрелами обстрел,
Где пуля-дура жертву ищет,
Где враг коварный присмотрел
Для провокаций грязных пищу,

Где нет ни отдыха, ни сна,
Порою и не до обеда!
Вас ждёт четвёртая весна,
Там долгожданная Победа!

Молю, чтоб Бог вас уберёт,
Чтоб справились с врагом заклятым,
Чтоб встретил вас родной порог,
Как дедов ваших в сорок пятом!

Рис. автора #я вижу t.me/mydrawingdiary

А. М. Шилов.
Вдовы войны. 1985 г.

Марина АРХИПОВА

Руководитель заслуженного коллектива народного творчества РФ «Ансамбль русской песни «Тальяночка»», поэт, автор песен, вошедших в культурный фонд области («Тамбовская картошечка», «Чулочки из Рассказова» и др.). Родом из Котовска, и потому тема памяти, утраты и судеб наших земляков ей особенно близка.

Я только окончила школу, поступила в институт и впервые в жизни оказалась в тамбовской глубинке на целый месяц – новоиспечённые студенты отправились в колхоз на уборку картошки. Автобус затормозил на сельской площади, подняв такую пыль, что мы друг друга

не видели. Кто-то закашлял, чихнул – дышать было нечем. Девушки стайкой выпорхнули из автобуса, размахивая руками в надежде рассеять эту пыль, которая висела в воздухе тяжёлой серой пеленой. Где-то сбоку хлопнула дверь, и перед шумной гудящей толпой возник крепкий плечистый мужчина. За его спиной стояла женщина в синем халате поверх ситцевого платья. Она внимательно смотрела в спину своего руководителя, словно боялась пропустить что-то важное. На студентов она не смотрела, будто их и не было вовсе. Наконец мужчина произнёс:

– Приехали.

Сказал он это с какой-то странной интонацией – то ли с удивлением, то ли с досадой, как будто прибывшие нарушили его планы. Женщина достала из кармана халата ученическую тетрадь, сложенную вдвое, и молча подала руководителю. Он отстранился, бросил на ходу:

– Сама, сама... Расселяй! – И пошёл в сторону «газика», около которого важничал шофёр.

Мы снова погрузились в автобус, который вздыхая двинулся по ухабистой дороге. Сельская улица совсем не походила на городскую. Строевые были одноэтажные, отстоящие друг от друга на большом расстоянии. Как-то всё выглядело неровно и пёстро. Дома были выкрашены зе-

лёной, синей, коричневой красками, и только окошки были похожи белыми нарядными на личниками.

Начались первые остановки по дороге. Хозяйки стояли у забора, приветствовали женщину в синем халате словами: «Здравствуйшь! Давай четверых или пятерых!» Какую цифру называли, столько девушек и выбегало. Оставшиеся в автобусе смешили друг друга, тряслись, подскакивали на заднем сиденье. Наконец дошла очередь и до нас. Дом, у которого остановился автобус, был старый, но крепкий, из теса. И странно, из дома никто не вышел нам навстречу. Женщина в синем халате стремительно зашагала в сторону дома вместе с нами, помогая тащить чемоданы и рюкзаки. На ходу заглянула в свою тетрадь, как бы сверяясь, и обронила:

– Щас будет. Ждите. – Она повернулась к нам спиной и направилась к ожидавшему её автобусу, что-то скомандовала водителю, автобус затарахтел, уезжая и поднимая пыль до неба в качестве прощания.

Мы резвились около забора, беззаботно болтали и не заметили, как долго изучали нас глаза невысокой женщины.

– Ну добро, пташки, идёмте.

Наша четвёрка наперегонки бросилась за хозяйкой осваивать новое жильё. Дом состоял из длинных сеней и огромной горницы. В светлой прохладной горнице были деревянные полы, тоже светлые. Помещение было по-деревенски нарядным. Чего здесь только не было – полотенце на божнице, голубые незабудки на скатерти, горы подушек в вышитых наволочках, милые занавесочки с выпуклой гладью. Входную дверь обрамляли льняные полотна с лебедями. Девчонки переглядывались между собой. В каждой головке промелькнуло: «старомодно». Женщина будто прочитала наши мысли, повернулась спиной и пошла, пояснив на ходу:

– За вещами идёмте. Добро занести надо!

Мы помчались за ней во двор, где лежали брошенные чемоданы. Хозяйка развела руками и спросила:

– На кой же столько? – Но, увидев наши удивлённые лица, сама же и ответила: – Городские!

Мы всё затащили и стали распаковывать. Хозяйка наблюдала со стороны снисходительно, ласково. Она сразу принесла махотку с холодным молоком, белый ноздреватый хлеб и эмалированные кружки, которые почему-то называла обливными. Мы моргали друг другу: чем их облили? Пока наша четвёрка наслаждалась едой, женщина представилась сама:

– Тётка Анна.

Спросила наши имена и предложила решить, кто будет спать на полу на пуховых перинах. Тут разгорелась нешуточная баталия. Такая экзотика – спать на полу! С боем подружки выторговали себе это право. Нам с Ириной досталась кровать, широкая, железная, со множеством шариков на спинках, которые мы с удовольствием откручивали и прикручивали в отсутствие хозяйки, компенсируя наше поражение с местом ночлега.

Два дня уже работали в поле. Восторг от сельской жизни прошёл быстро. На третий день, когда после тяжёлой физической работы, не привычной городским пигалицам, разболелись руки и ноги, обветрило лицо, появились мозоли, пыла в работе поубавилось. Вдобавок туалет был на улице, мыться приходилось в какой-то хозяйственной постройке, а точнее, дырявом сарае – бр-р... как холодно. Баню обещали через две недели. Работы я не боялась, всегда старалась быть впереди, но вот моё хрупкое здоровье неженки подвело. Через неделю, когда зарядил дождь, у меня разболелись «коленные, локтевые и лучезапястные суставы» – так потом было записано в моей медицинской карте городской поликлиники. Наступил день, когда я с трудом встала и оделась. Слёзы текли от боли. На работу идти не смогла. Тётка Анна захопотала около меня, заохала, велела идти к фельдшернице Фоминичне. Я дважды ходила в поисках медички (так говорили местные жители), но натыкалась на закрытую дверь. В третий раз моя трудная дорога через боль увенчалась успехом – дверь была открыта, но доктора я не увидела. В кабинете стояла женщина в фуфайке и резиновых сапогах. Я что-то промямлила про необходимость встречи с врачом. Женщина велела раздеться и стала трогать мои руки и ноги,

я заохала, раздражаясь ещё больше оттого, что она не звала врача.

– У кого живёшь? – спросила эта тетка. Внутри меня всё протестовало: где же врач? Почему не зовут доктора? При чём тут место жительства и кто это вообще? Прервав череду вопросов в моей голове, новая знакомая сказала: – На работу не ходи, дам справку. Анне скажешь, пусть печь затопит, тепло тебе нужно. Это ювениальный полиартрит. – Последние два слова совершенно не вязались с видом женщины в фуфайке. Увидев недоумение на моём лице, она сказала тоном учительницы: – Родишь – всё пройдёт.

Я еле доплелась до тётки-Анниного дома. Всю дорогу шла, думая про медичку: «Дура». Сколько лет живу, столько и стыжусь того слова. Не моё это слово, нет его в моей речи, но тогда я наотмашь хлестанула ту незнакомку. И только потом, став взрослой, родив дочь и избавившись от болезни, поняла, что была она профессором медицины для всей округи, ведь ей приходилось и зубы лечить, и роды принимать, и вывихи выправлять, и многое другое делать без посторонней помощи, самой. Всю жизнь прошу у неё прощения за то слово глупое, злое, слово девчонки, не знавшей жизни.

Тётка Анна меня жалела, то пряник какой протянет, то яблоко. Было приятно и смешно. Уж слишком скромны были такие подарки против любимых «Мишки на севере», «А ну-ка, отними» и других московских конфет. Оставаться в доме одной было скучно. Девчонки уходили на работу, а я комочком лежала и страдала. Телевизора и радио не было. Иногда в горницу ко мне в друзья пробирался кот, но тётка Анна его сразу выгоняла, приговаривая: «Ух, базильнай! До чего же базильнай!» Когда она говорила непонятное мне слово, я всегда переспрашивала значение. Тётке Анне это льстило, она с удовольствием принималась объяснять: «Везде лезет, воруется, значит, базильнай».

Хозяйка, поняв, что мне грустно, договорилась с завклубом Людмилой Николаевной и заведующей библиотекой Александрой Васильевной о моём приходе. Клуб и библиотека были в одном здании. Небольшой коридор от входной двери переходил в зал с высокой,

очень узкой сценой. Справа от зала находилась библиотека. Я сразу пошла в библиотеку, записалась, поговорили. Библиотекарша оказалась милым, отзывчивым человеком. Я похвалилась, что с пятого класса работала в школьной библиотеке. Александра Васильевна сразу нашла во мне помощницу, обрадовалась, напоила чаем с травами, вкусным, душистым, которого я и не пила никогда, угостила домашними ржаными пышками. Что-то в её облике напоминало бабушку, обволакивало теплотой. После беседы за чаепитием пошли искать клубных работников. Они все стояли на улице вместе с молодёжью, держали какие-то плакаты и транспаранты. Оказалось, это только что вернувшаяся с поля агитбригада. Говорили громко, смеялись. Александра Васильевна обняла меня и повела знакомиться с молодёжью. Ещё толком не поговорили, а вопросами меня уже забросали: «Поёшь? Стихи читаешь? А в агитке когда участвовала?» Я вертела, как флюгер, головой, купалась во внимании и даже про боль забыла. Решили в выходной делать совместный, со студенческим участием, концерт для тружеников села. Гурьбой вошли в клуб, предлагая на ходу репертуар концерта. В этот момент вошла дама. Я её сразу так окрестила. На даму она, конечно, не тянула. Но на фоне простенькой одежды окружающих отличалась кардинально. Дама была крупная, руками двигала во все стороны, подгребая пространство к себе со всем находящимся вблизи. Вид был ошеломляющий. Бусы на шее, бордовая помада на губах, сумка на руке и здоровенный золотой перстень на пальце. Всё кричало о том, что это творческий человек. Я поняла, что это и есть Людмила Николаевна, заведующая местным клубом. Самым странным в её облике была речь. Претенциозность внешнего вида никак не вязалась с речью – простой, деревенской, своей. Этот диссонанс рассмешил сразу, но грозный взгляд останавливал от комментариев даже в собственной голове. Прослушав все наши пожелания о концерте, она по-свойски скомандовала:

– Хорошо. Вот и давайте. Делайте.

С ребятами сговорились о встрече в клубе вечером, после работы, с нашим институтским

преподавателем. Местные говорили: «Завклуб сказала, что артистов из филармонии привезут». Её так и звали: «завклуб», в мужском роде. И впечатление было – скала. Вечера стали добрыми. Звучала гитара, наперебой предлагались песни, бардовские, студенческие и даже две собственного сочинения наших мальчишек. Куда-то далеко отошёл вечерний холодок и чернота неосвещённой ночи. «На ветвях у тополя качается звезда...» – в который раз пели мы самозабвенно. Мальчишки, даже самые ершистые, ещё не очень знакомые, сразу стали своими, поменяли дерзкие песни Высоцкого на лирику. «Посмотри, снег идёт, дай же руку скорей. Пусть зима отдохнёт на ладони твоей». Под такие слова все сразу стали влюбляться. А тут ещё пятикурсников нам на подмогу прислали на две недели. Это была бригада парней. Наши девчонки сразу запорхали, затараторили наперебой. О новых знакомых, о шутках за обедом на полевом стане.

Тётка Анна принесла мне какие-то колючие тряпицы, обмотала мои колени и локти и толкнула в плечо: «Собирайси, а то женихов разберут». Вместе со своими подружками впервые пошла на вечернюю встречу у костра с пятикурсниками. Здорово было, интересно, весело. Девушки кокетничали, чувствуя внимание взрослых парней. Пекли картошку, пели песни, слушали анекдоты и истории. С картошкой произошёл конфуз. Я, как все, взяла себе картоху из костра. Да, забыла сказать, что не только картошку мы звали картохой, но и применяли в разговоре намеренно местные словечки. Иронизировали. Слова вставляли, где можно и нельзя. На нас не обижались, считали это каким-то баловством. Так вот, взяла я горячую картоху и сразу бросила на траву. Палец обожгла. Все вокруг засмеялись, кроме одного парня. Я почувствовала на себе его взгляд, хотя своими подслеповатыми глазами, да ещё и со слезинками, предательски повисшими на ресницах после ожога, и рассмотреть-то ничего не могла. Парень, обративший на меня внимание, пружинисто встал и оказался в свете пламени костра. Все взоры обратились к нему. Из всех присутствовавших на встрече он был единственным одетым не по форме, не для колхоза. На нём ладно сидели модные джинсы,

мохеровый пуловер, поверх которого тоже была джинсовая куртка, вся в карманах и заклёпках. Впечатление он производил сильное: инопланетянин, не иначе. Двадцать человек, сидевших вокруг костра, как братья-близнецы, были в чёрных фуфайках, человека три в нейлоновых куртках, что уже было шиком. Всё смолкло, даже гитарист положил руки на струны, остановил песню. Только костёр потрескивал. Джинсовый человек разломил мою отлетевшую картошку, положил у моих ног и сказал:

– Дерзай. – Через секунду удалился на своё место.

Я зарделась, про себя лихорадочно подумала: «Не заметят, может, от костра жарко». Чуть замявшись, взяла одну половинку картошки и стала откусывать по краешку, стремясь захватить жёлтую распаренную середину зубами. Через мгновение народ снова ожил. Смешки раздались с противоположной от меня стороны. Чья-то девичья рука достала из кармана фуфайки зеркальце в пластмассовой ободке, малюсенькое, круглое, и протянула мне. Послышалось: «Хрюша. Среди нас поросёнок». Я даже обидеться не успела. Джинсовый человек опять вскочил, приблизился ко мне и из-за голенища мягкого чёрного сапога достал ложку, сложенную пополам. Щёлкнул, раскрыл её и дал мне в руку. Из другой моей руки взял картошку, почистил на траве от глянцевого чёрной корки и произнёс:

– Тебе будь удобно и не горячо. Ешь. – Улыбнулся во всё лицо и добавил: – Это ложка американских солдат.

Земля под ногами уехала в сторону, небо закачалось, дышать было нечем. В глазах потемнело, в ушах загудело, но через несколько долгих секунд я поняла, что этот «фирмач», как тогда говорили, сделал из меня королеву. Пришло первое в жизни ощущение сильного мужского плеча, защиты. И очень странное и незнакомое доселе чувство своей власти и превосходства. Всё происходящее понимал каждый присутствующий. И тут с трона меня быстро возвратила Ирка. Она громко и чётко объявила:

– Марина у нас больна. Идёмте, девочки, нам завтра в поле, пора спать уже.

На подкосившихся ватных ногах я тоже поднялась и пошла за подругами, выдавив:

– Пока.

Фирмач встал со словами:

– Проводить?

Ирка обернулась к нему и изрекла:

– Да уж не надо, дорогу знаем.

Шли молча. У самого дома тётки Анны девчонки окружили Ирку. Самая старшая из нас, Оля, задала вопрос:

– Ты чего?

– Ничего, – буркнула ответчица справедливо вопрошающей и быстро подскочила к двери. Звякнула щеколда.

– С Ирккой не разговариваем, – продолжила Оля и тоже пошла в дом.

Помявшись, вошли и мы следом. Говорить не хотелось. Трое молча улеглись спать, а Ира выпорхнула на улицу. Я всё думала, как же завтра быть. Вроде и не ссорились, а на душе кошки скребли. Если помните, на одной кровати мы спали именно с моей обидчицей. Я повернулась лицом к старенькому прикроватному коврику и уснула. Конечно, не слышала Иркиных шагов украдкой, всхлипываний и тяжёлых вздохов. Об этом мне на утро поведали притворившиеся уснувшими на своих перинах мои защитницы.

Хлопотавшая тётка Анна подняла нас. Была она очень беспокойна, на себя не похожа. Когда девчонки ушли, подошла ко мне, глянула в глаза и очень мягко спросила:

– Ты вечером к костру идёшь?

Я не раздумывая ответила: «Нет». Тётка Анна опять вкрадчиво заговорила, пообещала, что суставчики мои полечит, подвяжет тряпицами с мазью. Всё уговаривала: «Иди, иди». Я упёрлась и только тогда узнала, что день сегодняшний был непростой. В этот день ежегодно после войны вдовы подруги собирались у неё вечером после работы. Это был трудный день – первая похоронка 1941 года. И это даже не похоронка была. А письмо солдата-земляка, поведавшего о бомбёжке немцами нашего эшелона, после которой осталось в живых два десятка солдат. Похоронила себя после этого известия сама тётка Анна. Она не знала, как жить без своего любимого Санечки. Сначала выла.

Потом от горя почернела, высохла. Потом себе обет дала – замуж не выходить, детей не иметь, быть верной своему любимому. Это я потом всё узнала, а в эту минуту мы никак не могли прийти к нужному решению. Я не могла появиться перед пятикурсниками после вчерашнего демарша, не хотела рассказывать о предательстве подруги. Тётка Анна не видела необходимости незнакомой девчонке раскрывать душу. Мы сидели и молчали. Я подняла глаза и увидела мокрые щёки тётки Анны. Не задумываясь бросилась к ней и взялась уговаривать:

– Ну разрешите мне остаться, тётечка Анечка, разрешите!

Она концом ситцевого платка вытерла глаза и выдохнула:

– Оставайси. Только не болтай. Молчи больше. – Погладила меня по голове, вздохнула с надрывом и вышла.

Мне пришлось одеваться без помощи тётки Анны. Процедура была долгая, с остановками и мычанием от боли. Но я справилась всё-таки. Хозяйки нигде не было видно. Прикрытую уличную дверь я подпёрла палкой, лежавшей под лавкой около крыльца. Здесь двери никто на ключ не закрывал, просто прикрытую дверь снаружи припирали палкой, воткнув её одним концом в землю. Это был условный знак, понятный всякому: хозяев дома нет. Поверить в это сегодня невозможно, но тогда никто не удивлялся. Тропиночка повела меня в клуб. Первой на пути встретила Людмила Николаевна. Она кивнула и опрометью бросилась в библиотеку к телефону, который большим чёрным монолитом стоял на старой тумбочке. Таких аппаратов давно в помине не было. А здесь он ещё проживал бурную жизнь. Людмила Николаевна схватила трубку и грозно прокричала: «Хто это?» Через паузу закивала: «А-а, ага-ага...» Это были ответы на не слышные мне вопросы. Долго так она агакала, но потом резко бросила: «Скажи, Николаевна велела. Всё». Не будь меня, она бы поговорила крепкими словами гораздо быстрее. А сейчас, недовольная разговором, только махнула рукой и удалилась. Утро в библиотеке всегда начиналось светло от ласковой и милой улыбки Александры Васильевны. Даже мои болячки

не беспокоили – так тепло и спокойно было около неё, умиротворённо. Александра Васильевна включила электрический чайник, достала газетный свёрток и развернула. В нём оказались ещё тёплые пирожки, завернутые в льняной клочок. Я сказала, что уже завтракала. Но Александра Васильевна словно и не слышала меня:

– Чаю попьём, поговорим, а потом за дело. Мне сегодня твоя помощь будет как нельзя кстати. Пораньше уйти нужно. Очень нужно.

Я обрадовалась, что буду полезна. После чая взялись за проверку формуляров, оформление новых книг и ремонт старых. Время пролетело незаметно. Библиотекарша посмотрела на часы. Было пять вечера.

– Пойдём, Маринка, – была команда к окончанию работы. – Спасибо, девонька, приходи завтра. Сможешь?

Довольная приглашением, я сказала:

– Конечно!

Из клуба каждая пошла своей дорогой. Подойдя к дому тётки Анны, я увидела на лавочке двух женщин, одна из которых показалась мне знакомой. Вблизи уже я поняла, что эта женщина нас расселяла. Только синего халата на ней не было. Другую я никогда не видела. Мы поздоровались, и я вошла в дом. В горнице на столе была расстелена новая цветная клеёнка. А свёрнутые перины перекочевали в сени. Хозяйка хлопотала, резала, накладывала еду в тарелки.

– Поди руки помой. Помогать будешь.

Я стала накрывать стол, протёрла маленькие гранёные стаканчики и попыталась красиво всё расставить на новой клеёнке. Запахло мятой – тётка Анна наливала квас в рыжую махотку. И опять подумалось: как у бабушки. Хорошие они, эти женщины, только с виду неприступные какие-то. Так кажется сначала. Чем больше их узнаёшь, тем больше прикипаешь к ним, понимаешь, отвечаешь взаимностью. Размышления прервались стукнувшей щеколдой входной двери. На пороге возникла целая группа женщин, не скрывающих своего удивления от моего присутствия. Тётка Анна сразу сказала в мою защиту:

– Она не помешает.

К столу вереницей направились женщина без халата, неизвестная, медичка, дама и Александра Васильевна, библиотечка. Я с интересом смотрела, как они рассаживались по-свойски. И в то же время торжественно, серьёзно. За длинный прямоугольный стол, передвинутый в центр, на лавки сели Александра Васильевна с дамой, напротив медичка с женщиной без халата. С торцов – хозяйка и незнакомка, которой оказывалось всяческое почтение. Я присела с края около библиотечки. Она поднялась и пропустила меня в середину лавки со словами: «Что ты, что ты, на угол не садись. Замуж ни выйдешь». Я повиновалась и оказалась между Александрой Васильевной и дамой. Когда все уселись, встала незнакомка со словами:

– Давайте помянем братца моего родного, твоего, значит, мужа. Смерть он принял первый, как герой. Помолимся за него и всех героев наших родных...

Молитва звучала тихо, но красиво, на голоса. Дама гудела с незнакомкой, Александра Васильевна пискляво отделялась. Слов молитвы я не знала, но как же красиво они лились по всей деревенской избе. Звучала эта молитва возвышенно, проникновенно, и казалось, что святые на иконах улыбаются в дрожании малюсенького огонька лампадки. Мурашки побежали по спине. Такое истовое моление я видела впервые. Это было не кино, а чья-то живая настоящая жизнь. Да не чья-то, а уже знакомых мне немного деревенских женщин. По кругу пошла кутья. Этот обряд был знаком от бабушки, поэтому и моя ладошка подчинилась общему движению. Все смотрели с одобрением. Я заработала плюс. Маленькие стаканчики наполнились мутноватым самогоном, и все выпили до дна.

– Закусывайте, – произнесла тётка Анна, двигая тарелки в сторону подруг. Мне в кружку налили квасу. Под квас около тарелок стояли разнокалиберные кружки и стаканы по форме и цвету. Для меня, привыкшей к домашним праздничным застольям в кругу друзей, родителей, странно было увидеть такую нестройность, пестроту обстановки. Дома в торжественные дни стелилась роскошная скатерть, блюда подавались на маминой любимой японской по-

суде из огромного сервиза. Вазы, хрусталь – всё добавляло красоты. Но что удивительно, кричащая непарадность трапезы лишь усиливала понимание невероятной чистоты, духовности, великой доброты и силы этих женщин. Меня обволакивало чувство единения с ними, делало лучше. Пропала важность украшательства, душа парила во внутренней чистоте и умиротворении. Ощущение было удивительное.

Из небольшого чугуна, покрытого чугунной же сковородой, наливала тётка Анна лапшу. Не половником, как в городе, а большим деревянным ковшом. Перевернёт ковш – порция, перевернёт – другая. Быстро так, ловко. Лапшу ели молча. Пустые тарелки поставили горкой на край стола. Тётка Анна шепнула мне: «В таз положи, в воду». Александра Васильевна меня сразу пропустила. Я всё быстро выполнила и вернулась на место. Наполнили стаканчики во второй раз. Снова поднялась незнакомка и сказала:

– Давайте помянем... Не пришлось пожить нам с ними вдоволь. А хотелось, как у мамани с папаней. Долгую жизнь прожить, дружно. И чтоб деток народить по-людски. – Она запнулась, помолчала и продолжила: – Помянем воина Ивана, воина Василия, воина Александра...

Встала следом медичка и продолжила: «...воина Филиппа, воина Захария...»; женщина без халата поднялась и продолжила, за ней тётка Анна, всплакнув, прибавила дорогие имена, добавила Александра Васильевна тоненьким голоском, чуть хрипловато закончила дама. Неизвестная обвела взглядом всех и виновато с улыбкой сказала:

– Помянем всех-всех, бабоньки. Со сродниками.

Незнакомка и дама выпили по полной, остальные только пригубили. Дама раскраснелась, заёрзала и с досадой процедила сквозь зубы:

– Вы-то счастливые. Вот у Нюрки (так она называла тётку Анну. – **М. А.**) портрет над кроватью висит. Каждый день с мужиком своим говорит. А у меня и карточки нет. Расписались, и ушёл. И всё. – Она крупной ладонью закрыла лицо. Замолчала.

Александра Васильевна потянулась через мою спину к подруге, достала до плеча и стала приговаривать:

– Будет, будет. Уж тридцать первый год после войны пошёл. А ты всё про карточку.

Встряла незнакомка в разговор:

– У Бога мёртвых нет. У него все живые. Они все тут сейчас, с нами. Рядом.

И тут вдруг заголосила тётка Анна, так пронзительно, что я вздрогнула: «Ой-и-ой-и-ой-та... И на кого же вы нас покинули, и на кого же оставили. И как же наши душеньки изболелись... И без вас-то мы сироты-ы-и-и-и...» Ей ещё жалостнее вторила библиотечка: «Одинёшеньки мы на белом свете-е-е-е. Никто нас не пожалеет, слёзки не утрёт. И детушек мы в зыбке не качали-и-и-и. И нет без вас жизни, нет света». Тишина после воплей стояла мёртвая. Только ходики на стене стучали и стучали. Жили своей ровной, размеренной жизнью. Все заохали, засморкались. Дама налила себе ещё, быстро выпила, вытерла губы и, не закусывая, затянула: «Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя...». Подхватили сразу и другие, и полилась песня, звеня и переливаясь. Я тоже тихонечко вступила: «...дам винтовку свою, а за это за всё ты отдай мне жену». Александра Васильевна кивнула мне, улыбнулась. Она вообще всегда улыбалась, располагала к себе. Будто и не было в её сердце горя. Вот и теперь снова поглаживала спину дамы, облокотившись слегка на меня, вразумляла её:

– Ты не части, не части. А то голова завтра болеть будет.

Дама оборвала песню на полуслове:

– У Нюрки самогон – стекло. – И продолжила с новой силой: – «...С молодых юных лет ты погубишь её...» – Потом снова остановила песню и, повернувшись ко мне, сказала: – Молодец, девка. Наша. – Засмеялась чему-то своему и стала вспоминать: – Ох, бабы, вы вспомните, как меня замуж отдавали!

За столом рассмеялись, зашевелились, вытаскивая давние события, обмякли.

– А ты чё молчишь? – ткнула дама пальцем в воздухе в сторону медички. – Ты с Филькой своим у нас на свадьбе на второй день слитурилась.

Не обидевшись, с достоинством заговорила медичка:

– Да, полюбили мы друг друга сразу. Это уж и он мне потом признался. Дышать оба не могли. А на гармошке когда заиграл, я поняла – пропала. Сердце как застучит – не оставишь. На первый день я стеснялась, всё приглядывалась. А на второй день, думаю, пойду. Набралась храбрости, да как началась дробить, и с подскоками, и с присядкой. И даже не устала. Сила в ногах.

– Могутная! – вставила дама.

– Да. А потом остановилась, передохнула, да как в глаза ему глянула, и всё тут. Мой ты, думаю, Филипп Петрович. Вот мой. Неловко сначала было. Он-то мужик, а я-то свиристелка. А потом взгляд его поймала, махнула платком да уж и уходить наладилась. А сама знаю: за мной пойдёт. Кабы не война, поводила бы его, помучила.

Затихла медичка, а я увидела перед собой красивую женщину, ладную, бойкую, только руки не шли к этой красоте. Они были натруженные, красные, грубые. «От какой-то другой фигуры», – подумалось мне.

– А у меня за иконками все письма Стёпушки. Все до единого. И похоронка тоже. На Воронежском фронте сгинул, – медленно выговаривала женщина без халата, рассказывая мне.

Не понимала я тогда всей глубины чувств этих женщин до конца – юная была, жила легко. Мама работала в индустриальном техникуме преподавателем электротехники. Отец был инженером-конструктором на военном заводе. Все были молоды, здоровы. Возили меня по стране, по музеям, собирали библиотеку, с наслаждением взахлёб читали, встречались с друзьями, ходили в походы. Много чего было. И всё радостное, свежее, яркое. В семье я была единственным ребёнком. Забот не знала. Родители баловали. Только потом, спустя годы, пришло понимание важности той встречи с деревенскими вдовами. Встречи, которая открыла мне великую святость простой русской женщины. Благодарю Бога и свою молодую цепкую память, сохранившую в деталях те далёкие дни.

Женщина без халата продолжила:

– Читаю, бывало, письма и вроде голос слышу Стёпин. Он меня по имени никогда и не звал. Все цвяточек да цвяточек полевой. Теперь не читаю. Так все назубок знаю. И-и-их. – Дама снова наполнила стаканчик и выпила. Остальные молча пригубили. Дама обратилась к хозяйке: – Нюрк, блинов мне с собой дашь. Завтра ребят угощу. У тебя блины пуховые! – Тут же мне вопрос задала: – Песни дедовские откуда знаешь?

Я рассказала, что дед у меня гармонист, фронтовик, в доме без песен не живут. Да и мама моя пела очень красиво. Совсем маленькую учила меня петь на два голоса. Купила мне немецкий звонкий ксилофон, учила играть. А сама легко освоила аккордеон. Дама выслушала и, как печать, поставила, сказав:

– Девка ты, конечно, городская, но не выкобениваисси. И не надо. Наши люди всё смекают. – И она снова низким бархатным голосом завела другую песню: «За грибами в лес девицы гурьбой собрались...»

Я не отставала, пела со всеми, радовалась в душе, что песни эти знаю. В глазах поющих читала одобрение в свой адрес. Как же они мне стали близки за этот вечер, как дороги! Ведь я снова и снова возвращаюсь к тому застолью, вспоминаю, перебираю в памяти каждую мелочь. Каждую.

Загалдели во дворе девчонки. Смеялись, спотыкались в темноте. И сразу пропало, спряталось за киоты икон, как фронтовые письма, то незримое, родниковое, то, чем жила всегда Россия. Её люди. Напоказ этого не увидеть. Девчонки вошли счастливые, неугомонные. А у меня тогда заболела душа, защемило сердце оттого, что когда-то эти женщины щебетали, как мы. Только война перекрасила их жизни чёрным цветом. И отобрала близких.

Первой встала дама.

– Девки помогут. Нюр, блины!

Собравшись, стали подниматься из-за стола. Женщина без халата убирала под платок выбившиеся седые пряди волос. Библиотекарша поправляла платье. Тётка Анна вышла всех проводить. Девчонки с задором рассказывали о танцах, кавалерах, но я слушала вскользь. Не могла сразу переключиться на другую вол-

ну. Тётка Анна вернулась и сразу пригласила девочек за стол.

– Покушайте, чего Бог послал.

Дважды звать не пришлось. Голодные студентки набросились на еду. А мы с тёткой Анной направились в сени мыть посуду.

– Устала? – мягко спросила она.

– Нет, что вы. Спасибо за вечер. – Я обняла тётку Анну. Она стояла в кольце моих рук, чужая и в то же время близкая мне, очень понятная, и растворялась в моей неуклюжей чувственности. Так хотелось объяснить ей, что я многое увидела и поняла. Но слова не приходили. Чуть отстранясь, взяв мои тоненькие ручки в свои сильные, глянула в глаза глубоко-глубоко, с таким пониманием и любовью, что внутри меня что-то новое, вечное откликнулось. Я повзрослела. Мы стояли вдвоём в своём мире, тонком, очень возвышенном, в тёмных сенях, а за дверью взахлёб хохотали, жевали, возились бесшабашно и молодо. Тётка Анна погладила меня по спине, по волосам:

– Завтра поговорим. Иди к своим. Жаждались. Не нахвалятся.

Ночь прошла мгновенно. Подружки умчались на работу, а тётка Анна в горницу вошла очень торжественно. Её торжественность была странной до той поры, пока она так же величественно не подошла к огромному сундуку и не скатала с него домотканый половик. Загремело железо, и крышка старого сундука открылась. Поманив к себе, тётка Анна сняла какую-то серую ткань, и моему взору открылось нечто бело-кремовое.

– Это мой свадебный. Забирай. На память.

Это был тулуп. Она бережно накинула мне на плечи эту махину. Я влезла в рукава, стало мягко и тепло, даже жарко. Тулуп был мне впору. Я разглядывала такую необыкновенную вещь: красная вышивка украшала горловину, подол, рукава и запашную полу. Интересна была и кожаная пуговица. Такую я не видела никогда. Скручена она была так, как рогалики пекутся – верхний уголок приоткрывал предыдущие слои. Мозг будущего инженера работал: если взять равнобедренный треугольник большой высоты с малым основанием, закрутить основание до вершины, то получится именно

такая пуговица. Сама пуговица тоже была украшена красными нитками. Рассматривать было интересно, но тут я себя представила в актовом зале института, совершенно огромном, где первокурсникам вручали студенческие билеты. Вспомнила, как танцевала вальс с преподавателем нашей кафедры – Василевским. Вообразила себя в этом тулупе до пят и расхохоталась. Тётка Анна растерянно улыбалась. Я сняла с себя древнюю красоту и вынесла вердикт:

– Спасибо, конечно, только куда я его дену? Убирайте его на своё место. – Про себя подумала: «Куда этот тулуп девать? Он же полквартиры займёт».

– Как знаешь, – проронила хозяйка и стала аккуратно выкладывать это меховое чудо в сундук.

Я пошла в библиотеку. По дороге возвращалась к мыслям о тулупе. Понимала, что построила тётку Анну, но юность – советчик плохой. Шла и веселилась – наряжала себя в этот тулуп, югославские зимние замшевые сапожки на шнуровке, модный финский батник и джинсы и смеялась до самого клуба. Молодая дуручка. Я и не догадывалась, как дорога была эта вещь тётке Анне. В том тулупе вся память о дорогом человеке, которого война забрала. О малом времени счастья, о первой и единственной любви.

В разных этнографических музеях побывала я. Но такой невероятной красоты не видела. До сих пор в глазах я в тулупе, смеющаяся, молодая, и тётка Анна рядом с грустными-грустными глазами.

Давно не ворошила прошлое, но как припомнила, так опять больно стало за беды и горе войны, за несложившиеся женские судьбы.

А те милые женщины, с которыми свела меня дорожка, достойны самых тёплых слов. Я люблю их:

тётку Анну,
Александру Васильевну,
женщину в синем халате,
даму,
незнакомку,
медичку.
Светлая им память!
И великое уважение.

Вера ПАНЧЕНКО

Родилась 6 мая 1934 года на станции Бушулей Читинской области, окончила Читинский государственный педагогический институт в 1956 году. Работала журналистом – сначала в районной газете «Хилокский рабочий», затем в областной «Комсомолец Забайкалья». По приезду в Ригу – в республиканской газете «Советская молодёжь», затем несколько лет подряд ездила в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, где работала в геологической и геофизической партиях, на обработке сайры (остров Шикотан). В 1973 году была принята в Союз писателей Латвии – тогда СССР, Латвийское отделение. С 1981 года и до выхода на пенсию (1989) работала консультантом-референтом по русской литературе в штате Союза писателей Латвии. Поэт-переводчик. Переводила латышских поэтов Мирдзу Кемпе, Лию Бридаку, Лаймониса Видземниекса, Александра Чака, Инару Рою, драматурга Петера Петерсона и других. Член Союза российских писателей.

Автор поэтических сборников: «Моё имя» (Рига, 1966), «Однолюбы» (Иркутск, 1968), «Ветка снега» (Рига, 1973), «Вкус познания» (Рига, 1977), «Мельница» (Рига, 1981), «Прозрачные колокола» (Рига, 1984), «Из пазухи дня...» (Рига, 2011) и др. В настоящее время проживает в городе Пскове.

* * *

Росинка, ядрышко луча,
Из искры разгорится пламя,
Библейство – в старом Аврааме,
А мы росинки, и над нами
Сияет солнце сгоряча.

Пронизанная им насквозь,
Душа всечасно – трепет света,
В земные сумерки одета,
Как изначальная планета,
Свою испытывает ось.

Пронзают дальние лучи
Все нам известные эпохи,
Сливаясь в яркие сполохи,
И просыпается на вздохе
Придурок, спящий на печи...

Росинки тают неспроста –
Прямая утреннего взлёта
В небесные ведёт ворота,
Где новый полдень для кого-то
Начнётся с чистого листа.

* * *

Удел высокий – жить,
И хорошо, и плохо,
И не жалея жил,
И на пределе вдоха,
И за пределом слов:
Не опыт и не знание,
В душе беззвучный зов –
Вот жить призванье.

* * *

На песчаной улице Песчаной
Дом стоял, старинный, деревянный,
А мы с мамой подошли к воротам
И вопроса подождали «кто там?».

За свои семнадцать я впервые
Вижу город – в центре мостовые,

Тротуары, яркие витрины,
И народу – как с кинокартины.

Городских покупок надо много,
Но сперва – песчаная дорога
К той, что, за семнадцатью годами,
Верховодила в родильной драме.

Приняла меня в свои ладони,
Всё утихло в нашем сельском доме,
Существо горластое уснуло,
В дрёме бабушка скользит со стула...

Нас она с улыбкою встречала,
На меня глядит моё начало
Ласково, со смыслом сокровенным,
Мир течёт по нашим общим венам.

Годы мои, годы ходовые.
Все – оттуда и всегда впервые,
Мама мудро адрес тот хранила
Для меня – и мне на жизнь хватило.

* * *

Традиция – не только хоровод,
Купанье в проруби и старый Новый год,
Блинов и медовухи полон рот,
Невпроворот – распевов и частушек.

Не только быт, но – наш бытийный ток,
Снаружи – запад, а внутри – восток,
Он как основа – и веков уток,
К витку виток, вплетается в основу.

Даль безутешная – в глазах пестро –
Питает беспощадно и щедро
Податливое русское нутро,
Ядро бессмертья посреди развалин...

Воскресла вновь сожжённая дотла
Традиция двуглавого орла,
Живёт и на врагов не держит зла,
Им несть числа, завистливых и хитрых.

Но учим их от века – к нам не лезть,
У нас всегда на них управа есть –
Народное достоинство и честь,
Благая Весть – предвестие Победы.

* * *

Прощай, умытая Европа,
С тобой мы вовсе не родня,
Ты безголосого холопа
Упорно лепишь из меня.

Да, братства здесь искать не надо –
Здесь лишь рабы и господа,
Другого не было расклада
В умытых странах никогда.

* * *

Кто поглощает – день за днём, за годом год, –
Какая бездна?
И человек – из рода в род –
Замедлить рвётся этот ход,
Но – бесполезно.
Своих понятий, помыслов предел
И беспределье
Он превращает в бесконечность дел
Или безделье.

Оружия другого не дано –
Он безоружен.
Всё это, впрочем, бездне всё равно –
Он ей не нужен...

Но опыт, самый древний старожил,
Сорвал бессчётно богатырских жил
И понемногу
В утробных дебрях жизни проложил
Дорогу к Богу.

И есть теперь ведущие слова,
В них воля запредельная жива
На поле битвы,
И сами прорастают, как трава,
Для обновлённых сил, для торжества
Слова молитвы.

* * *

У стихов для нас секретов нет,
Если в лад настроенное зреньё
Разглядит внутри стихотворенья
Чей-то светлый зыбкий силуэт.

С выводом пока что не спеши –
Это не мираж и не виденье,
Это с запредельем совпадение
Бессловесной сущности души.

Для неё всегда потребен путь –
Посреди прозрачного паренья,
Очутясь в метафорном строенье,
Опуститься вечности на грудь.

* * *

...Молитвенная тишина
Тогда стояла до рассвета,
Надеждой верною она,
Как правотой, была согрета.

Мы будем жить, мы жить должны,
И зыбко верится в угрозы –
Перед войной и до войны,
Пока накапливались слёзы.

* * *

Только в русле своей семьи,
Только в русле своей страны –
Не бывает иной земли,
Не бывает иной цены.

* * *

От густой белизны искромётно в глазах –
Снег искрит в круговом колыханье,
Для морозной зимы неизбежен размах
Молодого такого дыханья.

Новозимье моё, прошлым зимам назло –
Те на раны лишь сыпали солью, –
Порадей и порадуя, коль мне повезло –
Поискрить на твоём белозорье.

* * *

Объединил и подытожил:
Другие краски не нужны –
И только снег на снег помножен
Всё поглотившей белизны.

Объединён и успокоен
Под властью снега белый свет –
Врастает в землю белый корень
И даст побеги новых лет.

* * *

Минувшее я прошлому отдам,
Как лодку отдают речной стремнине,
В нём по вчерашним не пройти следам –
Лишь новые понадобятся ныне.

Отдам – ведь не удержишь всё равно,
Сквозь толщу дней и сквозь меня проплыло,
И в глубине души теперь оно
Зажгло свечу родительского тыла.

* * *

*Памяти Бориса Константиновича
Макарова,
с. Акша Забайкальского края*

А Богу – Богово, и каждому своё,
И жизнь Поэта – прочное жильё,
Из трепетной любви к земле родной,
Из мужества стать голосом её,
Из боли за её житьё-бытьё –
Построено строкой очердной.

От всех земных строений налегке,
В свой новый дом, в спокойном сосняке,
Под матицу литого серебра,
Поэт ушёл... Но в каждом земляке
Строку свою хранит, как в кузовке,
И сущность благородства и добра
Пульсирует, как сердце, в той строке.

* * *

– Ступай домой, – мне вдруг сказала, –
Дорогой давней от вокзала,
Тебе знакомой с малых лет, –
Других дорог у жизни нет.

А у тебя – неисчислимо:
Летам ушедшим – побратимы,
И всё давно уж позади,
И только с этой встречу жди.

С тех пор, как ты ушла куда-то,
Она и я – мы ждём возврата,
Она и я – единый дух, –
Душа моя призналась вслух.

* * *

Как листочек сугубо осенний,
И годами, и ветхостью вен,
Я боюсь штормовых перемен –
Уходящему солнцу взамен
На полнеба зловеще засели
Чернодулые – гибель и тлен,

Но расправлю сухие прожилки
И свой страх не отдам никому,
И бессилье в пружинку сожму,
И всё выдержу – быть по сему,
Здесь, на проклятой кем-то развилке,
Ожидая гремящую тьму.

КАМЕНЬ

Ты разве не видишь, что камень – живой?
Я глыбу гранита сравню с головой,
Она не кричит под твоим каблуком –
Она обладает немым языком,
На камне морщины, как строчки, легли,
Впитавшие, может, все боли земли,
Он мёрзнет, он плачет, вбирает тепло
И вечером тёплый – прохладе назло,
Хотя он космически долго живёт,
А смерть и его не спеша разжужает.
Но если он в дело уйдёт с головой,
То тленья минует. Он, значит, живой.

ВОСТОК

По серым зыблям океана,
Как ветром сорванный листок,
За грань того меридиана,
Где станет западом восток,
Я не хочу...
Я с детства знаю страны света,
Их никогда не спутать мне,
Востока верная примета –
Восход рубинового цвета
Горит в восточной стороне.

Здесь из космического мрака
День, как из рабства, восстаёт,
И никаким врагам, однако,
Не расстрелять его полёт.

Незыблемы мои истоки
И органичны словари:
Восток – да будет на востоке
Страною утренней зари.

Ольга СТАРЧЕНКО

46 лет. Образование юридическое. Хобби – творчество. Читала свои работы в Брянском и Смоленском союзах писателей для оценки и получения мнения профессионалов.

СОВЕСТЬ

Позабытая, ненужная, чужая...
В суете летящих серых дней
Совість отречённо заплутала,
Перестали вдруг нуждаться в ней...

Заблудилась, бедная, застряла
В омуте накопленных обид
Или нарочито убежала
От бесчинства потерявших стыд?

В вышитой крестом льняной рубашке
И с котомкою наперевес
Побрела босая оборванка
В позабытый Богом тёмный лес...

По болотам шла, потом полями,
На пеньках садилась отдохнуть,
В родниках водою умывалась
И брела опять в тяжёлый путь...

Вспоминала, как жила честно
И не знала шелеста купюр,
Праведно жила, неторопливо,
Не носила платьев от кутюр...

И в каком краю нашла обитель?
Разве вспомнит кто? Незнамо где...
Может быть, в краю таёжной дали
Или в нашей средней полосе?

Поселилась в ветхом старом храме
На краю забытого села
И осталась здесь под образами...
Там надежда всё ещё жила...

Вдруг прозреют люди, и окликнут,
И, быть может, в гости позовут,
И, как прежде, в добрые минуты
Её имя тихо-тихо назовут...

И осталась в одинокой келье:
«Как же крест теперь одной мне несть?»
И в углу шуршаньем отозвалось:
«Я давно живу, я тоже здесь...»

Оглянулась, не поверив взору,
Может, показалась эта блажь...
А жила в соседней старой келье честь,
Давно ушедшая от нас...

СЛОЖЕННЫЕ КРЫЛЬЯ

*Посвящается гибели авиа-
группы над Брянщиной.
Основано на реальных событиях...*

Скупые, тревожные брянские вести...
Неужто опять на переднем краю?
Как сводки с полей, боевые известия
Сегодня я из новостей узнаю...

Мой город в огне, небо чёрного дыма...
Не сразу поймёшь, что случилось... и где?
Но ясно одно, что беда слишком близко
И мирное небо пылает в огне!

В бою полыхают российские крылья...
Так больно принять, что погибли они –
Пилоты, закрывшие небо собою.
А мы говорили: «У нас нет войны...»

Решительно приняв смертельную схватку,
Погиб в одночасье отважный отряд...
Сложившие крылья сдержали атаку,
Как деды: «Ни шагу назад!»

На Брянской земле стало нынче тревожней...
И всё же стоит городок небольшой.
За нас, за страну, за берёзы и небо
Наш город воюет, как город-герой!

Инна ИГНАТКОВА

Родилась 28 сентября 1985 года в г. Владивостоке в семье офицера. С 1987 года проживает в Оренбурге.

В 2010 году окончила с отличием факультет журналистики Оренбургского государственного университета.

Член Союза российских писателей с 2010 года.

Член Союза журналистов России с 2012 года.

Профессиональный путь начинала в региональной газете «Оренбургская неделя» (2009–2015 гг., прошла путь от журналиста до редактора отдела новостей). С 2018 года работает в пресс-службе нефтедобывающей компании.

Автор четырёх поэтических сборников: «Игра с огнём» (2006), «Краюха луны» (2007), «Первая четверть» (2010), «В предрассветный час» (2021), сборника рассказов «Сказки солнца и вьюги» (2009), романов «Что едят бесы?» (2016) и «Медальон» (2018).

Произведения публиковались в журналах «Москва», «Роман-газета», региональных альманахах «Башня» (Оренбург), «Гостинный двор» (Оренбург), «Чаша круговая» (Екатеринбург), «Под часами» (Смоленск), «Гений» (Махачкала), на просторах интернета.

Пишет в разных жанрах, на разные темы, любит экспериментировать.

* * *

«Завоюй меня!» – говорили её глаза.
В глубине зрачков танцевало адское пламя.
Бликовало всеми на свете крестами и
куполами,
Словно смертный грех
и отказавшие тормоза.

Были в этом призыве отчаяние и боль.
Были горечь потерь и какая-то страшная
правда,
От которой хотелось укрыться,
совладать с собой,
Как-нибудь уберечься,
переждать до завтра...

Понадеяться, что к утру
рассосётся страх.
Но чем больше ты прятался,
как сумасшедший...

«Завоюй меня!» – говорили её глаза.
И ты шёл за ней.
Шёл за ней.
Шёл за ней...
И дорогу осилил шедший.

Ты на мысли себя ловил, что поздно уже.
В темноте нащупывал руку –
и кончики пальцев
Говорили тебе о её непокорной душе.
И о том, что могло быть – и может быть! –
дальше.

И животный инстинкт пересиливал человек.
Но надолго ли? Той же ночью,
прокравшийся тенью,
Ты поверх этих тонких,
почти прозрачных
прикрытых век
Читал движенья её неразгаданных сновидений.

В этих снах были тоже мечта и животный
страх,
И в любви какая-то даже самоотверженность.
И конечно же, ты ревновал её, как дурак, –
Не на этом ли мир держится?

...А под утро однажды приснился Бог.
И вот так же спросил прямо:
 «Любишь? Так что ж не женишься?»
Опустил ты свои глаза. Но ответить смог:
«Так ведь был однажды
 женат
 уже я...»

И наутро – прозрачное как слеза –
Ты спросил её наконец о семье, о детях...
«Заслужи меня!» – отвечали её глаза.
И ты знал, что она права, как никто на свете.

* * *

Украсил иней, словно проседь,
Изгиб накрашенных ресниц.
Озябли пальцы на морозе
В объятых тонких рукавиц.

Роняешь слёзы, как впервые.
На кой, дурёха, плачешь ляд?
Пока болят – они живые.
Скажи спасибо, что болят!

С утра в кармане позабытый,
Замёрз с капустой пирожок.
Застыла жизнь. Судьба разбита.
И не заводится движок –

Напротив храма, на дороге,
На крайней левой полосе.
Так бросить всё б...
 и средь убогих
У края паперти присесть!

Но что-то ноет нестерпимо,
Упрямо в глубине души:
Всё в этом мире поправимо,
Вот только б вечер пережить.

* * *

В «Кривом копыте» было беспокойно.
Шумела рвань. И много пил матрос.
Так много пил, что стал совсем безмолвен.
И от безмолвия его
 бросало в дрожь.

В его тяжёлом водянистом взгляде
Читалась опостылевшая боль.
Вокруг набравшихся
 всю ночь кружили б...ди,
Заглядывали в душу исподволь,

Навязчиво-притворно подливали
В бокалы и тянули медяки.
...Матрос сидел – как вылитый из стали.
Его не волновали пустяки.

Его не понимали ни улыбки,
Ни формы женские, ни шутки погрубей.
В углу еврей играл на чёрной скрипке
«Нагилу хаву» и «азохен вэй».

А за соседним столиком кричали.
Дрались. Шутили, черти, хохоча.
...Как будто накануне чьей-то смерти,
 Матрос молчал.

О чём же он молчал?

Над липкими столешницами,
 мутный,
Струился взор матроса по пивной.
Как будто наступающее утро.
Как мёртвый штиль.
Как будто путь домой.

ПИСЬМО ЖИВОМУ ДРУГУ

*...Дай им цену, за которую любили,
Чтоб за ту же и оплакивали цену.*
И. Бродский. «Письма римскому другу»

Салют, mon cher garçon. Comment ça va?
Соскучилась. Пишу тебе из ада.
У нас всё то же.
Живы тут едва:
Теплей бы стало – большего не надо.

У нас в аду
 который день –
 пурга,
Не видно в свете бела дня ни зги.
Окутали бескрайние снега
 дома по крыши.
Боже, помоги нам!

Ты спрашивал намереди,
Есть ли Бог?
Не видела ли ангелов и бесов?
Не видела
 обещанных чудес –
Ни одного, пока я здесь.

А здесь
Дышать темно,
Надежды нет давно
На хоть какой-то малый выхлоп рая.
За что сюда, на самое на дно
Колодца ледяного, нас? Не знаешь?

И я не знаю...
 Только всё равно,
Последние молитвы забывая,
Молюсь я каждый вечер перед сном,
К кому-то всё взываю и взываю...

Вокруг – всё те же белые поля
 Бескрайние.
 Последняя глава.
...Тут был такой же грешник, как и я.
За что, уже не помню, отбывал.

Порой мы с ним сидели дотемна.
Порою было даже хорошо.
Ты спросишь, где сейчас он?
Кабы знать!
Пришли за ним намереди –
И пошёл...

Ну а куда деваться?
В те места
Иных сбежать попробуй отохоть.
Когда однажды попадёшь сюда...
А впрочем, может, милует Господь.

...Ты знаешь, Бог, похоже, всё же есть,
Но в ад не сходит.
 Здесь не служат месс.
Один лишь холод смысл имеет здесь,
Один лишь он имеет вес.

На этом всё.
 Заканчивать пора.
И так уж засиделась до утра –
Хоть темень, но вот-вот уж рассветёт...
У нас в аду который день февраль.
Метёт...

Заметены тропинка и крыльцо.
Не выстрадала счастья ни на грош.
Когда за мной придут – увидишь сон
И всё поймёшь.

Прощай, последний мой приют! В снегу
Похоронила боль на много лет.
Я так устала – больше не могу...
А Бог, конечно, глух, но, в общем-то, не слеп.

И Он, конечно, видел этот склеп.

Свою работу завершу сама.
Не торопись, mon cher, писать ответ.

...У нас в аду который год зима.
Привет!

Татьяна АКИНИНА,

г. Новоуральск

А БОГ В ДУШЕ

Нечасто Бога вспоминают мужики,
Надеясь на себя, мужскую силу.
Порою помогают матюки
Собраться с духом, напрягая жилы.

А там, за «ленточкой», у каждого свой Бог.
К нему не обращаются так часто...
В бою дружок-братишка твой уж плох,
Он ранен, дышит стонами и тяжко.

«О Боже, – взмолишься душою, – помоги
Осилить путь и дотащить живого!
И силы ты его прибереги,
Хотя б до госпиталя фронтового».

И Бог в душе твоей надеждою живёт,
Огнём любви к земле своей родимой,
И к маме, что взрастила, сердцем ждёт,
Мальчишкам, женщине своей любимой.

И полагаясь лишь на Бога в этот миг,
Собрав все силы духа и отвагу,
В разрывах пуль к земле родной приник...
А сердцем: «Нет! Не отступлю ни шагу!»

ГЕРОЮ РОССИИ

Мальчишкой в детстве, может, был тяжёлым,
Путь ищущим среди сверстников своих.
Возможно, хулиганистым, бедóвым,
Ответственность делившим на двоих.

Но школьные ступени – миг разбега,
Как взлётная прямая полоса!
И память в сердце в виде оберега,
Громоотвод, когда в пути гроза.

В бою ракета борт его пробила,
Внизу, под самолётом, – стан врага!
Раздумий на решенье мало было!
Паденье в цель!.. И жизнь так коротка!

Все с честью выдержал он испытанья,
Смертельным был его последний бой!..
Порученное выполнил задание,
Полёт в бессмертье стал его судьбой.

И он вернулся в школу в новой роли,
Исполнивший святой солдатский долг,
Экзамен сдавший доблести и воли,
И подвигом прославил город, полк!

МОЙ ПАПА

Мой папа – военный, защитник страны!
Солдаты России всегда ей верны!
На зов своей Родины, громкий набат,
Сражаться ушли папа, дядя и брат.

Я знаю, там трудно, мой папа – герой!
Но я так хочу, чтоб вернулся домой.
И я его жду и рисую весну,
Деревья в цветении, но не войну!

И брат мой в войну очень редко играет,
По папе любимому сильно скучает.
Чтоб папу порадовать – мне по плечу! –
Я солнечный круг для него начерчу.

Пусть солнце согреет отважных солдат
И письма из дома для них прилетят.
Они защищают Россию в бою,
И в День нашей Родины гимн им стою!

А я буду снова ждать папу домой!
Чтоб он возвратился с Победой, живой!
И радостно будет всей нашей семье,
Когда будет мир и весна на земле!

ЖДЁМ ПАПУ

Как нежно и трепетно чувствовать это –
Ждут дети любимого папу домой.
Рисуя весну, посылая приветы,
Они точно знают, что папа – герой!

Защитником став в это трудное время,
Надев снова форму по зову страны,
Он честно несёт это тяжкое бремя,
А будни солдатские очень трудны!

Опорой – семья, верный тыл и отрада:
Любимая, дети, родная земля.
А сердцу солдатскому много не надо –
Лишь только б семья и Россия жила!

ПОЗЫВНОЙ – «РОССИЯ» («Москва» – позывной!)

Скажи, друг, какой у тебя позывной?
На связи с тобою Россия!
Ты – сын мой, защитник и просто герой!
За правду ты встал – вот мессия!

Пришёл на мой зов, материнский призыв:
«Сыны! Враг подходит к границе!»
И Родина-мать, про невзгоды забыв,
Уверена – не покорится!

Сама непокорная много веков,
От вражеских сил защищала!
Питавшая силой и мощью сынов,
На битву с врагом провожала!

Взрастившая воинов твёрже, чем сталь,
И с сердцем горячим, как пламень!
И пусть называют их грубо «москаль»,
Держа за спину свой камень, –

Всё вынесет русский! «Москва» – позывной!
Как злобный нацист ни глумится,
За веру, за правду солдат примет бой!
С ним Бог! И Победа свершится!

МЫ ЕДИНЫ!

Новоуральск живёт сегодня
Дыханьем, болью всей страны!
И радостью поочередно,
Победным возгласом войны!

Далёк ещё тот день победный,
Но приближают вновь и вновь
В бою поднятый флаг трёхцветный,
Святая к Родине любовь!

Она во всём: сетей плетенье,
Что сохраняют жизнь солдат,
И о любви стихотворенье,
Что в бой святой ведёт ребят!

В отправке той обычной сотни,
Нас всех, от мала-велика,
В простой, обычный день субботний,
А сумма сборов – велика!

В героях, как Бунеску Павел:
Душой за Родину горя,
Он город подвигом прославил –
Без фронта не живёт ни дня!

Он там, хотя и вместе с нами!
Он там, где ждут его друзья,
Где небо рвёт и гложет пламя,
Где только бой тебе судья!

И он везёт, что нужно фронту,
С Урала, родины привет.
Вновь под иронию бомонда,
Кому главнее «высший свет»!

НАДО ВЫЖИТЬ В БОЮ!

*Зятю Александру и всем новоуральцам,
мобилизованным на СВО в сентябре 2022
года*

Не забыт нами подвиг героя-солдата!
Вновь грозят нам фашизм, злые полчища
НАТО!
Как и в те времена, клич Россия бросает,
Защитить от врага сыновей посылает!

НАДО ВЫЖИТЬ В БОЮ и собрать силы духа!
Под напором врага – боль, и кровь, и разруха!
НАДО ВЫЖИТЬ В БОЮ! – сердца стук
непрестанно,
Будет ближе дорога домой долгожданна!

НАДО ВЫЖИТЬ В БОЮ! Как сложна та наука –
Пот, учения, стрельбы, с родными разлука.
НАДО ВЫЖИТЬ! Ты – сильный и справишься
сможешь!
Русским духом своим ты врага превозможешь!

Ты велением сердца врага побеждаешь,
Личной стойкостью веру в Победу вселяешь!
Ты хозяин судьбы! Сознавай это свято!
Ты – защитник страны, память деда-солдата!

И призывный тот крик – он звучит непрерывно!
А душа вторит вмиг громогласно, надрывно:
«Мы с тобою, солдат, вставший в рост
за Отчизну,
Всё готовый отдать ради мира и жизни!»

НАДО ВЫЖИТЬ В БОЮ! И ты выживешь,
верим!
Будем ждать и откроем мы радостно двери!
«Возвращайся, солдат!» – зов сердец
как молитва:
«Пусть Победой закончится ратная битва!»

ТЫ ПИШИ МНЕ...

Ты пиши мне почаще на эту войну,
Разговоры и есть разговоры.
Разговор не откроет мне душу твою –
Тяжело без мужской ей опоры.
Я поранил её – добровольцем ушёл,
Нас здесь много таких, самовольных.
И сейчас я в окопе своём – новосёл,
Обживаюсь в хоромах походных.
Телефон здесь бывает похуже врага,
Как предатель, молчит и подводит.
И у смерти, бывает, он верный слуга,
На себя он удары наводит.
Так хочу получить от тебя письмецо,
Как на фронте мой дед, из рассказов,
Не снимать обручальное наше кольцо –
Оберег и заслон от фугасов.
Если слёзы из глаз, они тоже в письме,
Размывая сердечные строчки.
Знаю точно, все мысли твои обо мне,
С первой буквы письма и до точки.
Ты пиши мне о лете, зиме и весне,
Смену их здесь я не замечаю,
Напиши о цветах на родной стороне,
Разливанном их море без края!
В письмецо положи запах вешних полей,
Терпкий вкус сока белой берёзы,
Аромат той ночи, где нам пел соловей,
Где из глаз твоих – радости слёзы.
Здесь, на фронте, письмо как с небес благодать,
Как вода в опалённой пустыне,
Перед боем его можно к сердцу прижать,
Устоять и не сдаться вражине!
Ты пиши мне почаще письмо на войну
И вложи всю любовь в треугольник!
Я тебя защищаю и нашу страну,
Твоей грусти и счастья виновник.

В ОТПУСК

Ты возвратился! Город ждал!
И в полуночной тихой дрёме
Молитвы здравия читал
И просыпался в тяжком стоне.

И сны забыть хотел о том,
Что Бог оставил и покинул,
Что не вернёшься в милый дом,
Что без вести куда-то сгинул.

Вставал – и снова за дела
Для фронта, для твоей Победы!
В сердцах надеждою жила
Страна, что малые, что деды.

Малыш рисунки рисовал,
Писал письмо, ровняя строчки,
Плести дед сети попевал
Вдвоём с женою днём и ночью.

Не спится старым оттого,
Что путь прошли они военный!
Им нет страшнее ничего –
Забыли то, что незабвенно!

Ты в отпуск только! В сердце боль:
Враги сильны – работы много!
«Храни вас Бог!» – слова-пароль
Стучат у входа, на пороге.

И снова будем ждать тебя,
Свечу надежды в сердце грея.
Волнуясь и молясь, любя,
Мечту победную лелея!

С РОССИЕЙ НАВСЕГДА

В трудный час я с Россией в любом испытании,
Моё сердце стучит в такт с её, вдохновлённо.
Вместе в радости светлой и в негодовании,
В справедливой борьбе я с душой обнажённой.

И не буду рядиться в другие одежды!
Я люблю свою Родину, Русь – бесконечно!
Сохраню в своём сердце святую надежду:
Жить ей в благодном мире, счастливо и вечно!

В эти дни испытаний молчать не умею!
Я в атаку с бойцами, моля о победе!
Им прочту я стихи: «Поднимайтесь смелее,
Ради жизни своей, всех людей на планете!»

Я встречаю победы их, словно рассветы!
Моё сердце трепещет от радости Божьей.
Пусть не полнятся больше войны лазареты,
А защитники Родины будут всё твёрже!

Мы вас ждём, дорогие сыны-патриоты!
И народ с вами вместе своими сердцами!
Пусть травой зарастают траншеи и дзоты
И поля покрываются щедро хлебами!

Александр ГУДКОВ,
город-герой Смоленск

* * *

Ты наш Герой!
Ты защищаешь русский дом!
Ты за Донбасс и Курск горой,
Ты сохраняешь детский сон!

Сражайся, бейся, побеждай!
Мы, русские, с тобой!
Не сдавайся, не отрекайся, не отступай!
Мы, родные, за спиной!

К тебе придёт победа!
Ты принесёшь её домой!
Тебе идёт награда,
Ты с ней придёшь живой!

Твоя победа будет русских веселить,
Они тебя, Героя, будут чтить!
Россия будет жить!
Главное – победить!

ПОБЕДА В СВО **Акростих**

Победа – не просто слово! Это подвиг!
Она так радует и дарит мир!
Беду победа прогоняет,
Её сила россиян объединяет!
Дай Бог победу русскому народу,
А мы помолимся за свободу!

Военных всех поблагодарим!

Спасибо всем врачам и волонтерам!
Война – тяжёлая работа,
Однополчан о Родине забота!

СПАСИБО ВСЕМ, КТО...

Спасибо всем, кто душу бережёт,
Кто помнит Чехова слова!
Спасибо всем, кто с добротой живёт,
Кто помнит: честь жива!

Спасибо всем, кто Русь родную любит,
Кто за неё на подвиги готов!
Спасибо всем, кто предков помнит,
Кто не забыл сороковых годов!

Спасибо всем, кто нравственно растёт,
Кто людям радость и улыбки дарит!
Спасибо всем, кто этот стих прочтёт,
Кто нужные уроки в детстве вспомнит!

* * *

Россия – Родина моя!
Она прекрасна для меня
Своей чудесной красотой,
Своей историей богатой!
И не уеду никуда,
Я с ней останусь навсегда!

Митрич

Елена КЕЙН,
г. Белгород

Пишет современную прозу, работает корреспондентом интернет-издания Fopar. Увлекается посткроссингом и садоводством.

В небольшом городе нет того комфорта, который есть в мегаполисе. Здесь не найти японских пирожных моти или бабл-ти. На весь город один электрокар от известного производителя и с десятков от неизвестных. И зарядная станция одна. Ни одного центра современно-

го искусства, картинг-клуба или электробуса. Даже трамвая нет, что странно, если подумать, ведь нет более провинциального транспорта, чем эти усатые ржавобокие старички.

На окраинах городка встречаются высокие новостройки, но почти нет кафе. Если вы откроете мобильный сервис по доставке еды, то увидите всего четыре или пять предложений. Зато в эти районы ещё заходят лисы и косули, а на пустых автостоянках дети безбоязненно играют в бадминтон. В приложении по заказу такси три пункта – «Детский», «Эконом» и «Комфорт», и едва ли у последнего вскоре появится плюс. Жители коттеджных посёлков знают, что лучше звонить в таксопарк, набрав код города и шесть цифр: так машина приедет быстрее и за меньшие деньги. Можно сказать, что здесь свои плюсы.

Грузового такси тоже нет, вместо этого столбы пестрят объявлениями о найме «газелей», суля невысокие цены. Не только столбы, ещё есть информационные доски у подъездов, бумажные визитки в почтовых ящиках и объявления в газетах. Для самых продвинутых существует известный сайт объявлений и два неизвестных, местечковых. На всех этих трёх интернет-платформах размещено непримечательное объявление с заголовком «Малогоабаритные грузоперевозки / грузовое такси». По тексту далее понятны габариты автомобиля, в народе прозванного «каблучок» за характерную форму, и что водитель бесплатно поможет с загрузкой и выгрузкой. В способах связи есть возможность позвонить и написать на сайте. Владелец машины из объявления очень этим гордится.

Пользоваться смартфоном его научил племянник. Мужчина помнит его ещё свёртком в роддоме. Впрочем, от щекастого малыша теперь остался только ярко-красный цвет этих самых щёк. Антон вырос пухлым, одышливым, суетливым и в свои почти тридцать лет уже сам был отцом. Совсем он не похож на своего бездетного худощавого дядю, курящего дешёвые папиросы и улыбающегося в пшенично-седые усы. В их небольшой семье все называли его Митричем, даже племянник, так уж повелось.

Они просидели целый час над новым дядиным гаджетом. Антон за это время трижды объяснил последовательность действий, дважды вспотел и однажды даже повысил голос. Этого хватило, чтобы всё стало понятно.

Митрич часто приезжает на бесплатную стоянку возле торгового центра, паркует там свой фиат-«каблук» и сидит в машине, изучая приложения на телефоне в ожидании заказов. Игра «Три в ряд» ему быстро надоела, и он переключился на sudoku. Кроме седого мужчины в серой куртке и прозрачного набалдашника с розой на ручке коробки передач, в салоне всегда были пара пачек папирос, аккуратно сложенный носовой платок в кармане, три иконки и расчёска в бардачке. Мужчина долго носил её в переднем кармане рубашки, однако если нагнуться, то она могла выскользнуть, так что теперь он начал оставлять её в машине. Расчёской он не торопясь и с чувством расчёсывает пушистые, но редковатые волосы, а если никого нет рядом, то быстро проходит по кудрявым седым бакам и усам.

«Каблук» скрывал волшебство. Не какое-то там надувательство или фокус, а настоящее бытовое волшебство. Он куда вместительнее, чем казался на первый взгляд: Митрич сам переделал внутреннее устройство, убрав часть обшивки и пола. Чтобы избавиться от маркого ворса и пластика, он ободрал всё до голого металла, загрунтовал, а сверху положил линолеум. Дёшево, крепко и легко моется. Эта магия вместительности работала, только если мужчина сам участвовал в загрузке. Без него это был обычный

старый «каблук». Да и это волшебство зачастую людям не требовалось: закинут свои коробки в машину и скажут, куда ехать.

Почему наша память устроена именно так? Вроде бы логичнее запоминать работу доходную и несложную. Вот был у него заказчик, вечно его вызывал, чтобы своё компьютерное кресло в ремонт возить. Сам бледный, с тонкими ручками, так что приходилось помогать ему эту рухлядь тащить. Видно, хозяин проводил в нём много времени, вот и требовали обслуживания всякие механизмы внутри. Работы чуть: кресло спусти, довези, деньги получи. Через несколько дней назад привези, подними, деньги получи. Но вместо этого запоминались заказы проблемные или обидные.

Другие кресла, например, не для молодых обалдуев, а обычные мешки, которые бросают в детских комнатах. Мужчина не ждал от них никакого подвоха, но каждый такой мешок – готовая бомба, начинённая шрапнелью из мусора самого поганого толка. Одно такое разорвалось в его автомобиле в дождливое майское утро, и только к середине лета ему удалось избавиться от последних премерзких белых шариков, попавших в каждую щёлочку и шероховатость кузова.

Выявление потенциальных «бомб» в вещах и складывание их наверх была вроде как работа заказчика: он-то чего, лишь безмолвный помощник. Но, как оказалось, люди абсолютно не умеют загружать свои же вещи. Лопнувшие вазы и разбитые люстры, сложенные в самый низ нерадивыми владельцами, – дело самое обычное, так что мужчине приходилось вмешиваться. Он спасал стекло и керамику, лампы и сервизы, научившись по весу и звуку различать, что таят глухие картонные коробки и непрозрачные пластиковые боксы.

Впрочем, случалось, что беду было не предотвратить и не предугадать. Возил он уже раз-другой сумрачную обширную тётку с её кошками в ветлечебницу. Кошек было изрядно, три раза вверх-вниз по лестнице сходить. И это вдвоём, у каждого по две переноски. Ну он, конечно, не дурак, под переноски подстилал. На третий раз, после прививок очередных или чего там

котикам в клиниках делают, был учинён дерзкий побег. Кто выбрался первым, установить не удалось, да и незачем, но пока доехали – половина переносок оказалась открыта, а намученные в клинике и укачанные в машине звери загадили и ободрали всё, что смогли. Тётка ругала свою стаю и совала ему мелкие купюры, тоже ощути-мо пахнувшие котами. Мужчина, чтобы отчистить машину, извёл две полные пачки соды, бутылку уксуса и весь изругался.

Однажды вызвал его паренёк, и тогда мужчина лишний раз порадовался, что место для пассажира в его «каблучке» остаётся только одно. Когда прибыл на точку, оказалось, что парней там с полдюжины, молодых, подвыпивших. Они запихнули в кузов две бухты кабеля, явно самостоятельно смотанного. Сверху ещё набросали каких-то железок, один прыгнул в кабину и назвал далёкий адрес на окраине, в районе железной дороги.

«Пункт приёма металлолома», – догадался мужчина.

Пожевав незажжённую папиросу, он без лишних сомнений отвёз пассажира вместе с его грузом к ближайшему опорному пункту полиции, где несли службу пара знакомых сотрудников.

Впрочем, паренёк оказался проворен: когда увидел, куда они приехали, выпрыгнул на малом ходу (жилая зона всё-таки), повредив локтем боковое стекло, и начал убежать по прямой. Хорошо, что ребята в погонах вышли глотнуть дымку, что было обычным их времяпрепровождением, и сразу засекли улепётывающего. Так что не убежал.

Весь груз забрали, а мужчине спустя три недели даже грамоту какую-то там выписали. По почте пришла. Чудные дела творятся иногда. Вот на что ему эта бумажка? Лучше бы вместо листочка А4 такого же размера сталинита ему выдали, боковушку починить. Ну ничего, ладно, на награду надеяться как-то мелко, тут при своих бы остаться.

Однажды мужчину вызвали за город. Недалеко, буквально чуть-чуть от границы. В таких случаях он, понятное дело, сверху не брал.

Сложности не было никакой в этом заказе. Молодой парень захотел вывезти несколько громоздких вещей, которые не помещались в его автомобиль, стоявший тут же: бестолковый, заниженный, отечественный. В помощь своего друга позвал, они вместе холодильник погрузили, плиту да пару тумб. Дом явно был продан, вещи вывезены, участок запущен. Перед домом сидел лохматый овчар в будке. Худой и молчаливый, с тоскливыми глазами.

– Собаку куда, парни? Тоже грузить?

– Пф-ф-ф, – заказчик, явно выделяваясь перед своим товарищем, говорил протяжно и безразлично. – Куда его отсюда? Он всю жизнь в будке, оставлю новым владельцам, авось не выкинут.

Митрич затаился, не глядя на парней.

– Скоро заедут новые-то?

– Через пару недель обещались, – через плечо кинул заказчик, направляясь к своей машине. – Покажу, куда ехать, не отставай только, дядь, время – деньги.

Мужчина затаился ещё раз. Спрашивать, будет ли парень приезжать кормить собаку, смысла не было, а попросту воздух сотрясать он не любил.

Доехав до пункта назначения и запарковавшись задними дверями прямо напротив подъезда, водитель наблюдал, как парни таскают своё добро. Споры, с прихотываниями, наперегонки. Они явно праздновали, почти торжествовали, собирались пить, когда закончат. Мужчина размышлял неторопливо и основательно.

Дом, откуда парни забрали вещи, старый. Явно ещё недавно за ним следили – видно по подстриженным деревьям.

Ещё затяжка. Парни неловко тянули на себя холодильник, сломали колёсико, когда выгружали, потащили так. Собака похудела тоже не так давно, миски пустые, даже воды нет, хотя под неё ещё ведро отдельно стоит.

Ещё затяжка. Долго не возвращаются, наоборот, не знают, как холодильник в квартиру затащить.

Дрова лежат под лестницей. Забыли про них все или не знали. Хотя тропинка там протоптана и дверка есть, но малоприметная.

Мужчина вздохнул.

Парни вернулись, вытащили последние тумбочки. Заказчик протянул ему с явной неохотой сложенную узко бумажку.

– Спасибо, папаша.

Митрич взял бумажку, развернул её и решил.

– Там дров осталось немного, да и будка изрядная. Давай я себе их заберу, а это обратно держи.

Водитель вернул купюру и посмотрел в глаза парню, спокойно, без вызова.

– Ключ дай только, а я в почтовом ящике оставлю.

Парень захлопал короткими белёсыми ресницами.

Мужчина продолжал тянуть бумажку, как рыбак, подводя к носу сома дохлую лягушку.

Если насчёт собаки напрямую просить, опять воздух придётся сотрясать. Башка у парня твёрдая, но на хитрость изрядная, видно, не одно объявление прозвонил, прежде чем его нашёл, никто не берёт меньше за перевозки. Парень ухмыльнулся и забрал бумажку обратно.

– Ты там только забор не разбирай и крыльцо, проверю приеду.

Митрич спокойно стерпел тыканье и пренебрежительный тон. Твердоголовый сомик попался, поверил, что дрова нужны, да и последнее продать из уже чужого дома – лакомый кусок.

Мужчина выдержал насмешливый, вроде как понимающий взгляд, кивнул безмолвно и уехал. По дороге к старому дому заглянул на рынок.

Зайдя во двор, он с пониманием выслушал пару минут лая пса: как раз было время его рассмотреть. Чёрно-оранжевый, мохнатый, шея похудела так, что может вывернуться из ошейника. Животное встревоженное, измученное, голодное.

Митрич достал рубец и трахею, купленные на рынке, кинул собаке. Пёс перестал лаять и посмотрел на него молча, но мясо не взял. Слюна только закапала, несмотря на явное обезвоживание. Нужно было проявить терпение, и это он умел – с возрастом почти ко всем приходит. Присел на лавку, отвернулся, закурил. Спустя

полминуты послышался треск горловых хрящиков.

Половина мяса лежала в машине, а в кармане большая бутылка воды. Он обернулся убедиться, что пёс съел всё подчистую. Встал и не торопясь пошёл мимо будки к ведру, вплотную к собачьей морде. Зверь молча подал задом. Владелец «каблука» налил воды, всю бутылку, не сминая и не закручивая её, чтобы избежать громких звуков, а потом подошёл посмотреть, как крепится цепь. Овчар молча ждал.

Нужна отвёртка на минус, и всего-то. Митричу пришло в голову, что это так обидно – просидеть всю жизнь на цепи, когда от свободы отделяет всего лишь один ржавый винт, и тут он почувствовал, что пёс нюхает его коленку. Он просто спокойно стоял и ждал приличествующее время, а когда обнюхивание прекратилось, пошёл за инструментами.

Отвинтив крепёж, водитель положил его в карман, взялся за конец цепи и, не оборачиваясь на собаку, пошёл к «каблучку». Через два шага почувствовал сопротивление, вздохнул и обернулся. Пёс стоял чуть наклонив вперёд голову, упёршись лапами в землю. Смотрел исподлобья и дышал учащённо – волнуется. Попробовав потянуть цепь, мужчина получил предупредительное рычание. Настало время покурить и подумать.

Начало темнеть. При тщательном изучении выяснилось, что будка крепко сбита, держится на четырёх винтах, по одному на каждый угол. Вся нижняя доска была в грязи. И не только в грязи.

Работа оказалась непростая. Длинные гвозди загнуты изнутри, пришлось изрядно повозиться. Иногда пёс подходил и нюхал мужчину, тот замирал в такие моменты, чтобы не задеть локтем нежный собачий нос.

Пошёл снег. Тот, который не мешает работать и вообще никак не меняет поведение мужчин: они не спешат под крышу, не натягивают шапки, а сплёвывают и работают дальше, начиная от усердия немного больше парить головами. Хлопья снега одинаково садились на чуть плешивую макушку Митрича и на чёрно-ры-

жую собачью шкуру. Хоть зверь был больше не прикован к будке, он не отходил от неё, а лишь дёргал ухом на непривычные позвякивания цепи по земле.

Мужчине удалось оторвать доски по периметру будки, теперь в дело пойдёт ножовка, чтобы подпилить стойки. Взвизгивающие звуки, как шаманское пенье, будто бы призвали скорые сумерки, плавно спускавшиеся тёмной тканью.

В этих сумерках усилиями мужчины сдвинулась с места будка, в которой пёс просидел, может быть, всю свою жизнь. Зверь нервничал, издавал свистящие звуки, бегал вокруг. Пробежит два шага и сядет, потом ещё два и опять сядет. А мужчина всё тащил тяжёлую будку, шагая её углами в сторону своего «каблучка».

«Хорошо, что размялся, пока доски отдирали да пилили, а то так и спину можно потянуть», – думал он, когда ставил будку одним краем в кузов. Со стороны казалось, что не войдёт, будто бы козырёк будки выше на пару сантиметров. И правда упёрся вначале, скрипнул, застрял. Митрич напрягся, ответив на этот скрип своим кряхтением, и пёсий дом поддался: то ли линолеум просел, то ли обшивка перестала цепляться. Встала будка как раз по длине в кузов, сантиметров десять до края осталось.

– Ну, дружище, теперь твой выход, – водитель не торопясь подкурил, разгибая спину, – вернее, вход.

Пёс сидел на хвосте и немного свистел, перебирая лапами. Он сорвался и сбегал на место, где стояла будка, потом вернулся, гавкнул, сел обратно на зад.

– Ах, ну да, забыл же.

Мужчина обогнул свою машину, открыл дверцу пассажирского сиденья, взял с резинового коврика под ногами пакет, с которого немного подкапывало, чертыхнулся. Вернувшись назад, он обнаружил овчара сидящим в своей будке: пёс настороженно блестел оттуда глазами.

– Молодец какой. Держи давай, награда тебе, значит, а не приманка.

Захлопывая двери, мужчина услышал треск из будки. Управились.

К своему небольшому дому с гаражом мужчина приехал уже совсем в темноте. Хорошо, что уличный фонарь светил почти напротив, чуть наискось.

Не торопясь открывать кузов, он сходил и предпринял все нужные меры: запер кошек в доме, захватил инструменты, накиннул старый, немного драный ватник.

Перемещать тяжёлую будку на её временное место решил с помощью брёвен, на которые можно поставить тяжесть и катить, меняя деревянные местами по мере продвижения. Псу, забившемуся было поглубже, пришлось неловко выпрыгнуть на землю – мужчина тянул из машины собачий дом аккуратно и постепенно, стараясь физически не контактировать с собакой.

Установил будку пока в углу двора. Нужно будет заняться ремонтом и утеплением собачьего жилища. И цепь ещё заменить, этой только ведро в колодец спускать, тяжёлая и ржавая.

– Ненадолго сгодится, братец, а потом по-лучше всё тебе обстряпаю. – Собака, оказавшаяся в новом месте, везде следовала за своим деревянным домиком, напоминая рака-отшельника, потому приколотить цепь не составило труда.

Митрич вернулся в дом, поставил чайник, достал из холодильника кошачью кашу.

– Не надо на меня так смотреть, просто не ходите к нему, мышкуйте где-то ещё. – В ожидании свистка он курил, стряхивая пепел в банку из-под кофе. – Да и привыкли вы к громким звукам.

Коты блестели глазами, один чуть водил хвостом в сомнениях.

Работа в грузоперевозках нравилась Митричу разнообразием. Каждый заказ был небольшим вызовом, даже приключением. Как всегда, в жизни приключения случаются разные: смешные, утомительные, трагические. Пару раз ему предлагали возить на постоянной основе стройматериалы или пересечь за руль рефрижератора, но он отказывал. Неинтересно было запускать в свою жизнь рутинную регулярность, хватит с него скуки, пусть и денег было бы больше. Да и куда эти деньги, солить, что ли? Ему много не нужно: «каблучок» его не ло-

мался, слава богу, кошки покладисто ели сухой корм, кашу и добытые на рынке куриные головы. Вот овчар на балансе теперь, но он тоже необременительный – говяжьё обрезь принимал с благодарностью познавшего голод существа. Что зарабатывал, того не тратил, половину в жестянку из-под кофе складывал.

Со временем начал Митрич под сиденьями возить всё, что может пригодиться для перевозок. Как-то вёз мешки с поросятами, конечно же, развязался один, и подлые звери всё изгваздали, потом ещё ловить пришлось. Подсвинки юрки и на вес продавались, счёту особенно не знали, так что, может, один-другой и сбежал. С того момента верёвку припас.

Потом подряд за одну неделю пришлось иметь дело с двумя плачущими женщинами. Тоже не слишком завидная участь, но что поделать. Небольшие автомобили регулярно требовались для экстренной перевозки пожитков, и часто это было связано с крахом отношений. Мужчины в таких случаях перевозили своё имущество сами, а вот женщинам приходилось звонить ему. Тогда под сиденьями обосновались чистый тонкий плед и упаковка бумажных носовых платков. Большая такая, как в кабинетах психологов.

Обычный и не самый интересный вид работы – перевозка бесконечных коробок с бумагами, особенно под конец кварталов, когда многочисленные документы становились ненужными и их везли на склад или в архив.

Иногда его услугами пользовался знакомый букинист. Степенный мужчина в усах и со сметливым взглядом покупал книги целыми коллекциями, шкафами. Обычно после смерти стариков, которые упрямо хранили желтеющие тома. Денег с букиниста Митрич не брал, а тот позволял разбирать с ним новоприобретённые сокровища и забирать столько, сколько нужно. Мужчина любил полистать перед сном книгу, оставаясь стойким в этом вопросе, не переходя на электронный формат.

Гробы возил тоже. Обычный гроб в «каблук» входил с запасом, немного до дверцы оставалось. Если же по особому заказу изготовлен,

длинней обычного, то можно было наискось поставить, чтобы непочтительно не задевать покойника в ящике дверями кузова. Спереди на сиденье обычно садился сопровождающий, а автобус с приглашёнными двигался следом. Да и сопровождающий-то не особенно был нужен, мужчина знал хорошо дорогу к кладбищу. Катафалк, подумать страшно, стоил впятеро дороже. А покойнику – ему уже всё равно, главное, чтобы зарыли.

На парковке возле ТЦ он стоял тоже не просто так. Тут строительный магазин большой, так там доставка есть и своя, понятное дело, но дорогая и неспешная. А если быстро что-то нужно отвезти, то вот он здесь, пожалуйста. Консультанты все его телефончик знают, а он с каждого такого заказа им четверть отдавал. Дело-то плёвое: «каблук» подогнал, мешков закинул и поехал, значит, отвёз. Работы на полчаса-час, так что всем выгодно. Хотя не сказать, что непыльно. Часто его подрывали цемент возить или смесь какую, для таких случаев он полиэтилен большой держал. Если постелить на пол в «каблук», то ещё запахнуть сверху с лихвой остаётся. Мороки потом меньше с уборкой.

А недавно с управляющей магазина матрасов сговорился. Матрасы – это такие стервецы: тяжёлые, длинные, объёмные. В обычные легковушки не влезают, а к нему как-нибудь ничего, умять можно. Да и счастливые покупатели этих матрасов ждать доставки часто не хотят, им бы скорей его домой отвезти да развернуть. Такие заказы он любил. Чисто, легко, да и люди угрюмые редко встречаются, обычно молодые пары. Тоже четверть денег магазину.

Были и не слишком симпатичные заказчики. Одна организация, например, раз шесть уже переезжала. Всё тот же скарб из нескольких компьютеров, сейфа и коробок с бумагами. И сразу ведь видно, что жулики, неужели окружающим непонятно? И ему они всё хитро заплатить пытались, какой-то безнал предлагали, типа попозже, но больше, а он всё наличкой брал, не связывался.

После того как в доме Митрича появился овчар, прилачился он ходить гулять с ним поутру на пустырь. Недалеко от его дома таковой имелся, хоть и небольшой, но с удобными тропинками и чёрными высокими остовами репейников. Просыпаясь, не чувствовал он последнее время желание завтракать, будто тело успокаивалось за ночь, замирало, деревенело. Зато после бодрой прогулки с собакой, с морозца особенно, сразу хотелось кофе и сладенького.

Мужчина грел на своей плитке на две конфорки себе чайник, а животным – кашу с обрешью. Запах стоял сомнительный, но в его доме это никого не смущало. Кошки заинтересованно мешались под ногами, но им на завтрак только корм положен. Ну и вкусоности.

Какая бы ни была надёжная у него рабочая лошадь, но раз в год на сервис её вести было надо. Вот и в этот раз мужчина запустил руку в банку с деньгами и прихватил с собой томик «Наследника из Калькутты», зная, что в автосервисе полдня или день потеряешь. Такая книга в самый раз: протяжная, интересная, отвлекающая от окружающего. Ещё сунул в карман полпакета сухек, а кофе можно и в автомате взять. Бурда, конечно, но ему нравилась.

– Сергей, приветствую, – протянул руку Митрич, добравшись до автосервиса.

– Здравствуйте, – ответил молодой светловолосый сотрудник мастерской, в которой, как обычно, пахло машинным маслом и немного ароматизаторами для салона.

– Мне б диагностику да колодки проверить. Скрипят немного.

– Сделаем.

На присевшего на лавочку и осторожно державшего в руках стаканчик с кофе Митрича внезапно налетел гневно сверкающий глазами незнакомец.

– Ты, тюлень, на повороте меня подрезал, когда в сервис заезжали. Доволен, что в очередь первым влез?

Водитель спокойно посмотрел на недовольного приземистого мужичонку, ярящегося до капель пота на лысине.

– Нечего сказать? Ты ж, поди, на пенсии уже, а всё торопишься куда-то. Пропускал бы занятых людей, не убыло б от тебя.

– Не видел тебя, с главной сворачивал, так что подрезать не мог.

– «Каблук» твой синий?

– Мой.

– Ну дак и не отбрёхивайся тогда, я там тоже был.

Митрич решил разговор не продолжать и уткнулся в книжку. Сосед его ещё пару раз профыркал своё злобное «каблук» и унялся.

На следующее утро позвонил букинист и попросил прибыть в послеобеденный час. Митрич как раз утром дочитал «Наследника» и собрал для торговца книгами уже прочитанные тома. Куда их? Зачем хранить? А тому достаток.

Прибыв на место, знакомые чинно пожали руки и поднялись в квартиру. Водитель захватил бечеву, которой удобно перевязывать пачки книг.

Среди распахнутых окон летали сквозняки, зеркала завешены, мебели почти нет, ковров тоже, осталась только заставленная книжная этажерка и пара чемоданов, тоже с книгами. Захватив несколько табуреток, особенно не разговаривая, приятели принялись разбирать тома, покрытые пылью и пожелтевшие, не хранящие, на первый взгляд, никаких воспоминаний о прикосновениях читателей. Один чемодан определили под мусор, туда отправлялись календари, толстые журналы «Бурда» и прочий бумажный хлам. Второй чемодан с исправным замком удалось целиком наполнить энциклопедиями – товаром хоть и устаревшим в сведениях, но благодаря иллюстрациям годившимся для туристов или детей.

Митрич раскрыл томик Жюль Верна и посмотрел на печать, где было сказано, что книга вручена за сбор макулатуры. Букинист покивал – такие печати добавляли ценности. Перед тем как забрать книги, нужно просмотреть первые страницы в поисках автографов. На книжной этажерке среди книг обнаружился альбом с фотографиями, и хоть напарник и кивнул на мусорный чемодан, водитель принялся его листать.

Овалы фотографий с незнакомцами, чёрно-жёлтые групповые снимки... Всё такое же, как осталось от его родителей когда-то, глянцевики окошечки в прошлое. Между страниц лежала медаль почётного донора.

– А это неплохо, коробочку бы ещё найти, – букинист потёр рукавом медаль и положил в хороший чемодан.

Митрич нахмурился. Знак почётного донора в виде капли крови ему не понравился, навел неприятные мысли. Он выбрал себе пару книг, в том числе нечитанные «Итальянские хроники» Стендаля, и принялся таскать стопки вниз. Даже книги не хранят память о владельцах. Да и фотографии тоже. Всё уходит прочь, летит золой вместе с ветром.

«Пенальти» – уникальное в своём роде место. Люди из соседних домов называют его «синей ямой» и «притоном», но это не так. Вернее, не совсем так. Кафе организовано с десятков лет назад группой футбольных фанатов для того, чтобы все могли собираться и смотреть футбольные матчи. Вообще все: соседи, знакомые, случайные прохожие. Собираться и не тратить при этом деньги. Весь алкоголь и еду разрешено приносить с собой. Кроме пива. На пиве и держалась местная экономика, ведь все знали, что хоть одну кружечку заказать нужно всенепременно, эдакая плата за вход и уют. А в остальном ешь своё, пей своё, развлекайся кикером и бильярдом, кричи, пляши в своё удовольствие, ну и, конечно, самое главное – смотри футбол.

Осенним вечером занесло в этот бар троих друзей, ветеранов Афганистана. Встретились они с мирными целями: посидеть, выпить и поделиться новостями. Уже так не единожды встречались, и всегда завышенные цены на алкоголь в кабаках сдерживали друзей. Вот они и меняли заведения, стараясь найти какое-нибудь с акциями или счастливыми часами. Тяжела жизнь на гражданке, особенно когда у всех дети, требовательные жёны, родственники, кредиты. Занимался выбором нового места Андрюха. Младший из трёх по званию, он был немного на побегушках, хотя и ненавязчиво. Не водилось среди старослужащих дедовщины, просто так

сложилось. Последнее время ветераны практиковали приносить своё и платить пробковый сбор. Выгоднее, как ни крути. Бара «Пенальти» в интернете не было, и Андрюха нашёл его благодаря подсказке знакомого, который тоже был выпить не дурак и передал ему своё знание шёпотом, как шпионскую явку.

Так друзья и оказались здесь, захватив три бутылки крепкого, зная свою норму и ничего грандиозного не планируя. Взяв по кружке пива, они удивились его кислой мутности и дешевизне.

– Прямо как раньше, когда во дворах выпивали. Помните?

– Конечно, такая же кислятина.

– А мне нравилось. Нам тогда в новинку всё было.

– Принеси ещё, что ли, Толян, всё равно по цене тархуна.

– Сейчас.

Мужчина с безмерной шириной плеч и внушительным животом поднялся и подошёл к барной стойке.

– Плесни нам ещё три кружечки.

– Хорошо. Настоек попробовать не желаете?

После этого вопроса бармена вечер начало лихорадить, бить в холодном поту и снова лихорадить. Настоек оказалось штук тридцать с разными вкусами. Они были обманчиво лёгкие, хотя в каждой таились нешуточные пятнадцать градусов. Мужчины придумали пить своё крепкое, а запивать сладенькими настойками, потягивая в перерывах между рюмашками кислое мутное пиво. Скоро в речи начались оговорки, смех стал громче, и охранник паба встревожился. Он, будучи человеком опытным, сразу углядел синие армейские буквы, вытатуированные на кистях рук, и уже прикидывал, кого бы залучить себе на помощь, если возникнут проблемы.

Примерно через три часа после предложения бармена попробовать настойки, совсем вечером, когда седоусый мужчина завёл свой «каблук», собираясь домой, на его телефон поступил звонок. Он нахмурился, увидев, кто звонит, взял трубку.

– Слушаю.

Вечер выдался недобрый для паба «Пенальти». Охранник полтора часа назад, вызвав себе подкрепление в виде знакомого-сослуживца, попробовал уgomонить разошедшихся друзей. Выяснилось, что два трезвых и опытных срочника российской армии сильно уступают в подготовке ветеранам войны, которая закончилась тридцать лет назад. Оба получили по шее и отступили. Вокруг друзей образовалось пустое пространство. Четверо подпивших футбольных фанатов попробовали было вмешаться, за что и поплатились, особенно один, чей нос сломался от удара лицом по столу. На испачканную поверхность друзья накидали салфеток и продолжили выпивать. Волновался только Андрюха, двух других понесло, и они не обращали никакого внимания на полосу отчуждѐнности между ними и остальными посетителями. Бармен, чувствуя свою вину, улучил момент и шепнул Андрюхе, что полицию не вызвали ещё только оттого, что это плохо сказывается на заведении, и чтобы он уводил своих друзей. Тот ради приличия рявкнул, но задумался крепко и принял спустя несколько минут на удивление трезвое решение.

- А он, ты понимаешь?
- Понимаю. Ну а ты?
- А я ему в морду.
- Молодец!
- А то.

Содержательный диалог бы прерван появлением Митрича.

Толян и Колян подняли покрасневшие от выпивки глаза. Короткие стрижки не могли скрыть складок на затылке, а пивные кружки таялись в ладонях. Лишний вес, помноженный на спортивную и военную крепость, превратил их с годами в огромных, одышливых и быкообразных мужиков, тех самых обладателей одежды с бесконечными X перед L в размерах. Никто в баре после охранника и четвёрки смельчаков больше не рисковал попадаться им на глаза. А сейчас перед их столом, выделенным безлюдьем зала, стоял subtilный немолодой мужчина в

серых брюках и усах. Весил он примерно вдвое меньше каждого из друзей.

– Встать! Смирно.

Отрывистый командирский голос не изменился с годами. В остекленевших глазах двух друзей что-то промелькнуло, и они встали навтытяжку. Позади Митрича Андрюха, позвонивший и встретивший его, вытянулся тоже.

Посетители бара снимали на телефоны; охранник подумал было отобрать, но потом достал свой тоже – очень уж было приметным зрелище. Чудеса иногда случаются и в таких местах, как «Пенальти».

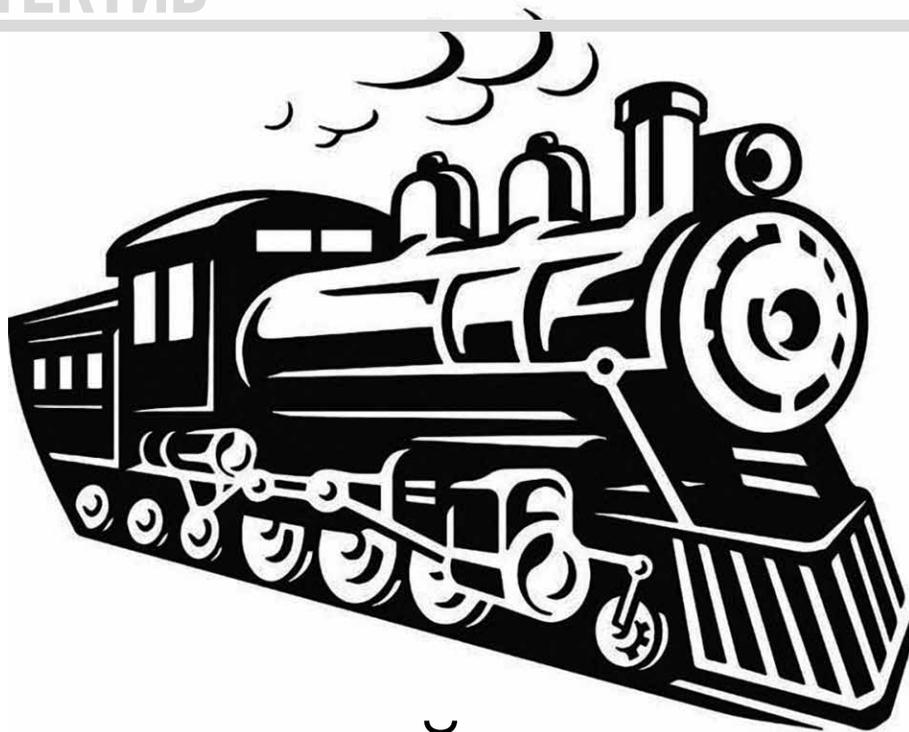
– За мной.

Водитель «каблучка» вышел первым и вывел всех троих из паба. Не в ногу, но без малейшего сопротивления.

Обычно ветеран не возил людей в грузовом отсеке «каблука», но иногда приходилось делать исключения. И плед пригодился, который лежал под сиденьем. Бойцов в пути сморило, даже Андрюха, посаженный спереди и показывающий, куда ехать, сомлел. Но тащить никого не пришлось: слыша голос бывшего своего командира, мужчины делали, что он велел. Так же, как и тридцать лет назад, на излёте страшной в своей протяжѐнности и жестокости войны.

Вернувшись домой позже обычного, мужчина первым делом накормил котов и прошѐлся с собакой. Выдал овчару его кашу, потрепал по голове и пошѐл пить крепкий чай из жестяной кружки. Завтра опять за руль, даже заказ уже есть – диван перевезти нужно.

Он торопился спать, зная, что после напominаний о прошлом, скорее всего, проснѐтся ночью с надсаженным горлом. Хорошо, что коты приходят на неконтролируемый крик, эхо страшной войны посреди сонного забытья, и лежат тёплым своим весом на груди, успокаивают. А если не поможет, можно и с собакой на пустырь пройти. Нужно иногда старому овчару вылезать из будки, даже и в ночной час.

ПОСЛЕДНИЙ ЭКСТРЕННЫЙ

Дмитрий ИГНАТОВ

Российский писатель-фантаст, работающий в жанрах твёрдой научной фантастики, гуманитарной и социальной фантастики, философской новеллистики, антиутопии.

Родился 15 января 1986 года в г. Ярославле. Проходил обучение в ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения».

Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис». В настоящее время – дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы. Исполняет обязанности заместителя главного редактора в журнале «Парус».

Комиссар Лаврухин пребывал в подавленном состоянии. Ожидание вымораживало душу начальника эшелона, как и всё внутреннее содержимое вверенных ему вагонов. Многотонный поезд уже пятый день стоял, застыв посреди заснеженной пустыни.

Выдохнув пар, комиссар забрался по лестенке в тамбур, где столкнулся с Венечкой –

стареющим интеллигентом в круглых очках и с вечно всклокоченной кучерявой шевелюрой. За время поездки Лаврухин так и не удосужился узнать, кем был Венечка по профессии – то ли писатель, то ли инженер, – намного важнее было то, что он каждый раз вызывал раздражение.

– Когда же мы поедem, любезный? – оправдал предчувствия Венечка, затягиваясь сигаретой, зажатой в замёрзших пальцах.

– Скоро. Скоро поедem, – отмахнулся комиссар и спрятался за дверь, ведущей к локомотиву, куда Венечке, как простому пассажиру, было категорически запрещено входить. Там за толстой стальной переборкой простирался широкий отсек тендера, где морозный воздух снаружи смешивался со смолистым запахом угольной пыли и уже отчётливо веял теплом от раскалённой топки. Отметив, что угля заметно убавилось, Лаврухин прошёл к кабине машиниста Путилина, но застал того в кочегарке. От масла и сажи его лицо казалось ещё более сморщенным и измождённым, чем обычно.

– Ну как там? Сидят? – устало спросил Путилин, вытирая пот со лба.

– Сидят, – подтвердил комендант.

– И чего им надо только?..

– Да шут их знает... – пожал плечами Лаврухин. – Вроде как ждут чего-то. А чего?

– Может, это... – машинист осторожно замялся. – С собой их возмём? Чё они сидят-то?

– С собой? – комендант задумался, мысленно прикидывая, как будет уплотнять пассажиров, но, закончив свои подсчёты, ответил: – Это можно. А машина сдюжит?

– Сдюжит, – уверенно кивнул Путилин. – Чуток потише, но пойдёт точно. Ты знаешь... Ей главное – ехать, – машинист не без удовольствия похлопал по гулкому боку топки. – Вот бы только помощника мне нашёл. На уголь поставить. А то я тут уже как раб на галерах...

Кочегара и правда не хватало. Помер он с месяц назад и лежал теперь где-то в ледяной степи, зарытый прямо на насыпи железнодорожного полотна.

– Пожалуй, из новеньких и найду, – согласился Лаврухин.

– Хоть не просто так уголёк им давать, – вдруг добавил Путилин и, поймав удивлённый взгляд собеседника, пояснил: – Да были тут ходоки... Просили. Обещали пути освободить.

– А ты что же?

– Ну отсыпал мешок. Жалко же... Помёрзнут, – машинист грустно и даже как-то виновато посмотрел на коменданта. – Ты бы это... Поговорил с ними ещё. Ну как ты умеешь, по-дипломатически. Нам ехать надо. Машине стоять нельзя.

– Нашёл дипломата...

Лаврухин хмыкнул и вышел, про себя обругав Путилина «либеральничаящим гуманистом» и ещё парочкой мудрёных слов. А в тамбуре снова встретился взглядом с курящим Венечкой.

– И всё-таки желательно бы иметь определённую. Когда же мы поедем?

– Скоро! – ответил комендант, пытаясь сохранять самообладание. – Людей заберём и поедем. Займите своё место.

– Позвольте! Каких людей?! С какой стати?! Мы тут все за билеты платили... – Венечка хотел привести ещё какие-то аргументы, но Лаврухин уже спрыгнул с подножки и зашагал вдаль по снегу, а выходить на мороз за комендантом интеллигенту совершенно не хотелось. Он докурил сигарету и отправился в купе с твёрдым намерением выпить чаю – непременно с лимоном и сахаром.

* * *

Лагерь «ситдаунов» растянулся вдоль всего железнодорожного полотна. Старые торговые палатки были выставлены неровными рядами, иногда прямо по рельсам. Кое-как укреплённые натасканными со всей округи гнилыми досками, кирпичами, листами проржавевшего железа, каким-то тряпьем и прочей ветошью – они и представляли типичное жильё местных обитателей. Кажется те, кто изначально сюда пришли, просто очень боялись пропустить свой поезд. Но время шло, а заветный локомотив так и не показывался на горизонте. Сменялись поколения, забывались прошлые цели, и вот уже ожидание лучшей жизни постепенно стало самой жизнью. Теперешние обитатели лагеря, похоже, и сами больше не помнили, зачем сидели. Чумазые и оборванные, они жались друг к другу около костров, горящих внутри дырявых бочек. Очевидно, и внутри продырявленных душ этих людей ещё тлел какой-то странный огонёк надежды, подпитываемый или собственной полурелигиозной верой, или личным фанатизмом их лидера. В любом случае всё здесь делалось или не делалось исключительно по воле пузатого бригадира Коровчука.

Он по-турецки сидел на горе старых покрывшек и своим широким раскрасневшимся лицом и вывалившимся через ремень жирным пузом напоминал Лаврухину какого-то азиатского хана. Не вынимая рук из карманов и никак не здороваясь, комендант сразу перешёл к делу:

– У нас были договорённости.

– Не слышал такого... – ответил Коровчук, чуть перемещая на покрывшке свой толстый зад.

– Обещали же Путилину.

– Ну, – физиономия бригадира расплылась в сальной ухмылке, – ему, может, и обещали, а вам нет.

– Какая разница? Вы сказали, что освободите пути.

– Наверное... Но мы же не говорили, что будем это немедленно выполнять, – не сводя взгляда с опешившего коменданта, толстяк продолжил: – Вы нам лучше ещё угольку отсыпьте. Одного-то мешка мало будет...

– Нет, – выдавил из себя Лаврухин.

– То есть как это? Вы же... обязаны нам помочь.

Голос коменданта сделался твёрдым и приобрёл металлические нотки.

– Безусловно. Но никакого угля вы от нас больше не получите. Завтра поезд тронется. Желающие могут сесть и поехать с нами, остальным так или иначе придётся освободить пути. Всем всё ясно?!

Последние слова он буквально прорычал, поэтому Коровчук даже замахал своими пухлыми ручками.

– Хорошо-хорошо! Не будем горячиться, гражданин начальник. Идёт! Поедем! Но, в конце концов, нам нужно собраться, всё обдумать... Дайте хотя бы до послезавтра срок?

– Ну ладно, – смягчился комендант. – Но завтра я ещё приду.

Он колючими глазами обвёл притихших вокруг людей. Все они смотрели в ответ кто со страхом, кто с угрозой, кто с непониманием. Похоже, что в этом худощавом высоком человеке в шинельке и фуражке они впервые увидели какой-то иной смысл, какую-то иную силу – совсем не такую, какая была у тучного бригадира, – и этим она их одновременно и привлекала, и пугала. Лаврухин отвернулся и, ощущая спиной человеческие взгляды, пошёл назад к эшелону. Стянуть с себя нестерпимо жмущие сапоги, сунуть замёрзшие ноги под колючее верблюжье одеяло и, растянувшись на проводницкой полке, забыться сном – вот, пожалуй, и всё, чего он сейчас хотел.

* * *

Поутру Лаврухина разбудил истошный крик: может, бабий, а может, и нет, но истеричный и какой-то визгливый. Впрочем, через минуту выяснилось, что кричал стареющий Венечка. Из его путаных объяснений следовало, что некто напал ночью на машиниста Путилина, по всей видимости, убил и скрылся. По снегу от паровоза в сторону лагеря действительно тянулся кровавый след. Металлический пол тамбура и скоба двери, ведущая к тендеру и кабине, тоже были перепачканы кровью. Вот только «убитый» сидел всё тут же, прикладывая к разбитой голове платок. Лаврухин даже не знал, чему больше удивиться: внезапному воскрешению или тому, откуда Путилин достал платок, который в его промасленных чёрных руках казался белоснежным.

– Ну вроде живой, – отметил комендант.

– Да вы гляньте на нашего рулевого! У него же рука трясётся! – продолжал причитать Венечка. – Как он теперь состав поведёт?!

– Да в порядке я, – недовольно пробубнил Путилин. – Обидно, что моим же ведром меня огрел...

– Кто?! Детали! – насел Лаврухин, отодвигая ставшего бесполезным интеллигента.

– Да не разглядел. Захотел по нужде выйти. Смотрю, кто-то в тендере копается. Шугнул. А он, видать, с перепугу меня... По фигуре вроде молодой.

– Ясно. «Ситдауны» эти наведались. Уголёк им наш нужен. Проторили дорожку, – озвучил комендант очевидный вывод и задумчиво посмотрел в сторону лагеря.

Там, где-то на конце сходящихся в точку рельсов, пестрели палатки и поднимался чёрный дым, но не было видно никакого движения.

– А вы ещё этих, с позволения сказать, граждан хотели к нам в поезд определить... Звери они там все! – поддакнул Венечка, но на него снова не обратили внимания.

– Не придёт никто, – проговорил Путилин. – А нам ехать нужно... Машина должна двигаться, а то совсем встанем. Смазка загустнет – поршни заклинит, а если ещё трубопрово-

ды во внутреннем контуре замёрзнут и гайки разопрёт...

– Вот и займись внутренним контуром. Закручивай свои гайки! – огрызнулся Лаврухин. – А на внешнем уж я. Сказал «до завтра» – значит, до завтра.

Поплотнее надвинув фуражку и подняв ворот шинели, он в очередной раз решительным шагом отправился в сторону стихийного поселения.

– Ну куда он снова? С кем там разговаривать? – покачал патлатой головой интеллигент Венечка, провожая коменданта взглядом изпод блестящих очков.

– С людьми, – ответил машинист, хотя и сам уже не был уверен в своих словах.

* * *

В лагере и правда не наблюдалось никакой человеческой активности. Ни следов рассыпанного угля, ни тем более крови на снегу не виднелось. Награбленное ночью было уже давно и умело сныкано где-то в недрах этого помоечного караван-сарая. Однако судьба угля волновала Лаврухина в последнюю очередь. Завидев массивную фигуру Коровчука, комендант направился к нему. Бригадир, словно на троне, восседал в старом кресле на деревянных ножках и грел пухлые ладошки у горячей бочки, пока рядом суетились особо приближённые. Он тоже заметил приближение Лаврухина, и, не поворачивая головы, заговорил первым.

– Ты вот знаешь, комендант, куда эти рельсы ведут?

– Туда ведут.

– А что – там?

Вопрос явно перебил боевой настрой коменданта.

– Ну не знаю... Восток...

– Во-о-от, – довольно протянул Коровчук. – А мы тут посоветовались и, стало быть, решили, что нам всем нужно на запад. Так что ты, комендант, не торопись. Переставляй паровоз. И вот тогда мы все с тобой поедем.

– Что?! – возмутился Лаврухин. – Это совершенно невозможно!

– Ну привыкай, товарищ начальник, у нас тут не как у тебя... Демократия. Народ решает.

– Ясно. Снова, значит, бредим... Время тянем? Не хотим договариваться? Так я пойду, мне плевать.

Комендант действительно собрался было уйти, но из группы сидящих чуть в стороне вдруг поднялся здоровый детина. В своём сереньком ватнике и коричневых сапогах он был почти незаметен, пока не распрямился в полный рост. От нервозности или для соблюдения некоего этикета он стянул с головы шапку, скомкал её в крепких пальцах, продемонстрировав свою пшенично-жёлтую шевелюру, а потом приблизился парой широких шагов и громко произнёс:

– А меня и восток устраивает. Чего тут сидеть впустую? Ехать надо. Я так считаю.

На пяточке вокруг бригадирского кресла возникло напряжённое молчание. Лаврухин снова ощутил спиной, как оказался в центре внимания сотен глаз. Выглядывающие из-за пологів палаток, скрытые надвинутыми шапками, смотрящие исподлобья – все они сейчас чего-то ждали.

– Тебе что же, наши правила напомнить? – пробасил Коровчук. – Кто не сидит, тот лежит!

– Да мне плевать! – мужчина демонстративно вытянулся ещё сильнее, нагло зыркнув в сторону побелевшего от злости бригадира.

– Сядь!

– Не буду. Я так думаю. Ехать всяко лучше, чем тут жопу морозить, – детина огляделся по сторонам и заговорил совсем громко: – Ребята, девчата! Кто уже собрался? Давай за товарищем комендантом! Поедем уже хоть куда-нибудь! Поезд долго ждать не станет.

По палаткам пошло шевеление. К пяточку, на котором стояли Лаврухин и светловолосый мужик, начал подходить народ со своей немудрёной поклажей.

– А сам? – спросил комендант, заметив, что у здоровяка с собой ничего не было.

– А я потом. Тут ещё стариков много, баб... С детками опять же... Надо поговорить. Помочь. Завтра утром всех приведу.

– Звать-то тебя как?

– Савченко.

– Убьют тебя, Савченко... – проговорил Лаврухин.

– Кишка тонка! – усмехнулся детина. – Днём да поодиночке они трусливые. А ночью... Я не сплю.

Комендант кивнул, а потом повёл собравшихся к эшелону. По пути пожалел только, что не пожал руку этому мужику. Привык свои вечно держать в карманах. А после решил, что, может, оно и к лучшему – не раздражать лишний раз. Вдруг обойдётся?

* * *

Весь день до позднего вечера к поезду тянулись люди, замотанные кто во что. Группками по пять-шесть человек, гружённые небольшим количеством ручной клади.

Венечка стоял у открытой двери тамбура, смотрел, как новоприбывших распределяют по вагонам, и по обыкновению курил.

– И почему мы, скажите на милость, должны кого-то забирать? Вы уверены, что мест хватит? – пробурчал он, завидев Лаврухина.

– Не волнуйтесь. Всех разместим.

– Вы хоть их проверяли?

– Надо будет, каждого проверю. Может, с тебя начать? – огрызнулся комендант. Венечка замолчал, но со своего наблюдательного поста не ушёл. Продолжил с подозрительностью и любопытством вглядываться в незнакомые лица. Закурил вторую сигарету.

Мужики какие-то мрачные – рожа кирпича просит. Бабы в бесформенных пуховиках, закутанные в платки – как недавно из-под коровы. Некоторые с детьми. Такими же грязными и лохматыми. Сброд, одним словом.

Вот от общей массы отделилась фигурка поизящнее. Молодая девчуля, лет двадцать от силы, тоже в куртке с капюшоном, но всё-таки помоднее и видно, что симпатичная. И сразу к коменданту. Ну понятное дело – будет мосты наводить. Проститутка, небось. Такие сразу чувствуют, к какому мужику следует присосаться.

От этих размышлений тонко организованной Венечкиной натуре стало отчего-то так про-

тивно, что он бросил недокуренную сигарету и ушёл в купе. Тем более что дальнейшего разговора новой пассажирки с Лаврухиным ему всё равно не было слышно.

– Товарищ комендант, – залепетала девушка. – Меня Ксанкой звать. Можно к вам обратиться?

– Что?

– У меня там жених остался... Колька.

– Что ж с тобой не пришёл?

– Говорит, что не возьмёте его. Бойтся он... – Ксанка опустила глаза. – Это ж он у вас на днях уголь воровал...

– А ты что же тогда его закладываешь? – усмехнулся Лаврухин.

– Да он не со зла... Дурак просто! – девушка серьёзно посмотрела на коменданта. – Это его боров наш, бригадир, заставил. Велел Кольке ночью уголь таскать, чтобы меня никто не тронул, а иначе... Вот Колька меня за два мешка и выкупил. Я говорю, вместе пошли, а он – «сама иди», а мне, мол, сюда дорога уже заказана.

– Ясно, – Лаврухин на минуту задумался. – Ладно. Завтра ещё поговорю с вашим Савченко. Одобрит – возьмём твоего Кольку. Но только под твою ответственность.

Глаза Ксанки загорелись радостью, она вдруг так крепко схватила и обняла Лаврухина, что тот аж пошатнулся.

– Ой, спасибо вам, товарищ комендант! Спасибо огромное! Можно я вас поцелую?

– Не положено!

Отстранившись, Лаврухин оставил сияющую девицу и зашагал вдоль вагонов. Нужно было проконтролировать погрузку и размещение пополнившегося личного состава. И хотя человеческий ручеёк, чёрной змейкой топавший через белое поле, к ночи окончательно иссяк, спать коменданту не пришлось. Завтрашний день обещал быть непростым. Прокручивая в голове свои мысли, Лаврухин несколько раз наливал себе чаю, потом проверял, заряжен ли пистолет, поплотнее кутался в верблюжье одеяло, взбивал слежавшуюся подушку, но так и встретил предзвездные сумерки в каком-то полусонном забытии.

* * *

Окончательно он проснулся, когда Путилин начал греметь тяжёлой тендерной дверью. Накинув шинельку и засунув ноги в проклятые сапоги, комендант вышел в тамбур и молча поприветствовал машиниста. Вид у Лаврухина, похоже, был настолько разбитый, что Путилин даже выдержал паузу, решаясь снова завести свою обычную шарманку:

– Ну что? Поедем сегодня али нет? А то ведь...

– Да знаю я! Знаю! – перебил его комендант. – Машина ехать должна. Смазка загустнет, поршни заклинит, гайки разопрёт... Поедем мы! Поедем! Прогревай аппарат.

Удовлетворённый ответом, Путилин заулыбался, но в тамбуре появился Венечка с необычной озабоченностью на одухотворённом лице.

– Простите, я краем уха услышал, что мы собираемся ехать?

– Так точно.

– Но позвольте! Как же?! Меня тут вчера Оксана Евгеньевна просветила... Там же, в этих труппах, ещё люди остались. Дети, бабушки... Мы что же, теперь их бросим?

– И то правда, – согласился Путилин. – И Савченко этого так вчера и не появилось. Думал, будет мне кочегар...

– Вы, может, не будете меня нервировать?! – вскричал Лаврухин. – Успокойтесь уже! Никого не бросим.

Он буквально спрыгнул с подножки в снег.

– Совсем замёрзнете так бегать, – проявил заботушку Венечка. – Вам бы пальтишко новое справить...

– Вот бы справить мне костюм себе из стали на... – бросил в ответ Лаврухин. – Грейте машину!

Преодолев расстояние до лагеря «ситдаунов» быстрее, чем обычно, он застал его в зловещем запустении. Часть палаток были разрезаны и перевёрнуты. По всей видимости, оставшись без хозяев, они оказались мгновенно разграблены соседями или приближёнными бригадира. Сам хозяин мусорного мирка в окружении нескольких мордovorотов был тут

же – на своём месте. Развалившись в старом кресле, грел ручки у костра, подкидывая в бочку небольшие чурбачки.

Внезапно Лаврухин с ужасом заметил, что из ёмкости торчали обгоревшие ноги в знакомых коричневых сапогах. «Хоть бы обувку сняли... – мелькнуло в голове у коменданта. – Ничего-то им не жалко...» Но свой вопрос задал предельно невозмутимо и с несколько отрешённой грустинкой:

– Убили всё-таки?

– Это наше внутреннее дело, гражданин начальник, – хмыкнул в ответ Коровчук.

Откуда-то из кучи тряпья, бывшего когда-то чьим-то жилищем, вылезла маленькая девочка, бросилась к Лаврухину и, уткнувшись в полы шинели, тихо прошептала:

– Это папка мой... Больше никого не осталось...

– Понятно. Рядом стой. – Комендант не глядел на девочку, а только сверлил глазами бесформенную фигуру бригадира. – Зачем убили, спрашиваю.

Коровчук поймал взгляд коменданта и растёкся в сальной ухмылке.

– А он сам... На шпалу упал и ударился. Несколько раз.

– Дядя милиционер, они врут всё! – пропищал ребёнок, крепче сжимая ручонками этого странного худого дядьку, будто сейчас в нём заключалась последняя надежда. – Это они палками его ночью застучали.

– Знаю. Не бойся. Мы с тобой ещё подумаем, что с ними сделать...

– Не о том ты думать собрался, гражданин начальник, – усмехнулся бригадир. – Лучше подумай, может, не нужно тебе куда ехать? Зачем? Оставайся. Будешь как сыр в масле кататься. Уголька надолго хватит. Разгрузишь свой тендер... А мы поможем.

Коровчук самодовольно хихикнул, но сразу поменялся в лице, потому что в него нацелилось чёрное пистолетное дуло. Бугаи позади главаря поднялись с мест, но ринуться вперёд без команды не решились.

– Все назад! Назад! Я ухожу. Ясно? Девочка идёт со мной.

Не выпуская из виду нацеленный на него ствол, бригадир продолжал увещевать коменданта, но тот уже не слушал.

– Так... И ещё... Есть тут Николай? Ну! Ксанкин женишок который... Николай, выйди! – громче повторил Лаврухин.

Из-за спин подручных Коровчука показался щуплый паренёк.

– А этот папу бил, не помнишь?

– Нет... Он никого не трогал.

– Значит, тоже со мной пойдёшь, – приказал комендант Коле. – Ну! Быстро!

Тот пугливо обернулся, а потом перешёл поближе к человеку в шинели.

– Ах ты крысёныш! Задавлю! – взревел главарь.

– Сиди уж! Любишь сидеть же. А то поскачешь у меня! – осадил его Лаврухин, угрожая ткнуть оружием, а потом оглянулся по сторонам, обращаясь ко всем прочим зрителям, наблюдавшим за сценой из своих укрытий. – Другие желающие есть? Нет?! Ну всё... Хотите сдохнуть – значит, сдохнете. Увижу, что кто-то следом идёт, – стреляю сразу в лоб.

– Далеко всё равно не уедешь, – сквозь зубы процедил Коровчук.

– Поезд невозможно остановить.

– А это мы ещё посмотрим, гражданин начальник.

Комендант не стал продолжать эту бессмысленную перепалку. Только ещё раз посмотрел в сторону палаток с притаившимися внутри людьми, с обидой прошептал:

– Дебилы, б..дь... – плюнул в снег и пошёл назад к поезду вместе со встревоженным Колей и успокоившимся ребёнком.

Несколько раз он мысленно ругал себя за несдержанность. Никак нельзя было светить «макаровым». Неоправданный риск. Что у него? Восемь патронов. А у них – злость, кураж и одно на всех неудержимое желание завладеть халявной вольной. Расчёт лишь на то, что жирный боров засыт и не спустит свою шоблу. Эмоции. Ребячество. Как бы то ни было, погоня не вошла в планы трусливого Коровчука, поэтому никакой погони так и не случилось. А локомотив был уже в паре шагов.

* * *

Лаврухин рассматривал поезд. Чёрная угловатая громадина, извергающая горячий пар, возвышалась на фоне белой земли и серого неба, словно фантастический дракон, вытянувший вдоль железнодорожной ветки свой длинный хвост. Одни колёса почти с человеческий рост. Спецрельс и полотно втрое шире обычного. Умели же раньше строить... Настоящий левиафан! И что он таскал? Какие-нибудь боеголовки, не иначе. Отрыжка ядерной эпохи.

А что теперь? Куда он нас везёт? И зачем? Может, и проще вот так вот – сесть и ждать, когда на тебя свалится счастье? Да и есть ли оно в конце этого пути? Кто встретит? Не такие ли морготные морды?

Тягостные раздумья коменданта прервал паровозный свисток. Глянул – все уже погрузились, один Лаврухин стоял в снегу в нещадно жмущих сапогах. Поднявшись по длинной крутой лестнице, он громко закрыл последнюю дверь, пересёк тендер и заглянул в кабину.

– Ну чего? Поехали, что ли?

– Да там это... – закопчённое лицо Путилина выражало тревогу. – На рельсы какого-то говна натащили. И, кажись, шпалы пилят. Как бы жертв не было... Котёл-то у меня уже того – под парами.

Воцарилось молчание. Только громогласное урчание исполинской машины напоминало, что ей никак нельзя останавливаться.

– Что делать-то? – повторил вопрос машинист.

Лаврухин опять задумался, но тотчас вспомнил удивлённого Кольку. Его Ксанку, проданную за пару мешков угля. Испуганную девчонку, чьё имя он пока ещё даже не узнал. Вспомнил эти мерзкие рожи, столпившиеся вокруг растерзанного трупа белокурого Савченко. Вспомнил довольную и лоснящуюся жиром харю бригадира. И неожиданно для самого себя очень чётко ответил:

– Дави их, Путилин.

Загадка улитки

Если черти в душе гнездились,
значит, ангелы жили в ней...

Ольга АЛЕКСАНДРОВА

Родилась в Туркменской ССР, г. Ашхабаде. Филолог, переводчик-лингвист. Детский писатель, автор сборника сказок для самых маленьких «Приключения насекомых на Цветочной Полянке» (изд. «Спутник», 2008 г.). Автор издательства «ЭКМО» (серия книг нон-фикшн для подростков «Секретная книга о самом важном», 2020–2023 гг.). Автор литературно-критических и обзорных материалов в журналах «Печорин.нет», «Нижний Новгород», «Новая Литература» и др. Пишет в жанрах гуманитарной и социальной фантастики, остросюжетной прозы, публиковалась в журналах «Смена», «Эдита», «Нижний Новгород», «Дрон».

Финалист конкурса «Современный российский рассказ» журнала «Роман-газета», МФЮА и портала «Печорин.нет».

Живёт и работает в г. Москве.

Раз, и ты в вагоне поезда. Два, загадываешь желание. Три, в твоих руках оказывается перо жар-птицы. Четыре, ты отпиваешь зелёный чай. Пять, за окном мелькают столбы и кивают тебе. Шесть, напротив тебя сидит он и жуёт кожуру от яблока. Семь, поезд въезжает в тоннель. Восемь, ты зажмуриваешь глаза. Девять, начинаешь считать под стук колёс. Десять... ты всё время видишь себя путешествующим в паровозе Пенроуза, по кругу своих сновидений.

* * *

– Дорогой, у нас будет ребёнок. – Женщина поставила перед ним тарелку с кашей, обтёрла о

передник ложку и положила её справа. – Хлебушек будешь? – Толстый ломоть дрожащей рукой отпустила слева.

– Не надо. – Взял ложку и грузно кинул назад в плошку с кашей. – Не смогу я. Ну не смогу, пойми ты. Мы с тобой вдвоём-то не можем прожить. А тут ещё... – Он кивнул в сторону округлившегося живота. – Будет сироткой. Оди-чальным. Дворняжкой.

– Ну... – склонив голову и утирая уголком передника глаза, прошептала: – он ведь наш. Как же мы его, как кутёнка, выбросим, что ль...

– Сказал же. – Тарелка юлой закрутилась по столу, разбрызгивая кашу повсюду. – Не могу я. Вытащи и выброси. Всё. Спасибо, сыт я уже. – Не оборачиваясь на осевшую возле стола женщину, он вышел из кухни. Спустя пару минут раздался сначала скрип, а потом громкий хлопок входной дверию.

В квартире вдруг сразу стало тихо.

Вы когда-то видели такие дома, где нет детей? Они словно обветшалые гнёзда. Словно опустевшие скворечники. Удушающая тишина. «Чтобы было кому стакан воды принести», – говорят обычно те, кто настраивает струны своей ещё не заострившей души на гармонию нежности и мягкости. Для кого-то.

«Детей заводят, как и собак. Ради забавы. Ради привычки. Чтоб как у всех. Так надо». Так думал он всякий раз, пока шёл от дома к машине. Привычно открыл и сел. Провернул ключ зажигания и, опустив руки на руль, расплакался. Он не хотел бы такой участи для своего ребёнка. Только не так.

В памяти, как слайды в проекторе, снова повыскакивали картины из детства. Пока были рядом дедушка с бабушкой, за едой и в свободное время, когда они занимались делами, он занимал себя и родных расспросами. Чаще о войне, что выпала на долю родных. «Что такое судьба, ба?» – «Это, Мишунь, то, что ты хочешь изменить, но не всегда можешь». – «Это как?» – «Вот ушли мамка с папкой на войну. А он остался. Малой же. Таскается от дома к дому, от укрытия к укрытию. Кто где подкормит, кто как обогреет. Но не прибивается ни возле кого. Брошенный. Никому не нужный. И тут вдруг случайно повезёт ему встретить на своём пути шофёра, обычного такого, крепкого мужчину с грубыми мозолистыми руками, и прижимают эти руки его к себе. Жмётся мальчонка: “Папка, родненький, я знал, я знал, что ты меня найдёшь, я так долго ждал, когда ты меня найдёшь”. И соединяются два брошенных сердца, и никто не будет одинок. Это и есть судьба. Но таких судеб мало. Много после войны осталось разбитых семей. Много сироток». – «И никто их не берёт к себе?» – «Кто-то и берёт. Но всех ведь не заберёшь».

«Всех не заберёшь, но кому-то помочь можно», – кивает он на свои повторяющиеся изо дня в день воспоминания.

Доезжает под гнетущие заунывные мысли к работе. У ворот уже напарник ожидает его. Садится к нему в машину, и они едут дальше.

И снова будет «дядь Миша» спасать оставленных. Некоторых – больных. Да и не винил он никого. Мало кто может на себя взять смелость и выхаживать того, чья жизнь висит на волоске. «Тебе тут будет хорошо. Мы будем приезжать. И игрушки все будут твои здесь. Ты не будешь один, Мишунь. Так надо». Наверное, это последнее, что он помнил о бабушке и дедушке.

* * *

Дверцы «вазика» распахнулись, и из него выпрыгнули двое в объёмных куртках и резиновых бутах.

– А удавку мы взяли? – спросил тот, что помладше, того, что постарше.

– На кой леший она нужна? Ослабла уже, вона как согнулась в три погибели, – кивнул тот в сторону парка.

– Дядь Миш, а как ты дошёл до жизни такой? – вытащив из багажника мешок и палку с крючком, малой, медленно передвигая бутсами, начал подходить к скамейке.

– Дык жалко ж их. Брошенок этих. Не я, так окочурится тут совсем сиротка. – Раскрыв мешок для поимки животного, он так же осторожно ступал следом за напарником. – Пушай ещё поживёт маленько. Ох, лёгонькая какая, одни кости и хвост. Не жрамши, поди. Дышит. Туше, животинка, туше. Давай-ка вот что, и мы закругляться на сегодня будем. Устал я, и жрать охота.

Он аккуратно уложил её, измызанную, с торчащими ушами и холодным носом, рядом с такими же кульками в закрытом кузове, прикрыл дверцы и, забравшись в кабину, добавил:

– Последняя на сегодня. – Вытащил из кармана куртки что-то наподобие блокнота с ручкой и записал в нём: «Окрас чепрачный. Глаза карие. На ошейнике написано имя Дружок». – Хм-м... мальчик, стало быть.

– Кобель, – поправил его молодой напарник, усаживаясь на водительское место, и завёл двигатель.

Дядь Миша уже ничего не ответил. Он достал пачку, вытянул сигарету, засунул её в рот. Потом вытащил, смял и, открыв окно, выкинул.

– Обещал жене, что брошу, – будто бы оправдываясь, обронил, глядя в окно, и продолжил: – Жить я должен. Пропадут они без меня.

Напарник так и не понял, о ком сейчас дядь Миша. О своей семье или об этих псах, тех, что они вытаскивали буквально с того света. Если дядь Миша и не говорил, то он-то хорошо помнил, как впервые пришёл в контору и первым наставлением, которое услышал, было: «Никого драть нельзя! Запомни это раз и навсегда. На человека и на животное можно подействовать только внушением». Они быстро сработались. Ездили по поимке только вечерами после работы. Вернее, работал ли дядь Миша где-то ещё или нет, он не знал. Да и не спрашивал.

Приезжал, они загружали вещи и накручивали круги по городу. Больше всего разъездов

приходилось, конечно, на осенне-зимний период. Кто-то сильно сердобольный оставлял прямо в коробках, а в основном эти бродяжки забивались по паркам и возле подъездов. Свозили их в центр реабилитации животных при ветлечебнице, где работала дядь-Мишина жена. Такой вот семейный подряд. Это всё, что он знал про его семью. Были ли у них дети или нет, никогда не дознавался. Да и вообще дядь Миша был не сильно разговорчивым. Прислонит голову к окну и едет вот так, мысли по стеклу размазывает. Вспоминает что-то, и явно это что-то его мучает. Ну не уходят люди просто так в служение другим. Не просто так становятся врачами, учителями, пожарными... Есть такая профессия – слабых защищать. Вот он и защищал. Помогал.

* * *

– Докторам хорошо, а рабочим – лучше, я б в рабочие пошёл, пусть меня научат.

– Ну, чего остановился? – Женщина в белом халате сидит возле кровати и следит за тем, как он читает.

Маленькие ручонки лежат поверх одеяла, держат толстенную книжку, и после каждой строчки голова опускается, и он пытается закрыть глаза. Женщина дотрагивается до плеча и мягко проводит по светлым волосикам.

– Давай-ка теперь я. Устал, Мишунь?

– Нет. Просто задумался. Я бы тоже хотел быть доктором. Или пожарником. – Он ищет глазами строчку, где остановился, и читает дальше. – Быть шофёром хорошо, а лётчиком – лучше, я бы в лётчики пошёл, пусть меня научат. Наливаю в бак бензин, завожу пропеллер. «В небеса, мотор, вези, чтобы птицы пели». – Он снова остановился и повернул голову к окну.

Прямо перед ним плыли облака. На этом уровне их этажа они всегда были, в любое время. Иногда похожие на бороду старика Хоттабыча, иногда на пушинки одуванчика, а чаще на лапки белого пуделя. Он всякий раз фантазировал и сочинял сказочные истории. Так советовал делать доктор, когда заходил на осмотр. Да и, честно говоря, так нравилось ему самому. Сколько он себя помнил, а значит, вот уже восемь лет он вечно

что-то придумывал. И постоянно был здесь. В этой комнате, где стояла его кровать у стены.

Рядом был стол, напротив окно с широким подоконником и таким же широким карнизом, на который время от времени прилетали голуби и тут же становились новыми персонажами. Единственными его друзьями были книги. И потому в его фантазиях часто мелькали пираты и сокровища, где Джим Хокинс находит карту и вместе со своими друзьями отправляется на «Эспаньоле» в опасное приключение. Или смешной человечек с пропеллером, который гоняет воров по крышам и доводит Фрекен Бок до жужжания в обоих ушах.

Он жил в своём загадочном мире, наполненном светом и свежим воздухом. И представлял, что когда-нибудь выберется из своего подземного укрытия и попадёт на поверхность земли. Он даже завёл себе воображаемых друзей из повести, которую читал (и общался с ними, правда, когда мамы не было рядом), – водяную крысу по имени мистер Рэт, мистера Жаба и мистера Барсука. Так они и проводили все дни, пока он лежал под капельницей или справлялся с болью после курса обезболивающих.

* * *

Сегодня был самый лучший день. Сегодня ярко светило солнце, и небо выглядело таким светлым, будто морская гладь. Развернув белые паруса, на воде покачивался великолепный трёхмачтовый фрегат. Сквозь прорези в бортах смотрели точёные пушки, по бокам от бушприта темнели крепкие якорьки. Команда из сорока человек завершала построение на борту с боцманом, у которого на плече восседал попугай. И такой этой боцман, вот как его папка. То удочку купит, то леску натянет, то кораблик самодельный подарит. Но только не ему, а всё это остаётся подарками других ребят. Заботливый. Жалостливый у него папка. Всем готов помочь. «Ты ведь у меня тоже вырастешь, помогать будешь?» – скажет и обнимет. Прижмётся тогда мальчиговая щека к колючей щеке отца, и забьётся от отцовской любви детское сердечко. Застучит, как колёса паровоза. И снова умчится Мишка в

мыслях в свои сказочные миры. Никто ему не страшен. Никого он не боялся. Как отважный мангуст Рикки-Тикки-Тави, стойко стоял перед любыми изворотливыми напастями. Только и у мальчишки был свой потаённый страх. Больше всего на свете боялся он быть брошенным, как Дружок, который остался висющим на заборе и колышущимся на ветру бумажным листком.

Не бывает нелюбимых, бывают ненужные.

Мама поднимала его иногда на кровати и, подперев подушкой спину, подсаживала к окну.

Он сидел и смотрел, как в парке внизу бегут дети и играют собаки.

Он улыбался.

Вот несётся похожий на обезьянку аффенпинчер, и даже издали видно, как забавно морщится мордочка этого домовёнка Кузи. А вот рыжий пухлячок, который из-за своих кустистых бровей скорее похож на угрюмого старика, нежели на собаку. Милые, но ужасно некрасивые сардельки на коротких лапках – эти часто лениво сидят возле своих хозяев на скамейках. Но иногда и всё чаще в осенне-зимний период, когда уже меньше детей и слабее солнце, в парках возле этих самых скамеек сидят они. Ощетинившиеся сиротки. Оставленные и забытые.

Темно и грустно.

Сегодня был бы самый лучший день, но к вечеру всё омрачил дождь. Юный мечтатель сидел возле окна и смотрел, как раскачиваются клёны-великаны. Ветер срывал последние лоскутные одеяния с каштанов и дубов. На низкорослых деревьях возле обочины дороги уже налились красные ягоды. Их много. Значит, и зима придёт скоро и будет долгой. Листья стали совсем ржавые. По парковой дорожке стекала буро-серая масса.

– Ты не хочешь прилечь уже, Мишенька?

– Немножко посижу и прилягу, мам. – Он вдруг видит, как под скамейкой что-то двигается. Привычно представив, что это груды листьев, присматривается. Неожиданно отделяется сначала одна лапа, потом другая. И вот тёмный силуэт, качаясь, пробуждается. Он съёживается в унисон с собакой, которая поджимает под себя хвост. Наклоняет голову вслед за мордочкой животного. И вздрагивает вместе с собакой, которая, падая, развевает веером листья под собой.

Кулачки сжимаются, и он пытается приподняться, ожидая, что упавший друг расшевелится снова. Но снова ничего не происходит. Только двое мужчин, резко откуда-то возникших, вытягивают длинной палкой с крючком из-под скамейки обездвиженное тело, засовывают в мешок и несут на вытянутых руках к машине.

Спать не хочется. Хочется придумать, что эта история не закончилась. И что щенок нашёл свой дом и своих родителей.

* * *

Только бы не быть одному.

– Посиди со мной немножко, – задержав за подол, он не отпускает маму.

Она не противится. Давно уже привыкла, что он не заснёт без её рассказов. Как и к тому, что он называет её мамой. Да и не он один. Многие детки в их центре называют врачей папами, а медсестёр – мамами.

– Ну хорошо, ты прикрывай глазки, а я расскажу тебе историю про путешествие на поезде мечты. Поезд этот был не обычный, а волшебный. Всякий, кто в него садился, мигом получал то, о чём мечтал больше всего. Две стрекозки-воображульки Лана и Тата загадывали никогда не бояться дождя, который мог испортить их кружевные наряды. И платица их вмиг превращались в зонтики, а на ножках красовались лаковые туфельки. А вот хмурый дядюшка, который хотел всё время оставаться богатым и независимым, и тут же у него в руках оказывался кожаный саквояж, дополнен набитый золотыми монетами. Где-то рисовали несмываемыми красками, где-то стучали на самопечатающей машинке, где-то играли на парящих в воздухе струнах, дымилась каша на невидимой плите и закручивались сливочные рожки в вафельных стаканчиках.

Мама уже давно заканчивала рассказывать, и, наклоняясь, целовала его в щёчку.

– Спи, Мишуль. – Прикрывала дверь, и он открывал глаза.

Перед ним затормозил длинный поезд, собирающий копошащихся пассажиров с перрона. Все они выглядят радостными и счастливыми. Ведь через пару минут их мечты сбудутся.

«Как мало и как глупо мечтают взрослые, о чём-то таком неважном. Совершенно дурацком». Так думал маленький мальчик и представлял себе, что бы пожелал, окажись он в этом поезде. Заполненном до последнего вагона. Вот лишь одно купе, где ещё есть свободное местечко.

Он втискивается рядом с полным мужчиной и смотрит внимательно на него. «Интересно, что же мог загадать себе он?» Видит, как перед мужчиной лежит фотография, где запечатлён явно молодой высокий человек. «М-м-м...» – мужчина улыбается, поправляет свои кудрявые волосы и проводит рукой по тому месту, где только ещё пару минут назад было упитанное пузо. Он достаёт свёрток и разворачивает его. По купе проносится запах жареного лука, и слышно поскуливание. «Явно ж не от этого мужика».

Взгляд опускается на пол, где возле двери купе сидит щенок. Он виляет хвостиком и, поджимая лапки, готовится сию минуту подпрыгнуть и выхватить торчащий из бутерброда уже не пузатого Аполлона отваливающийся краешек котлеты. Отломок шмякается на пол, и щенок с жадностью раздирает его, как тузик грелку. Аполлон, не отрываясь от своего куска, чавкает и кивает головой: «Приятного!» Все сыты, и все довольны.

«Что такое счастье?» Он рисовал себе, что счастье – это вот как поездка в этом поезде. Так непостоянно и так неизменно разное у многих. Счастье всегда связано с исполнением мечты.

Только мечты эти, как в сказке с Золушкой, разбивались тыковкой, когда заканчивался путь и путник прибывал к своему месту назначения.

Он тоже мечтал, чтобы его мама и папа были рядом. И чтоб, когда поезд остановился, на перроне они встречали его. И всё. Больше ничего не надо. «Просто маму и папу».

Но каждую ночь он просыпался от своего удушающего крика и успокаивающего голоса над собой:

– Ну что ты, миленький, снова сон? Давай-ка, как учил нас доктор. Нашу считалочку.

И они начинают вместе считать.

– Раз, по узенькой дорожке голова ползёт да рожки. Два, очень медленно ползёт, на себе свой дом везёт. Три, дом из камня завитками, в этом доме зверь с рогами. Четыре, и не бык, и не коза,

на рогах у ней глаза. Пять, рожки есть, а не бодает и к ладошке прилипает. Шесть, испугалась воровья, спряталась рогатая. Семь, дождь идёт, гремит ли гром – завитой укроет дом. Восемь, в домике всегда своём, даже в гости ходит в нём. Девять, жизнь свою живёт она в своём домике одна. Десять, нет забора, нет калитки, возле домика...

* * *

Тишину вдруг разрывает звонок. Она, как обычно, идёт к входной двери, привычно приложившись к глазку, проворачивает дверной замок.

Распахивает настежь дверь.

– Ты приготовишь чаю? – Он с нежностью смотрит на неё и, не дожидаясь ответа, входит в квартиру и скидывает облепленные уже присохшей к подошве грязью бутсы на пороге. – Устал сильно. Спит? – Не раздеваясь, идёт в комнату, где возле стены стоит детская кроватка. Наклоняется и целует в макушку свёрнутый кулёк в ней. В кроватке кто-то шевелится и издаёт протяжный звук, как струнка скрипки.

– Тебя ждал. – Женщина сияет.

Он смотрит в глаза младенца, пытается в этих двух мутных кружочках распознать, какого же они будут цвета. «Да и важно ли это? Намного важнее, чтобы они всегда были счастливыми».

– А помнишь, Мишань, как, растерявшись, мы выбирали, кого взять? Как кутят из коробки разложили перед нами. Все такие похожие. – Она умильно смотрит на малютку и аккуратно поправляет чепчик на маленькой головке.

– Конечно, помню... – Потом вдруг запинается, словно извиняясь за что-то, и добавляет: – А теперь знаю. Он – наш. Нужный.

– Спасибо, – улыбается ему в ответ.

Он опускает глаза в пол.

На полу стоят спущенные с антресолей коробки, в которых лежат детские игрушки: толстячок в ошейнике с надписью «Дружок» с забавной мордочкой старичка, боцман с попугаем на плече, водяная крыса и барсук, две стрекозки, держащиеся друг за дружку лапками, и старенький поезд на деревянных колёсиках, с облетевшей на некоторых вагончиках краской.

«КРАСНЫЙ ГРАФ» В КАЗАНИ

Владимир УРЕЦКИЙ

Владимир Янович Урецкий родился в 1966 году, член союзов журналистов России и Республики Татарстан, действительный член Императорского православного палестинского общества (ИППО), исследователь русской культуры в Республике Татарстан, общественный деятель. Автор публикаций в старейших российских журналах

В начале XX века в доме городского казанского архитектора Константина Саввиновича Олешкевича (1873–1937) произошёл драма-

тический инцидент. Олешкевич пригласил своего обидчика к себе домой и под угрозой револьвера ударил хлыстом. Потерпевшим оказался недоучившийся студент Петербургского технологического института, будущий автор «Петра I», «Хождения по мукам», «Аэлиты» и других всемирно известных произведений, русский и советский писатель граф Алексей Николаевич Толстой (1883–1945). К тому времени Константин Олешкевич уже внёс значительный вклад в формирование архитектурного облика Казани. По его проектам в стиле модерн будут построены здания, среди которых его собственный дом по ул. Муштары, 33, дом

купца Чукашева на улице Горького, 19, учебный корпус промышленного училища (ныне КНИТУ на улице К. Маркса, 72), здание Шаповской больницы (сегодня это отель TASIGO Kazan Palace на улице Калинина, 3Б) и другие. Знакомство Олешкевича и Толстого состоялось в конце 1905 года, когда граф с молодой женой Юлией Рожанской и сыном приехали в Казань к родителям Юлии, жили они в деревянном доме на улице Ново-Горшечной, 30 (сегодня это улица Бутлерова, дом не сохранился). Семья Алексея Толстого и Константина Олешкевича подружились, они часто проводили свободное время вместе. Однако в один из дней Константин, приревновав Алексея к своей жене, решил наказать его таким способом. Толстой не остался в долгу, на следующий день он подстерёг Олешкевича на улице, когда тот ехал в коляске на службу, и отхлестал нагайкой. Зная буйный нрав архитектора и опасаясь продолжения взаимных побоев, Алексей Толстой спешно выехал в Петербург, даже не захватив с собой молодую жену и ребёнка. Однако не только этот драматический инцидент связывает одного из самых талантливых и ярких советских писателей, известного в СССР под ироничным прозвищем «красный граф», с Казанью.

Алексей Толстой появился на свет 10 января 1883 года в городе Николаевске, расположенном юго-западнее Самары. Но родился он не в доме своего отца, графа Николая Александровича Толстого (1849–1900), а в доме председателя земской управы Алексея Аполлоновича Бострома (1852–1921). Этот человек сумел покорить сердце матери Алексея, русской писательницы Александры Леонтьевны Толстой (урождённой Тургеневой, 1854–1906). Александра Леонтьевна приняла непростое решение и, оставив троих детей своему мужу, ушла к Бострому. В юности Алексей узнал, что его родным отцом был граф Николай Толстой, а не Алексей Бостром, чью фамилию и отчество он получил при рождении. И только в семнадцать лет, после смерти отца, Алексей Толстой унаследовал графский титул и около тридцати тысяч рублей.

Впервые Толстой увидел Казань в конце мая 1901 года. После окончания Самарского

реального училища он отправился в Петербург, чтобы поступить в Технологический институт. Вместе с сопровождавшей его матерью они плыли на теплоходе по Волге до Нижнего Новгорода. Во время остановки в Казани Алексей с интересом знакомился с городом. О своих впечатлениях он писал в письме своему отчиму Алексею Бострому: «Был в Казани – очень понравился город, лучше Нижнего, хотя и меньше, на всём лежит аристократический отпечаток, что ни говори – университетский город».

Летом 1902 года Алексей Толстой вновь посетил Казань, на этот раз проездом, с ночёвкой. Он направлялся на Сюгинский стекольный завод Елабужского уезда Вятской губернии (ныне ОАО «Свет», г. Можга) для прохождения студенческой практики после окончания первого курса Санкт-Петербургского технологического института. Управляющий заводом инженер-технолог Сергей Александрович Шишков приходился Толстому троюродным дядей. В его доме Алексей провёл всё лето. Стеклозное производство привлекло его внимание, он изучал его детально и всерьёз, желая попробовать выдуть хотя бы одну баночку. В то время в нём ещё не проснулся писатель, хотя писать он начал с десятилетнего возраста. В юности написал много стихотворений, поэм, рассказов, но относился к этому увлечению как к игре: накатывало, начинал писать, а потом всё это забрасывал и забывал. Однако Алексей уже подмечал детали, небольшие события, взаимоотношения людей. Наблюдения, полученные в Елабуге, нашли своё отражение в романе «Хромой барин» и пьесе «Касатка». А в повести «Мишука Налымов» («Заволжье») Толстой использовал внешность и некоторые черты характера Сергея Шишкова.

В июле 1905 года Алексей Толстой снова в Казани. Он вместе с семьёй приехал на лето к родителям жены. Отец Юлии Васильевны, практикующий в Казани (ранее в Самаре) врач, доктор медицины Василий Михайлович Рожанский (1853–1914), владел домом в Казани и дачей в Верхнем Услоне. В кругу семьи Рожанских Алексей жил довольно спокойно, посвящая часы досуга поэзии. Однако его ув-

лечение литературой в семье считали несерьёзным, полагая, что он повзрослеет и всё пройдёт. Как и раньше, Алексей находил отдушину в письмах к родителям, где был по-прежнему откровенен и рассказывал обо всём, что с ним происходило. К началу учебного года, оставив маленького сына в семье Рожанских, Алексей Николаевич и Юлия Васильевна возвращаются в Петербург. Юная жена была слушательницей женских медицинских курсов. В столице они стали свидетелями событий первой русской революции. Высшие учебные заведения были закрыты, а помещения отданы солдатам царской армии. В результате в ноябре 1905 года Толстые вернулись в Казань, где провели около двух месяцев. В это время здесь развернулись революционные события: массовые забастовки на фабриках и заводах (стачки алафузовских рабочих), вооружение рабочих дружин и их столкновения с правительственными войсками. Алексей Толстой не принимал непосредственного участия в этих событиях, но они привлекли внимание начинающего писателя к народной жизни, психологии и чаяниям простых людей. В это время Толстой писал много стихов, пытался издавать в Казани газету, но разрешения на это не получил. Однако Алексей твёрдо решил посвятить свою жизнь писательскому делу. В Казани исполнилась его мечта: были опубликованы стихи, напечатанные в либеральной газете «Волжский листок», редакция размещалась в здании Пассажа (ул. Кремлёвская, 17). Газета носила общедемократический характер: широкий охват читательской аудитории, разнообразие материалов и солидный авторский коллектив приносили «Волжскому листку» большую популярность. 6 декабря в этой газете появилось стихотворение Алексея Толстого «Далёкие», 18 декабря – «Сон» и 1 января 1906 года в праздничном номере «Волжского листка» – стихотворение «Новый год». Стихотворения интересны как отклик на события революции и ценны искренним сочувствием к её героям. В письме из Казани от 7 января 1906 года Алексей Николаевич писал своей матери: «Посылаю тебе одно из напечатанных моих стихотворений, у меня их поместили всего

три, и заметку, касающуюся тебя, мама». Это была его первая публицистическая заметка «Письмо в редакцию» о проблемах учителей народных училищ города Казани от 9 декабря 1905 года. Таким образом, именно в Казани Алексей Толстой начал свою литературную деятельность, о чём позднее вспоминал: «Основные причины, приведшие меня в литературу, были причинами социальными». Здесь он встречался с прогрессивной интеллигенцией, впечатления от жизни того времени легли в основу переживаний и раздумий Ивана Ильича Телегина в романе «Хождение по мукам». В Казани Толстые встретили рождественские праздники и новый, 1906 год. 13 февраля 1906 года для окончания института Толстой вернулся в Петербург. Но из-за студенческих беспорядков институт был закрыт, начались аресты, многие студенты выехали за границу. Алексей Николаевич, намереваясь продолжить обучение в Королевской Саксонской высшей технической школе в Дрездене, покидает Россию. Однако спустя несколько месяцев он возвращается на родину. Вновь Казань Толстой посетит в середине июля 1906 года, но ненадолго. 25 июля он получает известие о смерти матери и выезжает на её похороны. Следующая встреча Толстого с Казанью состоится в октябре 1941 года. За это время в его жизни и стране произойдёт множество значительных событий. Судьба и творчество Алексея Николаевича полны тайн и противоречий, которые до сих пор вызывают интерес у исследователей.

Во время Первой мировой войны, в декабре 1914 года, Алексей Толстой вместе со своей третьей женой, поэтессой Натальей Крандиевской (1888–1963), отправляется на фронт. Он становится военным корреспондентом газеты «Русские ведомости», а она – сестрой милосердия. Алексей Николаевич писал: «Мы даже не знали, любим ли мы нашу страну. Или так, проживаем в ней только. Война пробудила величайшее понятие “Отечество”. Никогда не думал, что буду писать патриотические статьи. А, в самом деле, я стал патриотом». Все свои впечатления от поездок на фронт и воспоминания жены о работе в госпитале Толстой ис-

пользует в романе «Хождение по мукам». Затем произошла Февральская революция 1917 года, которую Алексей Николаевич приветствовал, горячо поддерживая грядущие перемены. Но Октябрьскую революцию он не принял. Главной претензией к большевикам было то, что, заключив Брестский мир, они отдали немцам огромные территории. Русскому революционеру Николаю Чайковскому (1850–1926) Толстой писал: «В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед». Началась Гражданская война, голод и разруха, было принято решение бежать из России. В августе 1918 года Алексей Толстой, его жена и двое детей уезжают за границу, через Одессу в Константинополь. Долгий путь заканчивается во Франции. В Париже Толстой много работал, но денег всё равно не хватало, жизнь казалась тоскливой и неудобной. После пяти лет, проведённых в эмиграции, его отношение к покинутой родине и её новой власти изменилось. Он понял, что родина для него важнее всего. В мае 1923 года Алексей Николаевич совершил «разведывательную» поездку в новую, неизвестную ему страну – Советскую Россию. Он понимал, что сильно рискует, не был уверен, что его встретят с распростёртыми объятиями. К своему удивлению, Толстой получает тёплый приём. После чего принимает решение окончательно вернуться в Россию и летом 1923 года переезжает со своей семьёй в Петроград. Поначалу было очень трудно, часто приходилось занимать деньги у друзей, чтобы купить на базаре продукты и необходимую одежду. Квартира была тесной, а посуда и столовые приборы сделаны из простого железа. Питались Толстые скромно: на первое – щи, на второе – варёное мясо из тех же щей с хреном. Алексей Николаевич по-прежнему пытался заработать на жизнь литературным трудом, но долгое время не мог достичь успеха. Его семья оказалась на грани голода, но он не сдавался. Толстой был авантюристом, любил риск и верил в свою удачу, понимал, что нравится публике, как никто чувствовал конъюнктуру

и умел писать книги, которые хорошо продавались. Однажды Алексей Толстой встретил своего давнего знакомого, писателя Павла Елисеевича Щёголева (1877–1931), и его жизнь изменилась к лучшему. Павел Щёголев был членом Чрезвычайной следственной комиссии, которая в 1917 году занималась расследованием преступлений Николая II, министров и приближённых к царю лиц. Вдвоём с Алексеем Толстым они написали пьесу «Заговор императрицы», где речь шла о желании Александры Фёдоровны заключить сепаратный мир с Германией и вместе с Распутиным захватить власть для царевича Алексея. Именно документы, собранные Щёголевым, стали основой для написания пьесы. В результате получилась историческая фальшивка, которая была талантливо написана и имела большой успех у советской публики. А спектакль с одноимённым названием стал одним из наиболее популярных, только в столице он шёл одновременно на сценах шести театров. Ещё одним ярким примером исторической фальсификации, созданной двумя друзьями, стал «Дневник фрейлины Анны Вырубовой», впервые напечатанный в журнале «Минувшее», № 1–4, 1927–1928 гг. Это было искажение исторических фактов, нарочитое придание им сенсационности на фоне всем известных исторических событий. Ведь Щёголев располагал протоколами допросов Анны Вырубовой и знал, что роль Григория Распутина была совсем не такой, как её придумал Толстой. Но сделал Алексей Николаевич это в высшей степени искусно и с высочайшим профессионализмом. Что дало возможность иметь огромный успех у читателя и хорошо заработать.

В 1927 году Алексей Николаевич писал одному из своих друзей в Берлин о проведённых на родине четырёх годах: «За это время мне удалось собрать коллекцию картин европейского значения. Это – моя гордость». О благосостоянии Толстого ходили легенды. В 1928 году семья перебралась из Ленинграда в Детское село, бывшее Царское, там писатель жил в роскошном десятикомнатном особняке, имел прислугу и автомобиль. Писатель Ми-

хаил Пришвин (1873–1954) называл их дом «единственным в стране реликтом московского быта». Да, Алексей Толстой был очень требователен к материальной стороне жизни: любил роскошь, любил красиво одеваться, ходить в рестораны. Будучи одним из любимых писателей Сталина, он всегда бравировал высоким происхождением. Выступая на VIII съезде Советов, Вячеслав Молотов сказал: «Товарищи. Передо мной здесь выступал всем известный писатель Алексей Николаевич Толстой. Кто не знает, что он – бывший граф Толстой. А теперь он товарищ Толстой. Один из лучших и самых популярных писателей земли советской. Но перемена-то произошла в лучшую сторону». Хотя у Толстого было много недоброжелателей и завистников. В одном из ресторанов произошёл неприятный инцидент. На Алексея Николаевича напал писатель Всеволод Вишневский (1900–1951) со словами: «Пока мы здесь кровь проливали за советскую власть, некоторые там по “Мулен-Ружам” прохаживались, а теперь приехали на всё готовенькое!» После этих слов он запустил в Толстого бутылкой.

Алексей Толстой вспоминает о Казани в повести «Гадюка», написанной в 1928 году. Героиней повести стала дочь казанского купца Ольга Зотова. Толстой подробно рассказал о захвате города белочехами: перед нами встают картины Гражданской войны, ярко описаны улица Проломная (ныне ул. Баумана), пожар в доме Зотовых, военный госпиталь, где встречаются герои рассказа: «Ночью весь госпиталь был разбужен. Бегали доктора, санитары, волокли узлы. Сидели на койках испуганные больные. За окнами раскатывалась бешеная ругань. В Казань входили чехи. Красные эвакуировались. Все, кто мог уйти, покинули госпиталь». В конце июня 1935 года Алексей Толстой в составе официальной советской делегации приехал в Париж на Всемирный конгресс писателей в защиту культуры. Тогда-то Алексей Николаевич и сказал давнему другу, художнику Юрию Анненкову: «Я – циник, мне на всё наплевать. Я – простой смертный, который хочет жить, хорошо жить, и всё тут. Моё литературное творчество? Мне и на него наплевать. Нужно писать пропа-

гандные пьесы? Чёрт с ним, я и их напишу! Но только это не так легко, как можно подумать. Нужно склеивать столько различных нюансов! Я написал моего “Азефа”, и он провалился в дыру. Я написал “Петра Первого”, и он тоже попал в ту же западню. Пока я писал его, видишь ли, “отец народов” пересмотрел историю России. Пётр Великий стал, без моего ведома, “пролетарским царём” и прототипом нашего Иосифа! Я уже вижу передо мной всех Иванов Грозных и прочих Распутиных реабилитированными, ставшими марксистами и прославленными. Мне наплевать! Эта гимнастика меня даже забавляет! Приходится действительно быть акробатом. Мишка Шолохов, Сашка Фадеев, Илья Эренбург – все они акробаты. Но они – не графы. А я – граф, черт подери. И наша знать (чтоб ей лопнуть) сумела дать слишком мало акробатов? Понял? Моя доля очень трудна». Вернувшись из эмиграции, Алексей Толстой старался сделать всё возможное для благополучия своей семьи. В 1930-е годы настало время массовых политических репрессий, доноительство получило широкое распространение. Толстой вместе с Горьким и другими писателями ездил на строительство печально знаменитого Беломорканала, вместе с ними он воспел великую стройку. Это был их общий и его личный позор и трагедия. Но Алексей Толстой был благородным, не был мстительным, не писал доносов на своих коллег и многим сумел помочь. В архиве Литературного института хранится папка, заведённая на Георгия Эфрона, в которой есть ходатайства Толстого о зачислении его в институт, а затем и на переводческое отделение. Алексей Толстой заботился об Анне Ахматовой, несмотря на её неважное к нему отношение. Он сделал всё возможное, чтобы в 1940 году вышла книга стихов Ахматовой. Обращался с письмами лично к Сталину, пытался помочь несправедливо осуждённым. В 1937 году, в самый разгар сталинских репрессий, по заказу отца народов Толстой создал роман «Хлеб». Гражданскую войну и роль в ней Сталина он описал в «Хлебе» так, как хотели вождь и его окружение. Толстой писал Ромену Роллану: «Этот роман – лучшее, что я написал. Я старался

сделать мой роман занимательным – таким, чтобы его начать читать в полночь и кончить под утро и опять вновь перечитать». Алексей Николаевич искренне хотел служить новой власти. Он знал, на что идёт, жил по тем правилам, которые эта власть для него установила, и писал в соответствии с этими требованиями. Он считал, что должен создавать только то, что может быть немедленно напечатано. Нет ничего, что он написал бы в стол, для души, что вышло бы за рамки дозволенного. Так сложилось, что граф стал вторым по величине советским писателем после Максима Горького, а когда тот умер – первым. Лучшим художественным произведением Алексея Толстого считается роман «Пётр Первый», писатель тщательно подходил к мельчайшим деталям. Чтобы удостовериться, какие пуговицы были на кафтане царя, отправился в Эрмитаж, нашёл сундук с его одеждой и убедился, что они гладкие, а не шершавые, как казалось на старых гравюрах, которые он изучал чуть ли не с лупой. Роман был высоко оценён властями и одновременно понравился всем, и в России, и в эмиграции. Борис Пастернак писал: «Я в восхищении от толстовского “Петра” и с нетерпением жду его продолжения. Бесподобная вещь!» Мнение Горького было таким: «Книга – надолго, если не навсегда». Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) и Алексей Николаевич Толстой были знакомы, но их отношения не были простыми. Бунин признавал талант Толстого, считая его «редкой талантливостью» и «первоклассным работником». Однако он не мог смириться с популярностью писателя в Советском Союзе и не мог простить ему возвращения в Россию в 1923 году. Но, прочитав «Петра Первого», Иван Бунин написал в редакцию «Известий» записку: «Алёшка, хоть ты и сволочь, мать твою, но талантливый писатель. Продолжай в том же духе».

Доцент Наталия Фёдорова рассказала, что её коллега по работе, заведующий кафедрой истории СССР Казанского университета, советский историк Иван Михайлович Ионенко (1913–1989) вспоминал о встрече с Алексеем Толстым. Поводом для встречи послужило издание в 1934 году первых двух книг исторического романа «Пётр Первый». Оценка фигуры

Петра Первого всегда была неоднозначной и вызывала споры, как в дореволюционный период, так и при советской власти. Выход первых двух книг о становлении Петра Первого вновь подогрел интерес к его роли в истории России и вызвал жаркое обсуждение студенческой молодёжью его трактовки Толстым. Студенты-историки Ленинградского педагогического института (ЛГПИ) им. А. И. Герцена решили лично встретиться со знаменитым писателем, чтобы довести до его сведения резолюцию своего диспута и получить из первых уст ответы на интересовавшие их вопросы. Инициатором встречи был студент ЛГПИ Иван Ионенко.

Беседа студентов с писателем состоялась в загородном доме Алексея Толстого под Ленинградом. Молодых людей встретил пожилой мужчина, вероятно, слуга или смотритель дома, и провёл смущённых посетителей к «графу», так он обращался к хозяину. Алексей Николаевич встретил студентов в халате и выглядел как настоящий граф или барин. Всё это несколько обескуражило выходцев из рабоче-крестьянской среды, но не охладило их пыл. Горячие доводы студентов о выдающейся роли Петра Первого в российской истории были им внимательно выслушаны. Понятно, что обстановка в стране менялась, прежние негативные отношения к царям и всем их реформам уже было не актуально. Сам Иосиф Сталин теперь нередко сравнивал себя с правителями дореволюционной России, а вслед за ним и высшие советские руководители изменили отношение к Петру Первому, который представлялся теперь как великий реформатор. Что, естественно, не мог не учитывать и Алексей Толстой.

С самого начала Великой Отечественной войны Алексей Толстой начал создавать произведения для фронта. За годы войны он написал около шестидесяти публицистических материалов (очерков, статей, обращений, зарисовок о героях, военных операциях). Именно он стал автором знаменитого лозунга «За Родину! За Сталина!». Впервые этот лозунг был опубликован в газете «Правда» 25 декабря 1939 года в статье, посвящённой 60-летию Сталина. В октябре 1941 года Алексей Толстой на специальном

самолёте прилетел из Москвы в Казань, куда были эвакуированы многие писатели. Провёл здесь три дня и вылетел в Ташкент. В Доме печати на улице Баумана, 19 (сегодня гостиничный комплекс «Ногай»), располагался клуб им. Г. Тукая, который некоторое время служил общежитием для писателей и членов их семей, направленных в Чистополь, Ташкент и Алма-Ату. В этом клубе Толстой дважды выступил перед казанскими и эвакуированными писателями. Его первое выступление было посвящено теме «Что такое герой и героизм». Затронул он и тему героизма татарского народа. Он обещал собравшимся: «Придёт время, и я напишу о героизме в войне представителей татарского народа». Во втором выступлении Алексей Толстой интересовался творчеством татарских писателей, рассказывал о себе и о том, что хорошо был знаком с Казанью до войны: «Казань для меня – город почти родной. Здесь я учился. Здесь произошло моё литературное “боевое крещение”, здесь же я пережил и свою первую любовь». Посетил он двух своих коллег, эвакуированных в Казань. Одним из них был французский писатель, антифашист Жан-Ришар Блок (1884–1947), который снимал комнату в татарской семье на улице Куйбышева, 14 (сегодня улица Пушкина), комната была подвальной. Об этой встрече Илье Эренбургу Толстой рассказывал так: «Жан-Ришар утешал хозяйку, муж её был на фронте: “Скоро немцев расколотят...” <...> Да что её, – добавлял смеясь Алексей Николаевич, – он и меня развеселил. Настроение у меня было отвратительное – сводки, хлеб не убран, люди повесили нос – словом, пакость, а француз-то наш спокойно мне объясняет, что Гитлер обречён, это как дважды два. Мороз ужасный, он, бедняга, не привык, пьёт чай без сахара и улыбается...» В эти же дни Алексей Николаевич побывал в гостях у поэта Демьяна Бедного (1883–1945) на улице Б. Галактионовской, 17 (сегодня ул. М. Горького), жил он там вместе со своей семьёй с осени 1941 года до весны 1942 года. Для газеты «Красная Татария» Толстой написал статью «Москве угрожает враг», которая была опубликована 19 октября 1941 года. Статьи Алексея Толстого во время

войны пользовались огромной популярностью. Они публиковались в газетах и журналах, а также издавались отдельными сборниками. В 1942 году в Казани был издан сборник газетных статей Алексея Толстого «Родина». Очерк «Родина» считается самым известным произведением писателя о войне. Во время подготовки сборника к печати Алексей Николаевич приехал в Казань прямо с фронта, чтобы вычитать корректуру.

Несмотря на столь великие заслуги перед советской властью, в последние годы жизни над головой Толстого стали сгущаться тучи. Писатель Александр Фадеев (1901–1956) рассказал советскому литературоведу Корнелию Зелинскому (1896–1970) о своём разговоре со Сталиным последней военной зимой. Иосиф Сталин вызвал Фадеева в Кремль и, не предложив сесть, начал говорить, что вокруг первого секретаря Союза писателей матёрые шпионы, а он их не видит. Сталин сказал: «Ну, если вы такой беспомощный, товарищ Фадеев, то я вам укажу их имена. Павленко – крупный шпион, Эренбург – международный шпион, не делайте вид, что не знаете. Алексей Толстой – английский шпион. Почему вы их не разоблачили, товарищ Фадеев, а? Идите и подумайте над своим поведением». Но долго думать Фадееву не пришлось, Толстой избежал печальной участи «шпиона» и «врага» тем, что через несколько месяцев после этого разговора, 23 февраля 1945 года, не дожив до желанной победы, умер. По всему Советскому Союзу был объявлен государственный траур. Алексей Толстой занимал общественные посты, был академиком АН СССР, лауреатом Сталинских премий первой степени, автором огромного количества социально-психологических, исторических и научно-фантастических романов, повестей и рассказов. Но никто из государственных деятелей, кроме Прокурора СССР Андрея Вышинского (1883–1954) и Николая Шверника (1888–1970), не пришёл на его похороны. Возможно, причина была в изменившемся отношении к нему Сталина. Урна с прахом «красного графа» была торжественно захоронена в Москве на Новодевичьем кладбище.

ТРИ РАССКАЗА ДЕТСТВА

Ислам ИСАКЖАНОВ

Почему три? Да потому что три – это магическое число, потому что три – это уже не два, и ещё с трёх начинается любая сказка. А самое главное – с трёх начинаюсь я.

А без меня какой был бы рассказ? Ведь я главный. А в общем, всё по порядку, как было, как в сказке детства.

А детство начинается с большого яркого солнца с тёплыми тоненькими лучиками, которые нежно ласкают чёрные волосы и тёмные брови, из-под которых улыбаются два – вернее, один, а потом другой – хитрющих глаза, и, наверное, из-за них его и прозвали Карагез, что означает «чёрные глаза».

И каждый раз чёрные зрачки наполняются то с одной, то с другой стороны кусочком солнышка.

И так продолжалось бы неизвестно сколько, если бы не опять этот короз, ярко-коричневый петух, который всегда просыпался

рано, а самое главное, тихо подкрадывался, находя при этом самые невероятные точки. Вот и сейчас сидел прямо над головой, вцепившись когтистыми лапами в край беседки, и при всём при этом прокукарекал свою утреннюю песню.

– А, опять ты, короз-карагез, что такое невероятное случилось, что опять торопишься? Всегда тебе некогда, – он искоса посмотрел на своего приятеля. – Сейчас поскачем... Говоришь, что там всё готово...

Петух, склонив голову набок, переступал лапами по ветвям виноградной лозы из стороны в сторону, торопя хозяина.

– Так, говоришь, их трое, а может, и больше? Сейчас посмотрим. Что же ты раньше-то делал? Вечно занят со своими курами, сколько раз тебе говорить можно, пусть сами для себя корм ищут. Зазываешь их всегда, а про меня-то и забыл. Тоже мне друг называется, вовремя разбудить и то не смог.

Наспех натянув свитер с огромным воротником, натянув короткие штаны, он уже нёсся верхом на коне, размахивал в воздухе саблей.

Склон горы подходил к самому айлу¹, который тоже уже просыпался. Тянуло утренней дымкой, на склоне паслось стало баранов, разбросанных по всему зелёному полю гор.

Топились тандыры, круглые глиняные печи, яркие языки пламени вырывались из их отверстий. Освещённые ярким солнцем, радужно сверкали капли росы, нависшие на тонких стеблях травы.

Карагез стремительно нёсся, поддерживая хрипящую лошадь, – длинные стебли трав больно били по бокам, мешая лошади скакать вперёд.

А короз, всё тот же петух, суетливо искал корм своим курам. И, найдя его, круговыми движениями ходил вокруг, подзывая поближе своих подруг, занимаясь тоже важным делом.

Карагез летел всё дальше и дальше, длинные стебли травы склонялись у его ног. Крупные капли росы скатывались по босым ногам всадника. Лошадь ржала и хрипела, но стремительно неслась вверх, беря холм за холмом.

И вот вдали, на вершине горы, где только ветер и солнце, показались они, громадные головы чудовищ, взлохмаченные, ярко-розовые, со страшной чёрной пастью.

Освещённые утренним солнцем, они ещё ярче выделялись на фоне голубого неба, негнущимися покачиваясь на ветру.

– Ого... го-го-го... – эхом пронеслось над холмами.

– Куда скачешь, джигит?.. Или ты не знаешь, что это мои владения, или ты думаешь проскакать здесь?.. Ха-ха-ха!

– Ах, ты ещё смеяться, это твои владения?

Карагез на миг остановил своего коня, всматриваясь в страшное чудовище, которое смеялось над ним, вызывая на бой джигита. Тёмно-красные зрачки чудовища расширились, оно приготовилось к бою.

– Вперёд, старая кляча, вперёд...

Конь, хрипя, вынес его на вершину горы, где трёхглавый змей был обезглавлен. У ног

уставшего батыра лежали срубленные головы чудовища, а на ветру безжизненно покачивались обезглавленные ветки дикой колючки.

Печь весело горела – хворост всегда горит быстро, потрескивая при этом. Раскалённое масло шипело, и мелкие пузырьки воздуха разбегались по краям тёмного казана. Карагез, стоя за спиной матери, провожал глазами белые круглые лепёшки с луком в шипящее масло. Другие, уже готовые каттаму мать укладывала в товак – большое медное блюдо.

Слюни текли сами собой, глаза жадно всматривались в тёмные бока круглого казана.

– А, Карагез, опять набегался, навоевался... мокрый весь, на-ка отдохни, согрейся...

Карагез нёс горячую лепёшку, перекидывая с одной ладони на другую. А за ним, переваливаясь с боку на бок, бежал несравненный друг короз.

– Когда воевать – тебя нет. А ты знаешь, как страшно-то было?.. Просто жутко... А когда они хохотали...

Мать смотрела на них и всё время улыбалась, сын рассказывал что-то страшное, и на его лице изображались то страх, то неудержимая радость, а петух всё клевал и клевал разбросанное угощение, не обращая ни на что внимания.

А рядом отдыхал уставший конь, длинный ивовый прут, обвязанный тонкой бечевой, и сабля, выструганная из дерева, лежала близ.

ВОЛШЕБНЫЙ ПЛАНЕТОХОД

Утро выдалось солнечным и тёплым. Икрам уже давно проснулся, но какое-то нежное, тёплое чувство расслабило его, и ему хотелось ещё немножко поваляться.

Мама давно встала, было слышно, как она подметала двор и разговаривала с бабушкой:

¹ Айл – село.

– Уж сколько раз ему говорила: ну вывези эту рухлядь, совсем места не стало... и цветам темно, вон какая громадина.

Бабушка что-то ответила, но это уже не волновало его, в голове вертелось только одно: как вывезти, куда вывезти, ведь это его вещь, только его одного, его самая настоящая собственность?!

Икраму шёл уже шестой год, скоро в школу.

Интересно, какая она такая – школа? Нарядная, как ёлка, или даже лучше?

Как-то раз они с папой ездили в город, так там везде стояли ёлки, такие красивые, украшенные разноцветными шарами.

Быстро одевшись, Икрам выскочил во двор, при этом чуть не сбил бабушку.

– Уже встал, Икрамчик, куда опять бежишь?..

Не дослушав наставления, он выскочил во двор. Его собственность лежала на месте, на том же самом, где он вчера и оставил.

Он стёр со лба пот и присел в кресло своего планетохода.

Название дал ему папа, он и рассказал о чудо-машине, которая передвигается на гусеницах, как сельский трактор, только она с огромными колёсами в виде гусениц, ведь там, на другой планете, нет дорог: одни ямы, по-настоящему кратеры.

Они похожи на огромные впадины, ну как ущелья, только ещё глубже, как рассказывал его отец.

Придвинув поближе кресло – старый деревянный ящик из-под бутылок, он потянул рычаг и тихонечко засопел, потом всё громче и громче, разгоняя планетоход. Вдруг урчанье прекратилось – порвался рычаг управления.

– Опять трос менять, надо было взять толстую катушку...

Размотал конец, привязав предварительно к концу рычага, а второй перебросил на пульт управления планетохода с рычажками, дающими старт.

Пульт снова заурчал – махина двинулась вперёд.

– Стоп, стоп, назад, впереди кратер...

Он и сам удивился, что вовремя вспомнил это слово, которое упоминал отец.

Кратер бывает не только глубоким, но и плоским, как блин, раскинувшимся на несколько километров, красиво выглядевшим с Земли – папа видел в планетарии, когда ездил в Москву.

– Левее метров пятьдесят. – Так измеряли двор, и эту цифру он произносил как давно знакомую и надёжную...

– Ну чего ты с ней возишься, всё равно она не полетит, слишком тяжёлая... – высказал своё мнение Исман, соседский мальчик, завидующий, что не у них рос тополь и не у них остался такой большой планетоход, на котором так увлечённо играл Икрам. Он завидовал всем нитям, рычагам управления, которые тянулись от одного корешка до другого, создавая фантастический образ планетоходов, работающих в космосе...

И в его воображении вдруг предстало, как они вдвоём в скафандрах – такой одежде для полётов, без которой не пустят на борт ракеты, – летят в безвоздушном пространстве, где вес ничего не значит, и они передвигаются, а точнее, перелетают с одного места на другое и питаются из сладких тюбиков, похожих на зубную пасту, только слаще и вкуснее.

– Ты что, не слышишь? – командовал Икрам. – Освободи место для посадки.

– Какой ещё посадки? – не понимал Исман, всё ещё находясь в фантастическом полёте на корабле.

– Так говорит командир корабля, отдавая команды на Землю... Понял? – выпалил Икрам приказным тоном.

Оставив благополучно приземлившийся корабль, мальчишки побежали на речку купаться.

А старый огромный пенёк был вывезен в тот же вечер со двора...

ЕРГАШКА

Раннее утро всегда бывает таким свежим и бодрым. Осеннее солнце ярко блестит на нежно-жёлтых листочках, отливая золотом на каплях, оставшихся после дождя.

Казалось, все краски осени собраны в тенистой аллее, вдоль которой тянулся причудливо извивавшийся забор, скрывавший фигуру мальчика, голова которого то выглядывала, а то исчезала в густой зелени сада.

Два огромных чёрных глаза боязливо озирались, услышав резкий шум взлетевшей птицы. Белочки гонялись друг за другом по стволу большого дерева. Из-за сухих веток, заваленных листьями, показалась любопытная мордочка ежа. Понюхивая воздух и озираясь в направлении лесного шума, ежиха быстро пробежала, перебирая маленькими лапками, в ближайший куст арчи.

А юркое тельце мальчика пробиралось всё дальше вдоль извилистого забора, нарушая тишину треском сухих веток.

А из самого сказочного домика, утопавшего в ярких цветах осени, донёсся нервный звук растерянного женского плача...

И вся эта красота и покой вмиг превратились в кошмарную круговерть: люди в белых халатах бегали по тенистым аллеям сада, попеременно раздвигали кусты в поисках чего-то. Из приоткрытого окна доносился голос плачущей женщины, всё громче разносился по территории парка:

– Да, пропал мальчик. Да, везде искали... не можем найти...

– Сколько лет?

– Шесть, глазки чёрненькие, личико худенькое, вытянутое...

– Одет во что?..

– В голубенький свитер и светлые шорты. А потерявшийся быстро перепрыгнул через арык, очутившись у стены высокого забора. Вынув несколько кирпичиков, прильнул к потайному лазу всем своим хрупким телом.

А там кипела совсем иная жизнь.

Прохожие спешили, обгоняя встречных так близко, что едва не сталкивались. Ергашка – так звали мальчика, – хитро щурясь, представлял это столпотворение. Маленький мальчик, а может и девочка, смешно переваливаясь с боку на бок, вскидывает попеременно то одну, то другую ножку, пытаясь догнать маленькую собачку, но, оступившись, падает на животик, беспомощно барахтаясь, а собачка с лаем бежит вокруг.

Подросшая мама, высоко подняв малыша, кружится с ним, целует его.

Ергашка ещё долго смотрел на незнакомую ему жизнь...

Закрыв потайную щель, он стал быстро носить кирпичи – один, второй, третий, – складывая один на другой. Ещё немножечко, ещё чуточек – и вот пальцы ухватились за край стены. Подтянувшись, он уже сидел на краю забора, свесив обе ножки.

Громадный тёмный ком внезапно плюхнулся на асфальт, приземлившись прямо у ног остановившейся от испуга девочки. И это произошло так быстро, что она успела лишь закрыть лицо рукой. По асфальту катились в разные стороны разноцветные мелки, вывалившиеся из коробочки.

Ергашка даже не ожидал своего падения к ногам такой юной леди. Сидя в полной растерянности, он только и глядел на её застывшее тело, да ещё с закрытым руками лицом. И стал быстро собирать рассыпанную ношу, укладывая мелки в коробочку. А таинственная незнакомка, уже осмелев, лукаво поглядывала на ползающего у её ног мальчика.

Коробка была почти заполнена, когда весёлый смех девочки отвлек Ергашку от вынужденного занятия. Смотря в сторону высокого забора, почти отвернувшись от него, она весело и задорно смеялась.

По извилистому забору, переваливаясь с боку на бок, при этом важно вышагивая, пытался пройти ярко-красный попугай, любимец детворы, со странной кличкой Кыш. Он чуть было не упал, оступившись, смешно размахивая крыльями, восстанавливая равновесие. И,

как жонглер на канате, смешно лавировал то одним, а то другим крылом, сопровождаемый весёлым детским смехом.

Веселье царило в парке, ведь сегодня конкурс детского рисунка.

И именно поэтому по большому кругу валялись разноцветные мелки, которые поминутно находили применение у художников, ползавших то с одной, то с другой стороны.

А Кыш, склонив головку набок, внимательно старался увидеть, чем заняты ребята, при этом что-то пытаясь говорить, попугай-то был говорящим.

– Хочешь, нарисую?

Ергашка старательно, даже прикусив губу, наносил штрих за штрихом то жёлтым, то красным мелком, прочерчивая радужное чередование ярких цветов на асфальте. Сидя на плече, Кыш не видел ничего из-за спин ползавших художников, закрывавших весь красочный вид.

Конечно, на асфальте появлялся портрет самого попугая. Двое маленьких художников, ползая на четвереньках, заканчивали рисунок.

Спрыгнув с плеча на асфальт, гордо вышагивая, попугай приблизился к рисунку, клюнув его несколько раз, громко шепелявя: «Кыиш, Кыиш», – и всем было понятно, что это именно он попугай по имени Кыш. А обоих наших ребят отобрали на главный конкурс за великолепный рисунок попугая.

Осень – самая яркая, самая разноцветная пора. Переливаются на солнце сочные жёлто-красные листья, окаймлённые голубым небом. Вытянутые жёлтые здания, жёлтые машины, жёлтые люди – пока не уберёшь жёлтый лист.

Они долго любят приключениями золотой осени, попеременно смотря через большой ярко-жёлтый лист клена. Взявшись за руки, весело бегут по аллее, усыпанной листьями, радуясь осеннему солнечному дню. Машины с шумом проносятся по шоссе, разбрасывая жёлтые листья, которые ещё долго кружатся в воздухе.

Гулька – так звали девочку – привела своего друга в парк, на главный конкурс, где они с трудом протискивались через толпу народа. Кругом висели разноцветные плакаты, красные

натяжные ленты с надписями, огромные разноцветные шары пытались вырваться в полёт.

Афиши, люди, гуляющие по парку, – их было так много, а особенно на конкурсе детского рисунка, где уже проводился финал и собрались лучшие художники. Каждый из них занимал лепесток огромного цветка, похожий на большой солнечный круг или нарисованный подсолнух, в одном из лепестков заняли место и Гулька с Ергашкой.

Ведущая с микрофоном, находившаяся в центре круга, что-то рассказывала, поминутно подходя при этом то к одному, то к другому художнику. Прямо перед Ергашкой, на другой стороне круга, висел плакат, на котором виднелись слова: «мама»... а чуть повыше – «конкурс»... Слово «мама» совсем знакомое, не то что второе, которое и по слогам было непонятым.

Непонятно, почему среди собравшихся людей, так много мам – или так казалось ему. Они весело улыбались, переговаривались, спорили по поводу рисунков, появлявшихся на асфальте...

Одна из мам присела в лепесток дочери, пытаясь помочь раскрашивать рисунок.

Почему именно мамы?

Почему их так много?

Почему у каждого художника рядом взрослые люди?

Почему?.. Почему?.. Почему?

Ергашка растерянно смотрел по сторонам, рассматривая каждого взрослого родителя. Он стоял с опущенной рукой, потирая ею вдоль штанины, оставляя белый след мелка.

А Гулька самозабвенно рисовала огромный домик, цветы, жёлтое солнышко с длинными лучиками, а в центре трёх медведей из сказки. Большой – это папа, другая – мама, а посередине – дочка, державшая их за лапы...

Эту сказку читали почти каждый день, и в детском доме все знали её наизусть.

Ведущая, заинтересовавшись рисунком девочки, вплотную подошла к её лепестку, чуть отодвинув Ергашку в сторону. Гулька увлечённо что-то поясняла, показывая на рисунок, водила мелком.

Ергашка шёл по пустынной улице. Осеннее солнце уже не светило так ярко. Поблёкшие ли-

стья, срываемые ветром, кучами лежали вдоль края аллеи. Одинокие пешеходы проплывали мимо, расплывшись в этой холодной, дождливой осени. Машины лениво катились одна за другой, размётывая в разные стороны осенние листья.

Один ярко-жёлтый лист застрял в потоке бегущей воды. Волны били его со всех сторон, но он никак не мог вырваться. Ергашка долго смотрел на него, положив голову на колено, сидя на краю арыка.

Поток набежавшей волны напомнил и смеющуюся Гульку, и говорящего попугая, а самое главное – это множество женских лиц...

Они улыбались, увлечённо наблюдали, обнимались, радовались, умиленно смотрели на своих детей.

Их было так много – разных лиц и разных мам. А у него нет никакой. Почему, почему так бывает на свете?!

Слёзы катились сами собой по щекам, каплями стекая прямо в несущие потоки арыка.

Он шёл мимо нескончаемого забора, и никто не мог ему объяснить, ответить, почему так бывает в жизни, чей он и есть ли где-нибудь на белом свете его, только его родная мама...

Моноotonно, как камертон, стучит по металлическим прутьям забора палка. Ворота закрыли одинокий силуэт мальчика в коротких серых шортиках и голубом свитере, с деревянной палкой в руках.

А когда он появился у самого входа, его за руку тянула женщина в белом халате.

Не сопротивляясь своей судьбе и подчиняясь силе, он исчез за огромными дверьми сказочного домика с обыкновенной табличкой «Дом ребёнка».

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

«РУССКИЕ ПРОСТОРЫ»

10 июня 2025 года в Институте открытого образования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации состоялось торжественное открытие выставки «Русские просторы» академика Международной академии современного искусства, художника Виктора Владимировича Курьянова, работы которого публиковались в журнале «Александръ». Непосредственное участие в организации данного мероприятия принял Анатолий Труба. Мероприятие, приуроченное ко Дню России, собрало любителей искусства, представителей власти, общественных объединений и творческой интеллигенции.

В церемонии открытия приняли участие почётные гости: А. С. Труба – главный редактор журнала «Александръ»; Е. П. Ловягина – начальник отдела по взаимодействию с населением управы района Филёвский парк; Н. Ф. Иванов – секретарь Союза писателей России; А. А. Литуновский – заместитель начальника Центральной войсковой комендатуры Росгвардии; Ю. Н. Васюнькин – исполнительный вице-президент Международной Ассамблеи столиц и крупных городов, а также представители образовательных структур и бизнес-кругов.

Гости смогли познакомиться с живописными и графическими работами, в которых художник отразил красоту родной природы, богатство культуры и традиций. Искусство В. В. Курьянова основано на эмоциях и личных переживаниях, что придаёт его картинам особую атмосферу и энергетику. В рамках церемонии прошли приветственные выступления, а сам автор провёл для посетителей экскурсию по экспозиции, поделившись историями создания картин.

Выставка продлится до конца августа 2025 года и обещает стать ярким событием в культурной жизни университета.

Виктор Курьянов. Вершина лета. 2021

«АЛЕКСАНДРЪ»

🏠 alexlib.ru